
Леонора Кэррингтон
Слуховая Трубка

Слуховая трубка
Леонора Каррингтон

Аннотация
Леонора Каррингтон. Слуховая трубка
Предисловие
Леонора Каррингтон. Слуховая трубка

Аннотация

Книга, которую сравнивают с «Алисой в Стране чудес» Льюиса Кэрролла.

Удивительная история эксцентричной пожилой леди Мариан Летерби и ее невероятных приключений в самом необычном доме для престарелых, какой только можно вообразить.

Таинственный портрет и загадочные преступления…

Глобальные катастрофы и поиски Святого Грааля…

Последователи религиозно-мистических культов и древние языческие боги…

В изящной и яркой книге Леоноры Каррингтон даже самые искушенные знатоки и ценители настоящей литературы найдут для себя что-то совершенно новое и неожиданное.

Леонора Каррингтон
Слуховая трубка

Предисловие

Те, кто пишет о Леоноре Каррингтон (увы, о ее удивительном искусстве и книгах сказано очень мало), уделяют большое внимание ее жизни: смакуют ее непредсказуемую импульсивность. Вот она, девятнадцатилетняя английская дебютантка, сбегает, чтобы войти в мир сюрреалистов: вот она приходит на шикарную парижскую художественную вечеринку, завернутая в простыню, и шокирует бомонд, сорвав ее и представ перед публикой голой. Она сидит за столиком в ресторане и обмазывает ноги горчицей. Красит чернилами кальмара холодную тапиоку и подает гостям, выдавая за икру. Не обращая внимания на собравшихся в комнате, встает, идет в одежде под душ, а затем, возвратившись, опять усаживается на диван, хотя с нее льет вода. Случалось, что гостившие в ее доме люди приходили на завтрак и Леонора подавала им омлет с их же волосами, которые состригла, пока они спали. В краткой биографии, предпосланной одной из публикаций ее работ, содержится такая немыслимая в жизнеописании других литераторов фраза:

«В мадридском доме для умалишенных с ней ужасно обращались, и ее вызволила оттуда няня, прибывшая в Испанию на подводной лодке».

Что это: апокрифы или правдивые истории? О ней рассказывается, как в 1934 году в семнадцать лет после фотосессии в отеле «Ритц» по случаю ее первого выезда в свет после того, как ее (по ее собственному выражению) выставили напоказ на «ярмарке невест» при дворе короля Георга V, она сидела на ипподроме «Аскот» и читала «Слепца в Газе» Олдоса Хаксли. Девушка. Читает. И такую скандальную книгу. «В те времена, если ты женщина, тебе не позволялось делать ставки. Не позволялось даже заходить в паддок, куда выводили напоказ лошадей. Вот я и взяла книгу. А чем было еще заняться?»[1] Леонора воспроизводит те дни в своем раннем рассказе «Выход в свет». В нем говорится, как девушка, познакомившись и подружившись в зоопарке с гиеной, учит ее французскому языку, а в обмен зверь обучает ее премудростям гиенского. Девушка решает выставить гиену вместо себя на балу дебютанток: «Я разыскала пару перчаток, чтобы скрыть ей руки, которые, в отличие от моих, были уж слишком

[1] Примечания: 1

Из интервью Пола де Ангелиса. Леонора Каррингтон: мексиканские годы 1943–1985, 1991, с. 34.

волосаты». Сюжет начинается как забавный розыгрыш и заканчивается невозмутимо-спокойно, но кроваво. Его тема — зарождение насилия в любых социальных изменениях или переменах собственного «я». А стимул этого насилия — в не прибегающей к оправданиям дикости.

Книги и картины Леоноры населены домашними животными, хищниками и существами, наполовину реальными, наполовину вымышленными. В ее живописи — и мрачной, и полной красок — присутствуют болтающие друг с другом звери, странные, похожие на людей создания, многорукие ящерицы-змеи, полуволки-полулюди, люди, оборачивающиеся птицами (или это птицы оборачиваются людьми?), гномы в масках. И все они помещены в полуреальное-полувымышленное окружение, пограничное пространство между добром и злом. Картины напоминают театральные мизансцены, в которых раскрывается животная сущность людей и социальная сущность животных и создается магическая реальность, где то и другое сливается воедино и создается гибрид, причем часто в ходе ритуальной трапезы за похожими на столы алтарями, где еда выглядит удивительно живой. А в литературе Каррингтон эта еда и есть буквально

живая. В «Дяде Сэме Каррингтоне» рассказчица (случайно знакомящаяся с дамами из высшего света, которые тайно на своих кухнях избивают овощи и кричат, что никто не войдет в Царствие Небесное, если не носит корсетов) становится свидетельницей драки при луне двух кочанов капусты. «Они отрывали друг от друга листья с такой яростью, что вскоре не осталось капусты — одни разбросанные листья».

Искусство Каррингтон характеризуется мрачной игривостью; откровением неожиданной и часто активно воинственной жизни; глубоким, магическим и в то же время по-обеденному практичным видением потустороннего; отказом от принятых социальных и духовных авторитетов; столкновением загадочных и зачастую упрямо не поддающихся расшифровке символов — иногда из алхимии или таро или широкого спектра мифологий и знахарских традиций, а также из буддизма, римского католицизма, ирландского фольклора, каббалы, астрологии. Но это искусство никогда не подпадало под классификации закрепленных смыслов. Каррингтон «категорически отказывалась объяснять какой бы то ни было аспект своего художественного творчества, утверждая, что ее работы должны говорить са-

ми за себя», так писала о ней Сьюзан Аберт[2]. Возможно, это упорное нежелание Каррингтон признавать, что вещи могут быть чем-либо иным, кроме их таинственных сущностей, заставляет критиков искать ассоциации ее образам в чем-то более простом, биографическом. И неудивительно. Жизнь Леоноры Каррингтон поразительна.

Она родилась в 1917 году в семье богатого текстильного промышленника из Северной Англии. Ее мать была дочерью ирландского врача (Каррингтон любила подчеркивать ее цыганские корни). Росла Леонора главным образом в имении Крукхи-холл — по-готически величественном здании неподалеку от Ланкастера — и была единственной среди братьев девочкой в семье. О ней заботилась ее ирландская няня, которая вместе с матерью привила Леоноре любовь к ирландскому фольклору и мифам о подземных богах сидхе. Но большую часть детства Леонора бунтовала как против социального класса, к которому принадлежала, так и против любых попыток установить для нее какие-либо светские правила. Ее исключают из одной за другой закрытых католических школ, поскольку монахини объявляют

[2] Примечания: 2

Аберт С. Леонора Каррингтон: сюрреализм, алхимия и искусство. 2005, с. 9.

ее «умственно неполноценной», но на самом деле встревожены ее странной склонностью к чудесному, природной дерзостью подростка, задающего вопрос, почему два плюс два равняется четырем, и особенно пугающей способностью Леоноры одинаково писать обеими руками и даже зеркальным способом, то есть задом наперед.

Родные посылают трудного ребенка с глаз долой — учиться лучшим манерам в закрытую школу мисс Перроуз во Флоренции, где она постоянно посещает музеи и галереи, и ее поражает творчество Паоло Учелло, Антонио Пизанелло, Джузеппе Арчимбольдо. Завершив образование в Париже, она, уже на правах дебютантки, появляется на приеме в отеле «Ритц» в честь своего первого выхода в свет и, к ужасу родителей, объявляет, что хочет заниматься живописью. Отец отвечает, что уж лучше бы дочь выбрала профессию заводчицы фокстерьеров. Леонора предпочитает измениться — она больше не бунтующая дочь богатых родителей, а бедная ученица живописи. Она поступает в новую лондонскую академию Амеде Озанфана, представителя школы пуризма, отпочковавшейся от кубизма. Озанфан заставляет ее полгода рисовать одно и то же яблоко, пока оно не превращается в

мумию[3]. В девятнадцать лет Леонора знакомится с художником-сюрреалистом Максом Эрнстом, чьей живописью она восхищается. И, несмотря на то что он женат и ему хорошо за сорок, влюбляется в него и уезжает из Англии в Париж. «Нес Максом. Одна. Я всегда убегала одна»[4]. Тогда же Каррингтон знакомится и сближается с Андре Бретоном, Роладом Пенроузом и его партнершей, американским фотографом Ли Миллер, которая сделала самые красивые снимки молодой Леоноры. На фотографии, снятой Пенроузом в 1937 году, Миллер, Каррингтон и еще двое друзей изображены в момент светского общения. Застыв в изысканных позах и опираясь друг на друга, они, словно внезапно заколдованные, крепко спят, все еще держа в руках чайные чашки.

Леонора моментально становится музой и избалованным ребенком сюрреализма. «Она воплощает в себе все, что ценит это движение в женщине: молодость, красоту, живость, раскованность и воображение без границ»[5]. Но она

---

[3] Примечания: 3
Интервью Пола де Ангелиса, с. 34.

[4] Примечания: 4
Там же, с. 36.

[5] Примечания: 5
Чедвик У. Женщины-художницы и движение сюрреализма. 1985, с. 67.

всегда считала себя особенной — стремление к своеобразию пронизывает всю ее жизнь и творчество, — и теперь, когда ее называют чьей-то музой, только презрительно фыркает. Сближение с сюрреалистами одновременно и сковывало, и раскрепощало ее. Она была воплощением femme-enfant[6] и sorciere[7], но, с другой стороны, сюрреалисты показывали ее работы на своих главных выставках рядом с картинами швейцарки Мерет Оппенгейм, испанки Ремедиос Варо (чья дружба будет очень важна для Каррингтон впоследствии), англичанки Айлин Агар и других женщин-живописцев.

Между 1937 и 1940 годами Каррингтон жила с Эрнстом во Франции — сначала в Париже, затем в райском деревенском уголке Сен-Мартен д'Ардеш, и тогда начала писать по-французски рассказы, которые расходились в публикациях сюрреалистов. В ее произведениях удивительным образом сочетается обыденное, узнаваемое и сюрреалистическое, как в сказках, наполненных блестками реальной жизни. Вот волосатая женщина, способная поболтать с кошками, вот

---

[6] Примечания: 6
Женщина-ребенок *(фр.)*.

[7] Примечания: 7
Колдунья *(фр.)*.

жалкие священники и святые, обещающие голодающим бесполезное питание и убивающие в них страсть к деньгам. А вот более практические аспекты жизни после смерти — например, скелет, радующийся, что освободился от бренной плоти, потому что теперь его больше не кусают комары. А затем разразилась Вторая мировая война, и немца Эрнста арестовали как гражданина враждебного Франции государства. Каррингтон приносила ему краски, чтобы он мог работать в тюрьме. Вскоре освобожденный, он через некоторое время был вновь задержан, но уже оккупировавшими Францию немцами, в чьем списке значился представителем «вырождающегося искусства».

Оказавшись в двадцать три года одна за границей, Каррингтон перестает есть, и ее психическое состояние становится нестабильным. Добиваясь для Эрнста визы, она едет в Испанию, где попадает в дом для душевнобольных, и там ее лечат кардиазолом, вызывающим примерно такую же реакцию, как впоследствии проводимая ей электроконвульсивная терапия. Это время порождает мучительный, беспристрастный отчет о ее недуге — рассказ «Там, внизу».

«Очень было похоже, что я умерла», — скажет

позднее Леонора Марине Уорнер[8]. Ускользнув из страшного заведения и перехитрив посланных растерянными родителями телохранителей, она уезжает в США, а затем поселяется в Мехико, где уже живут приехавшие сюда в поисках безопасности многие ее друзья-сюрреалисты. Там она выходит замуж за венгерского фотографа Имре Вейца, который едва не стал жертвой гитлеровского антисемитизма. Город Мехико, счастливо объединяющий духовность с магией, во многом устраивал Леонору. В этом городе она снова встречается с художницей-сюрреалисткой Ремедиос Варо, и дружба женщин способствует расцвету их творчества, что находит отражение в «Слуховой трубке» — образ подруги героини Кармеллы явно навеян личностью блистательной Варо. В текстах Каррингтон обнаруживается еще несколько литературных намеков (например, в «Слуховой трубке» в докторе Гэмбите можно с достаточной вероятностью увидеть пародию на русского философа-мистика Георгия Гурджиева, а в Мальборо — калифорнийского мистика Эдварда Джеймса).

Однако всякое прочтение «реального» в рабо-

[8] Примечания: 8

Имеется в виду предисловие М. Уорнер к произведению Л. Каррингтон «Дом страха».

тах Каррингтон приобретает особое значение, если наделить сюрреализм, в котором она жила, иной степенью актуальности. Это также ясно прослеживается и в творчестве ее современницы Ли Миллер: ее навеянные сюрреализмом 1930-х годов фотографии открывают взгляду реально-сюрреальное, например, снимок 1945 года груд тел в концлагере Дахау или совершившей самоубийство дочери бургомистра Лейпцига, словно спящей на большом кожаном диване с легким слоем пыли на лице. Вся литература Каррингтон — это спор реального с нереальным, и уже в ее раннем рассказе «Каменная дверь», написанном в начале 1940-х годов, странные трепещущие рождения и превращения происходят на фоне всепроникающих картин войны, очень напоминающих холокост.

В этом свете классическая «Слуховая трубка» — это послевоенное, послеатомное видение мира с отсылкой к эре глобального потепления. Поэтому ее переиздание своевременно, как никогда.

Некоторые критики полагают, что «Слуховая трубка» написана в начале 1960-х годов. Но более поздние источники утверждают, что Каррингтон написала ее раньше, в 50-х, когда ей самой только перевалило за тридцать. Сьюзан Аберт в своей

прекрасно иллюстрированной книге «Леонора Каррингтон: сюрреализм, алхимия и искусство» пишет: «Каррингтон сказала мне, что закончила книгу, пока сидела в кафе «Гарибальди» на площади Мариачас, оглушаемая какофонией шума». Друг Каррингтон, Альберт Левин, попытался опубликовать книгу в Нью-Йорке, но не сумел заинтересовать издателей ее содержанием — девяностодвухлетняя феминистка заключена в средневековый испанский замок, превращенный в дом престарелых[9].

Эта удивительная, искрометная, смешная, полная энергии и мастерства очаровательная повесть в то же время глубоко коренится в ужасе, которым проникнут написанный семь лет назад рассказ «Там, внизу». «Трубка» была утеряна, затем найдена и впервые опубликована в 1974 году в переводе на французский под названием «Le Comet Acoustique». Первоначальная английская версия увидела свет в 1976 году. Эта повесть — самое зрелое произведение Каррингтон, ее наиболее значительное достижение в прозе и в каком-то смысле утверждение ее собственной зрелости.

---

[9] Примечания: 9
Аберт С. С. 147.

Героиня повести — Мариан Летерби — девяностодвухлетняя женщина-инвалид. Современный мир сделал ее не видимой и не слышимой для относящихся к ней с презрением родных. Ее подруга Кармелла дарит ей огромную слуховую трубку, которая позволяет ей узнать, что творится вокруг, и разговоры окружающих вдруг становятся доступными для ее ушей. Она подслушивает, что семья решила отправить ее в христианское благотворительное заведение для престарелых дам, управляемое Братством Кладезя света, которое финансирует известная американская зерновая компания. В понимании Каррингтон за могуществом любой традиционной религии неизменно стоят деньги. Лайтсам-холл и его окрестности — это нехитрое, топорное надувательство, когда старушки живут в домиках из детских стишков, чтобы их родные думали, что они ведут беззаботную, мирную жизнь. Бессмысленное учение доктора Гэмбита, основанное на поисках внутреннего смысла христианства, на самом деле представляет собой смесь одурманивания и навязывания всякой религиозной мути. Там притворяются, что слышат духовные голоса, изобретают нелепо-смешные и глупые ритуалы и утверждают, что им были видения, и все это

только ради того, чтобы привлечь к себе внимание. Но вдобавок ко всему есть еще висящий над обеденным столом портрет монахини с косящим глазом, подмигивающей «со сбивающей с толку смесью насмешки и недоброжелательства». Монахиня смотрит на полуголодных пожилых дам, среди которых и Мариан Летерби, и вот эта Мариан Летерби вопреки царящим в доме порядкам создает иную систему верований, в которой противоестественная на вид монахиня открывает нечто волнующе потустороннее. Затем Мариан становится свидетельницей убийства, превращается в некое подобие древней анархистки и начинает режиссировать революцию. Она узнает, что значит родиться заново. Учится выживать в реальном жестоком мире.

С самого начала Леонора Каррингтон подчеркивает сюрреализм повседневного бытия. Служанка пожилой госпожи предпочитает разговаривать с кошками, а не с детьми, с которыми никогда не общается, хотя, «наверное, любит их по-своему». У самой Мариан есть «короткая седая бородка, которая у обычных людей вызывает отвращение». Она же находит, что «в ней есть особый шик». Что это: сюрреалистическая бородатая героиня повести или просто описание подбородка любой

старухи? Ее родные сидят у камина с электрическим очагом. Разве можно представить что-то более абсурдное? Самые просвещенные героини повествования удивлены абсурдности того, как миллионы и миллионы людей «подчиняются тошнотворной кучке господ, именующих себя правительством». Они задаются вопросом, не лучше ли и не приятнее ли для человека жить вовсе без власти? «Придется думать за себя, а не руководствоваться тем, что говорит реклама, кино, полицейские и парламенты». Героини выступают за то, за что и произведение в целом: за очень простую анархию — независимость суждений.

«Слуховая трубка» — в основе своей книга о глубоком разобщении. В центре повествования — люди, не способные или не желающие слышать друг друга. Она о том, как мы слышим или как мы не слышим или не способны слышать, и о том, что происходит, если мы получаем способность слышать и видеть по-другому. «Я стараюсь избавиться от образов, которые лишают меня зрения»[10], — заявила как-то Каррингтон. Такое впечатление, что ее книга, которая сначала

---

[10] Примечания: 10
Уорнер М.

кажется пародией и читается как «уютный» детектив Агаты Кристи, вдруг тает, снедаемая невероятным жаром, и, превращаясь в нечто невообразимое, похожее на журнал алхимика, стремится избавиться от любых принципов и представлений о принятом «цивилизованном» повествовании. Например, вся «английскость» повести — всего лишь призрачная мечта пожилой женщины о юности, когда очаровательный, но ребячливо-пустой молодой человек пригласил ее поиграть в теннис, а сам растворился в воздухе, и она увидела сквозь него рододендроны. «Нет, ты не умер, не происходит ничего драматичного, просто ты потихоньку исчезаешь, и я даже не могу припомнить твоего имени. Белый фланелевый костюм запомнился лучше, чем ты сам». И все-таки это литературное произведение, в котором все социальные достоинства несмываемо и очаровательно английские. Приземленный язык не терпит разряженности, и речь самой Мариан превосходно держит его в рамках здравого смысла. Трудно не поверить рассказчице, когда она с уверенностью утверждает: «Я не ем мяса, поскольку считаю неправильным лишать жизни животных, тем более что их так трудно прожевать». Или ее изысканной вежливости, когда,

хоть всем кажется, что наступает конец света, она говорит: «Мы провели бы очень приятный вечер, если бы не угроза голода».

Но сильнее всего книга воздействует на чувства читателя, оживляя их сочетанием смешного, очаровательного и искреннего, и человек, душевно веселясь, исторгает из себя яд. В произведениях Каррингтон большое место отведено «творческой стряпне», обладающей политической и преобразующей силой в бытовом пространстве. Автор наделяет религию разнузданным аппетитом. Задается вопросом, как и что мы едим. Анархический бунт и альтернативная вера вращаются вокруг приготовления пищи. И финальный акт возрождения есть не что иное, как самопоглощение, высвобождающее собственное «я».

Роковая слуховая трубка — постоянно повторяющийся символ. Уже с самого начала книги автор сравнивает героиню с архангелом Гавриилом с его апокалипсической трубой, хотя подчеркивает, что тому «это устройство требовалось, чтобы подавать трубный глас, а не слушать через него. Согласно Библии, он протрубит в тот день, когда человечество погубит последняя катастрофа». В «Слуховой трубке» разговор ведется не только о том, как в узком на первый взгляд кругу немощ-

ные старухи спорят, кто из них главнее, не только о людях с комплексом власти Гитлера, не только о выведенной в образе доброй Кармеллы разумной анархической паранойе в постатомный век, чей конец апокалипсичен и ужасен. Повесть наполнена уважением к природе и ее обитателям и предостерегает людей, забывших свое естество. Одна из целей загадки текста — предупредить, что «полюса меняются» и для множества обитателей планеты последствия этого могут стать катастрофическими.

«На людей до семидесяти и за семь, если они не кошки, полагаться не приходится». В «Слуховой трубке» много неожиданных утверждений и переиначенных расхожих изречений. «Человек не может быть уверенным в своем будущем». Каррингтон в повести переписывает будущее. Переписывает наше представление о людях за семьдесят и вообще о пожилых дамах (и делает это не только при помощи образа блистательной Мариан Летерби, но в одном случае — самой обыкновенной из всех обитательниц дома престарелых, которую показывает распространительницей наркотиков, переодевающейся в мужскую одежду и вообще не дамой). Она переписывает легенду о Святом Граале, и та ста-

новится легендой о «нечестивом любопытстве». Вольно и восторженно обращается с материалом Ветхого и Нового Заветов, создавая взамен альтернативную, дружественную миру, женоконцентрическую духовность. Переиначивает «больное воображение», превращая его в новый загробный мир. Изменяет известную или узнаваемую действительность в нечто не от мира сего. Переделывает слуховую трубку из апокалипсического символа в принадлежность доброго разбойника (в конце книги Мариан носит свой рог на манер Робин Гуда и выступает в роли Престарелой Девы нового века). Возникает вопрос: не является ли преклонный возраст Мариан Летерби протестом Каррингтон против устоявшегося в среде сюрреалистов мнения о ней как об исключительно одаренной женщине-ребенке? Очень и очень возможно, что Мариан — это та старуха из кельтской мифологии, чья мудрость является магическим ключом ко всем возрастам и поколениям. Рассказывая о живописи Каррингтон конца 1980-х годов, Уитни Чедвик вывела такую формулу ее тяготения к этому образу: «Она отвергала идеалы юности и красоты, доминирующие как в современной культуре, так и на протяжении почти всей истории западной

живописи… Изображение старых, морщинистых лиц наряду с восстановлением знаний и власти пожилых полностью соответствует уверенности Каррингтон, что цивилизации не на что надеяться, если женщины вновь не обретут силу воздействовать на ход человеческой жизни»[11]. В реальности — и Каррингтон всячески акцентирует внимание на больных костях и выпавших зубах Мариан Летерби — старость — это также простое доказательство хода времени и изменения миропорядка. Время, как нам всем известно, течет, подчеркивает Мариан. Время — здесь Леонора Каррингтон на мгновение сбрасывает маску — даже сделало респектабельным сюрреализм, ведь уже и «в Букингемском дворце есть репродукция знаменитого натюрморта Рене Магритта с ломтем ветчины, из которого таращится глаз. Он висит в Тронном зале», — произносит дебютантка, которая некогда бежала к тому, что ей казалось противоположностью респектабельности, а теперь стала свидетельницей того, как все ее бунтарство, все то, что было присуще только ей одной, превращается в привычную повседневность для многих.

---

[11] Примечания: 11

Чедвик У. Леонора Каррингтон: последние работы. Нью-Йорк Брюстер каталог, 1988.

«Слуховая трубка» — это также заново переписанное время, которое либо превращает нас в «ужасный старый остов», либо переделывает и обновляет нашу личность. Книга требует, чтобы мы воспринимали все по-другому и обнаруживали жизнь там, где совершенно не рассчитывали ее увидеть. Она настаивает, чтобы читатель впустил в себя темное и первозданное и переосмыслил действие силы. Это произведение огромного оптимизма, и в его конце стая волков отгоняет взбешенных церковников и агентов тайной полиции, а населяющие мир люди ждут конца ледникового периода, когда снова взойдет трава и расцветут цветы.

Прошло пятьдесят пять лет, и когда я пишу это предисловие, Леонора Каррингтон почти в таком же возрасте, как Мариан Летерби, но она по-прежнему занимается живописью. Ее самые последние картины и статуэтки демонстрируют людей, гоняющихся за птицами или превращающихся в птиц. Она изображает людей и животных в загадочном соединении, музыкальный праздник неких существ и людей, где главенствуют усыпанные звездами птицы и неземные твари, гигантскую черную собаку, держащую в лапе иконку с каким-то маленьким человечком, ры-

бу-ящерицу, на которой, словно в лодке, плывет другая рыба-птица-ящерица с такими же монстрами на спине.

В них все те же искания, что в начале жизни, когда Леонора (как гласит история) в возрасте четырех лет впервые нарисовала своих лошадок на величественных стенах Крукхи-холла. С тех пор она не устает возносить природное и первозданное на валы людских канонов, демонстрируя удивительную способность писать прозу вперед и назад, любой рукой и во всех направлениях. Ее интуиция, как должно идти повествование, и интерес к тому, как оно могло бы пойти по-другому, сотворили особый альтернативный, загадочный мир со своей ни на что не похожей прозой — оригинальной, веселой, приносящей радость, — сдержанно-фантастической прозой двадцатого века.

Али Смит, 2005 г.

Леонора Каррингтон
Слуховая трубка

Когда Кармелла дарила мне слуховую трубку, она, вероятно, предвидела некоторые последствия. Вообще-то я бы не назвала Кармеллу зловредной — просто у нее своеобразное чувство юмора. Трубка, без сомнения, являла собой превосходный образчик представителей своего класса, и хотя, по правде говоря, современной она отнюдь не выглядела, все же была просто прелестной — инкрустирована серебром и перламутром и сильно изогнута наподобие буйволова рога. К тому же эстетическая составляющая была не единственным достоинством данного предмета — слуховая трубка усиливала звук до такой степени, что обычный разговор становился вполне доступен даже для моих ушей.

Здесь я должна заметить, что возраст не ослабил моих чувств. У меня превосходное зрение, хотя я пользуюсь для чтения очками — если, конечно, читаю, чего практически никогда не делаю. Да, должна признаться, ревматизм несколько согнул мой костяк. Это, впрочем, не

мешает мне прогуливаться в теплую погоду и раз в неделю, по четвергам, подметать комнату — упражнение, на мой взгляд, одновременно полезное и нравоучительное. Могу добавить, что все еще считаю себя полезным членом общества и надеюсь, что иной раз способна быть приятной и забавной. Меня нисколько не смущает тот факт, что у меня не осталось ни одного зуба и что я так и не научилась носить протезы. Кусать я никого не собираюсь, а достать мягкое, хорошо усваиваемое желудком съестное не составляет никакого труда. Основу моей простой диеты составляет овощное пюре, шоколад и размоченный в теплой воде хлеб. Я не ем мяса, поскольку считаю неправильным лишать жизни животных, тем более что их так трудно прожевать.

Мне девяносто два года, и последние пятнадцать лет я живу с сыном и его семьей. Наш дом, расположенный в жилищном массиве, в Англии назывался бы домом на две семьи с крошечным участком и общей стеной с соседями. Не знаю, как это называется по-испански, но звучит, наверное, как «вместительная резиденция с садом». Все это далеко от истины. Тесный домишко никак не назовешь вместительным, а вокруг нет ничего, даже отдаленно напоминающего сад. Но малень-

кий задний дворик все-таки имеется, и я его делю с двумя моими кошками, курицей, служанкой с двумя детьми, некоторым количеством мух и кактусом по имени агава.

Моя комната выходит прямо в этот прелестный задний дворик, и я считаю его очень удобным, поскольку не приходится преодолевать никаких лестниц и, стоит лишь открыть дверь, ночью можно наслаждаться видом звезд, а рано утром лучами солнца — только такое проявление светила я способна выдержать. У служанки Розины, женщины из Индии, настолько угрюмый характер, что создается впечатление, будто она вечно недовольна всем человечеством. Полагаю, меня она к человеческим существам не относит, поэтому наши отношения нельзя назвать неприятными. Агава, мухи и я — предметы, неотъемлемые от заднего дворика, и, будучи элементами пейзажа, воспринимаются как таковые. Кошки — иное дело. Их индивидуальность в зависимости от настроения Розины либо вызывает в ней вспышки восторга, либо выводит из себя. С кошками она разговаривает, чего никогда не делает со своими детьми, хотя, как мне кажется, по-своему их любит.

Никогда не могла понять эту страну и теперь

начинаю опасаться, что больше не вернусь на север и не сумею выбраться отсюда. Но нельзя оставлять надежду, ведь чудеса случаются, и случаются очень часто. Люди считают, что ждать пятьдесят лет отъезда в какую-нибудь страну — это долгий срок, поскольку зачастую он составляет больше половины их жизни. Для меня же пятьдесят лет — это всего лишь отрезок времени, застрявший где-то, где мне совершенно не хочется находиться. Последние сорок пять лет я только и делала, что пыталась вырваться отсюда. Но не сумела: должно быть, держит меня в этой стране некая колдовская сила. Когда-нибудь я все-таки пойму, почему так долго здесь живу, хотя грежу северными оленями, вишневыми деревьями, лугами и пением дрозда.

Не всегда средоточие моих мечтаний — Англия. По правде говоря, я не особенно хочу обосноваться именно там, но мне надо навестить в Лондоне мать. Она стареет, хотя обладает великолепным здоровьем. Сто десять лет — возраст не великий, во всяком случае по библейским меркам. Слуга матери Макгрейв, посылающий мне почтовые открытки с видами Букингемского дворца, утверждает, что она по-прежнему очень подвижна в инвалидном кресле, хотя я не очень понимаю,

как человек может быть подвижен в инвалидном кресле. По словам Макгрейва, мать совершенно ослепла, но бороды у нее нет — это уже намек на мою фотографию, которую я в качестве рождественского подарка отправила в прошлом году.

У меня на самом деле есть короткая седая бородка, которая у обычных людей вызывает отвращение. Лично я нахожу, что в ней есть особый шик.

В Англии я пробуду всего несколько недель, а потом осуществлю мечту всей моей жизни — отправлюсь в Лапландию, где меня будут катать в санях собаки, очень мохнатые собаки.

Но это отступление. Не хочу, чтобы кто-нибудь решил, что меня слишком заносит. Меня заносит ровно настолько, насколько я хочу.

Итак, я живу со своим Галаадом.

У Галаада большая семья, и он отнюдь не богат. Зарплата маленькая, потому что он не посол. Тем, как я слышала, правительство положило более достойное жалованье. Галаад женат на дочери управляющего цементным заводом. Ее зовут Мюриель. Ее родители — англичане. У Мюриель пятеро детей, один из которых — самый младший — все еще живет с нами. Пареньку Роберту двадцать пять, и он не женат. У Роберта не слишком

приятный характер — даже в детстве он плохо обращался с кошками. Носится повсюду на мотоцикле, и это он притащил в дом телевизор. С тех пор мои визиты в переднюю часть нашего жилища стали чрезвычайно редкими. Ежели я там теперь и появлюсь, то больше в виде фантома, я бы так сказала. В результате остальная семья вздохнула свободнее — ведь мои манеры за столом стали отличаться от общепринятых. С годами человек все меньше обращает внимания на то, что раздражает других. Например, в сорок лет я бы засомневалась, прилично ли есть апельсины в набитом битком трамвае или автобусе. Теперь я не только могу без зазрения совести жевать в общественном транспорте апельсины, но и съела бы, не смущаясь, обед из трех блюд, да еще запила стаканчиком портвейна, который время от времени употребляю в качестве лечебного средства.

Тем не менее я стараюсь приносить пользу и помогаю на кухне, которая расположена по соседству с моей комнатой. Чищу овощи, кормлю куриц и, как уже упоминала, выполняю другие серьезные обязанности, например убираюсь по четвергам в своей комнате. Я никому не досаждаю и без посторонней помощи содержу себя в чистоте.

Каждая неделя приносит определенное количество умеренных удовольствий. Ночь — в хорошую погоду небо, звезды и, конечно, в надлежащие периоды луну. По понедельникам в мягкую погоду я иду по улице два квартала навестить приятельницу Кармеллу. Она живет в очень маленьком домике с племянницей, которая сама хотя и испанка, печет пироги для шведской чайной. Кармелла ведет приятную жизнь, она поистине интеллектуалка. Читает книги, глядя на страницы сквозь изящный лорнет, и почти не бормочет про себя, как это делаю я. Еще она вяжет очень замысловатые джемперы, но ее истинное наслаждение — письма, которые она пишет с огромным удовольствием. Она рассылает их по всему миру — людям, с которыми не знакома и с которыми ни разу не встречалась, и при этом подписывается всякими романтическими именами и никогда своим собственным. Кармелла терпеть не может анонимных посланий. И в самом деле, какой от них прок — ведь никто не ответит на письмо, если в конце не стоит подписи. Написанные аккуратным почерком, ее письма разлетаются по миру небесным способом, то есть авиапочтой. Ей еще никто ни разу не ответил. Непостижимая черта человечества: у людей ни

на что не хватает времени.

И вот однажды утром в понедельник я нанесла обычный визит Кармелле и обнаружила, что она ждет меня на пороге. Сразу стало ясно, что она сильно чем-то взволнована, даже забыла надеть парик. Кармелла совершенно лысая и в обычном состоянии не выходит на улицу без парика. Она по характеру тщеславна, и этот рыжий парик — ее царственный жест в память о давно утерянных волосах, которые, если мне не изменяет память, были почти такого же рыжего цвета. В тот понедельник Кармелла лишилась обычного величия и от возбуждения что-то бормотала, что для нее совсем не характерно. Я принесла ей яйцо, которое курица снесла тем самым утром, но когда она схватила меня за руку, я его уронила. Какая жалость — ведь его не починить.

— Я тебя ждала, Мариан, ты опоздала на двадцать минут. — Она не заметила разбившегося яйца. — Когда-нибудь ты вообще забудешь прийти. — Ее голос походил на комариный писк, но сказала она примерно это, хотя я, разумеется, не все расслышала. Кармелла потянула меня в дом и после нескольких попыток объяснила, что у нее для меня есть подарок. — Подарок, подарок, подарок!

Кармелла не раз делала мне подарки: иногда вязаные, иногда съедобные, но мне никогда не приходилось ее видеть в таком волнении. Когда она развернула слуховую трубку, я сначала не поняла, что с этим можно делать: есть из нее, пить или использовать в качестве украшения. После нескольких сложных манипуляций приятельница вставила мне трубку в ухо, и комариный писк превратился в рев разъяренного буйвола.

— Ты меня слышишь, Мариан?

Я слышала, и это было ужасно.

— Ты меня слышишь, Мариан?

Я безмолвно кивнула. Этот пугающий звук был пострашнее мотоциклета Роберта.

— Эта замечательная слуховая трубка изменит твою жизнь.

Наконец я сумела выдавить:

— Ради бога, не кричи, у меня от этого расходятся нервы.

— Чудо! — все еще в возбуждении возопила Кармелла, а затем заговорила тише: — Твоя жизнь переменится.

Мы обе сели и пососали фиалковые пастилки. Кармелла их любила из-за того, что они придавали ее дыханию аромат. Я привыкла к их довольно мерзкому вкусу, и благодаря моей привязанности

к Кармелле они даже начинают мне нравиться. Мы обдумали все революционные возможности трубки.

— Ты не только сможешь сидеть и слушать красивую музыку и умные разговоры, но у тебя появится козырь — подслушивать, что говорят о тебе родные, а это должно быть очень забавно. — Кармелла дососала пастилку и закурила маленькую черную сигару из тех, что берегла для особых случаев. — Придется, конечно, скрытничать и прятать трубку, ведь родные могут трубку отобрать, если не захотят, чтобы ты слышала, что они говорят.

— Почему им надо что-то от меня скрывать? — спросила я, думая о неискоренимом влечении Кармеллы к драме. — Я не доставляю им беспокойства, они меня почти не видят.

— Не зарекайся. На людей до семидесяти и за семь, если они не кошки, полагаться не приходится. Тут никакая осторожность не помешает. К тому же представь, какое развлечение слушать тех, кто считает, что ты не можешь их слышать.

— Вряд ли они не заметят трубку, — с сомнением проговорила я. — Она, должно быть, из рога буйвола, а буйволы — очень большие животные.

— Нет-нет, нельзя, чтобы они заметили. Прячь-

ся где-нибудь и слушай. — Мне почему-то сразу не пришло это в голову, а ведь трубка сулила бесконечные возможности.

— Что ж, Кармелла, это очень любезно с твоей стороны, и перламутровые цветы на ней в самом деле очень милы. Судя по всему, она сделана в эпоху короля Якова Первого.

— А еще ты сможешь послушать мое последнее письмо, которое я написала, но еще не отправила, потому что хотела тебе прочитать. С тех пор как я стащила в консульстве телефонный справочник Парижа, поток моих писем стал существенно больше. Ты не представляешь, какие красивые в Париже у людей имена. Это письмо я адресовала месье Бельведеру Уазу Нуази, который живет на улице Решт Потин'Пари-иль. Невозможно придумать ничего более звучного, даже не пытайся. Так и вижу довольно хилого, но все еще элегантного старичка, который страстно увлекается выращиванием тропических грибов и разводит их в шкафу в стиле ампир. Он носит расшитые жилеты и путешествует с красным чемоданом.

— Знаешь, Кармелла, иногда мне кажется, что ты могла бы получить ответ, если бы не воображала тех, кому пишешь. Месье Бельведер Уаз Нуази звучит, конечно, красиво, но представь,

что он толст и собирает корзины из ивовых прутьев. Никуда не выезжает, и у него нет чемодана. А возможно, он молод и мечтает стать моряком. Ты должна мыслить более реалистично.

— Иногда ты бываешь настроена очень недоброжелательно, Мариан, хотя я знаю, у тебя доброе сердце. Нет никаких оснований считать, что бедняга месье Бельведер Уаз Нуази занимается такими глупостями, как коллекционирование корзин из ивовых прутьев. Он хоть и слаб здоровьем, но отважен. Я пошлю ему немного грибных спор, чтобы облагородить породу тех, что он получил из Гималаев. — К этому было нечего добавить, и Кармелла начала читать письмо. Она представилась известной перуанской альпинисткой. Рассказала, что, когда спасала застрявшего над пропастью медвежонка гризли, потеряла руку, которую ей немилосердно порвала медведица. Далее следовала всякого рода информация о высокогорных грибах и обещания прислать образцы. Мне показалось, что она сама слишком во все уверовала.

Когда я уходила из дома Кармеллы, почти наступило время ленча. Я, спрятав под шалью свой тайный сверток, шла очень медленно, чтобы сохранить силы. К тому времени я уже пришла

в такое возбуждение, что чуть не забыла: у нас на обед томатный суп. Мне всегда нравился консервированный томатный суп, а у нас он бывает нечасто.

В этом состоянии легкого оживления мне пришло в голову направиться к передней двери вместо того, чтобы пройти обычным путем вокруг дома к черному ходу. Мелькнула мысль: не стащить ли у Мюриель пару шоколадок, которые она прячет за книжным шкафом? Мюриель ни за что не расстанется с конфетой, а ведь не разъелась бы до таких размеров, если бы была немного щедрее. Я знала, что она ушла в город купить салфеточки на спинки стульев, чтобы спрятать под ними жирные пятна. Терпеть не могу всякие такие ухищрения, предпочитаю моющиеся плетеные стулья — они не так портят настроение, как грязная обивка. К несчастью, в гостиной Роберт угощал коктейлями двух своих приятелей. Все как один уставились на меня, но тут же отвернулись, когда я начала объяснять, что ходила на свою обычную понедельничную прогулку. Из-за отсутствия зубов моя дикция теперь не такая четкая, как прежде. Мой монолог продолжался недолго, а затем Роберт грубо схватил меня за руку и выпихнул в ведущий на

кухню коридор. Не вызывало сомнений, что он разозлился. Как справедливо заметила Кармелла, нельзя доверять людям, которым меньше семидесяти, но больше семи.

Я, как всегда, пообедала на кухне и отправилась в свою комнату расчесать кошек — Мармин и Чачу. Я расчесывала их каждый день, чтобы их шубки оставались нарядными и блестящими.

А вычесанную шерсть собирала для Кармеллы, которая обещала связать из нее джемпер, когда наберется достаточно. Я уже наполнила прекрасной мягкой шерстью две маленькие банки из-под варенья и считала это приятным и экономичным способом обзавестись зимней одеждой. Кармелла утверждала, что кардиган без рукавов — практичный вариант для холодной погоды. Эти две банки я наполняла четыре года, и, наверное, потребуется еще некоторое время, чтобы шерсти хватило на целую вещь. Можно было бы добавить шерсти ламы, но Кармелла считала, что это будет мошенничеством. Племянница Розины как-то подарила мне простую индейскую прялку. Я опробовала ее на обрывках бумажных ниток и сплела прекрасные, очень нужные в хозяйстве веревки. К моменту, когда у меня будет достаточно кошачьей шерсти, я уже

научусь производить добротную пряжу. Занятие это необыкновенно захватывающее, и я была бы вполне счастлива, если бы не ностальгия по северу. Говорят, Полярная звезда видна и отсюда, и она стоит на небе неподвижно. Я так ее и не нашла. У Кармеллы есть планисфера, но мы не знаем, как ею пользоваться. А по таким делам мало с кем можно посоветоваться.

Надежно спрятав слуховую трубку, я занялась своей дневной работой.

У пеструшки был такой вид, словно она снесла мне на кровать второе яйцо, а Мармин, как всегда, не давала вычесать ей хвост. От неожиданного появления в комнате Галаада я чуть не свалилась со стула. В прошлый раз сын меня навестил, когда прохудился водяной бак, и он явился ко мне с водопроводчиком. Галаад стоял на пороге и шевелил губами — как я догадалась, что-то говорил.

Затем он поставил на мой комод бутылку портвейна, что-то добавил к сказанному и удалился. От такого удивительного поведения Галаада я впала в задумчивость, в коей пребывала до самого вечера. Никак не могла объяснить его приход. У меня не день рождения, да и в день рождения он никогда не приносил мне подарков. Судя по погоде, и не Рождество. Почему же он кардиналь-

но изменил своим привычкам?

В тот момент я не нашла этому событию никакого зловещего объяснения, только удивилась и заинтересовалась. А вот если бы обладала даром проницательности, как Кармелла, то могла бы встревожиться. Но в любом случае, даже предвидя предстоящие события, я должна была бы только ждать.

Значительная часть моей жизни прошла в ожидании, по большей части бесполезном. В последнее время я стараюсь не забивать себе голову какими-либо логическими размышлениями, однако в данном случае, как ни удивительно, составила план действий. Я хотела дознаться, какими мотивами руководствовался Галаад, проявляя свою непрошеную доброту. Не то чтобы он был чужд обычных человеческих чувств, просто считал, что проявлять доброту к неодушевленным предметам — пустая трата времени. Возможно, он и прав, но с другой стороны, раз мне кажется живой агава, то я тоже могу претендовать на это звание.

Вечер все тянулся, и, когда время ужина прошло, я дождалась ухода Розины и осторожно распаковала слуховую трубку. Вышла из своей комнаты и спряталась в темном коридоре между

гостиной и кухней. Дверь там всегда держали открытой, и я без труда смогла насладиться картинкой семейной жизни. Галаад сидел напротив Мюриель у камина с электрическим очагом. Погода была не слишком холодной, и камин не включали. Роберт расположился на узком диване и разрывал на полоски утреннюю газету. На стульях и на диване, как и полагалось, лежали новые салфеточки — темно-бежевые, с бахромой. Практично, подумала я, и легко отстирать. Три члена моей семьи были увлечены спором.

— Даже если это больше никогда не произойдет, забыть случившееся невозможно, — заявил Роберт, да так громко, что моя трубка завибрировала. — Я больше никогда не решусь пригласить сюда друзей.

— Я думал, все уже решено, — ответил Галаад. — Тебе совершенно ни к чему так волноваться, раз мы все согласились, что ей будет намного лучше в соответствующем заведении.

— Как всегда, ты опоздал со своим решением лет на двадцать, — вступила в разговор Мюриель. — Все эти годы твоя мать нам не давала житья, а ты упорно держал ее в доме на нашей шее, и все ради того, чтобы потакать своим сентиментальным чувствам.

— Мюриель, ты несправедлива, — слабо возразил Галаад. — Ты же знаешь, до того как умер Чарльз, у нас не было возможности поместить ее в государственное учреждение.

— Государство специально содержит дома для немощных и престарелых, — вскинулась Мюриель. — Ей давно там место.

— Мы не в Англии, — ответил Галаад. — Здешние богадельни непригодны для человеческих существ.

— Бабушку, — хмыкнул Роберт, — вряд ли можно причислить к человеческим существам. Она слюнявый мешок разлагающейся плоти.

— Роберт! — не слишком убежденно возмутился Галаад. — Право, Роберт!

— Знаешь, с меня довольно, — ответил тот. — Приглашаешь людей выпить и поболтать, и вдруг впирается привидение замка Гламис и средь бела дня бессвязно что-то тараторит, пока я не вывожу его вон. Разумеется, очень деликатно.

— Не забывай, Галаад, у старых людей нет таких чувств, как у тебя или у меня, — добавила Мюриель. — Ей будет намного лучше в заведении, где о ней должным образом позаботятся. В наши дни в таких домах все отлично налажено. А там, в Санта-Бригиде, в том месте, о котором я

тебе говорила, управляет Братство Кладезя света, и финансирует его известная американская зерновая компания «Здоровый злаковый завтрак». Все очень толково организовано и относительно недорого.

— Да, ты говорила. — Спор явно надоедал Галааду. — Согласен, это именно то место, куда ее можно отправить и где за ней будут хорошо ухаживать.

— Ну и когда же мы ее выпроводим? — поинтересовался Роберт. — Я мог бы оборудовать в той комнате мастерскую и чинить мотоцикл.

— Не будем торопить события, — ответил Галаад. — Ей еще надо обо всем сообщить.

— Сообщить? — удивилась Мюриель. — Да она понятия не имеет, где находится, и вряд ли заметит перемену.

— Может заметить, — покачал головой Галаад. — Мы не знаем, насколько она понимает, что к чему.

— Твоя мать в полном маразме, — отрезала Мюриель. — И чем скорее ты это признаешь, тем лучше.

На мгновение я отняла трубку от уха — отчасти потому, что разболелась рука. В маразме? Не буду с ними спорить. Но что означает это слово?

Я приложила трубку к другому уху.

— Лучше бы ей было умереть, — заявил Роберт. — В таком возрасте людям следует находиться на том свете.

Оказавшись в постели в своей шерстяной ночной рубашке, я обнаружила, что меня колотит, словно в лихорадке, но это происходило будто

не со мной. В голове крутилась первая страшная и неотвязная мысль: что станется с кошками? Затем: что будет с Кармеллой и нашими утренними встречами по понедельникам? А ведь еще есть пестрая курица. И почему они считают, что им известно, кому и когда лучше умереть? Как они могут это знать? О Венера! (Я всегда молюсь Венере, потому что она самая яркая и различимая на небе звезда.) Что это за Братство Кладезя света? Звучит страшнее самой смерти. Братство беспощадного знания, что хорошо и что плохо другим, и непоколебимого намерения сделать им лучше, хотят они того или нет. О Венера, чем я провинилась, чем заслужила такое? И как быть с кошками — Мармин и Чачей? Я не спряду их шерсть, и она не превратится в кофту, которая будет согревать мои кости. Не будет у меня наряда из кошачьей шерсти, вместо него, вероятно, придется носить какую-то форму. И пеструшка не станет откладывать мне каждый день на кровать яйцо.

Мучимая этими видениями и мыслями, я впала в нечто более похожее на каталепсию, чем на сон.

А на следующий день, естественно, отправилась к Кармелле рассказать ужасные новости. И, надеясь на совет, захватила слуховую трубку.

— Случаются моменты, когда я чувствую в себе способность провидицы, — начала Кармелла. — И когда увидела на блошином рынке слуховую трубку, сказала себе: вот вещь специально для Мариан. Меня словно толкнуло, и я ее сразу купила. Да, новости ужасные, мне надо придумать какой-нибудь план.

— А что ты думаешь по поводу Братства Кладезя света? — спросила я. — Меня это как-то пугает.

— Братство Кладезя света — явно какая-то гнусность, — подтвердила Кармелла. — И, хотя не думаю, что они там перерабатывают пожилых дам в злаковые, все равно это какая-то мерзость. Нечто устрашающее. Надо что-то придумать, чтобы спасти тебя от челюстей этого Кладезя света. — Все это ее невесть почему развлекало, и хотя Кармелла была искренне расстроена, я заметила, что она хихикает.

— Полагаю, мне не разрешат взять с собой кошек?

— Никаких кошек, — подтвердила Кармелла. — В заведениях такого рода любить не разрешается. На это просто нет времени.

— Что же делать? — растерялась я. — Обидно, дожив до девяноста двух лет и так ничего и не поняв, кончать жизнь самоубийством.

— Можешь убежать в Лапландию. Свяжем палатку, и когда ты туда прибудешь, не придется покупать.

— Нет денег. А без денег до Лапландии не добраться.

— Деньги — досадная помеха, — кивнула Кармелла. — Если бы были деньги, я бы тебе дала. Мы могли бы вместе отдохнуть на Ривьере по дороге в Лапландию. Немного поиграли бы там в азартные игры.

Даже у Кармеллы не нашлось для меня дельного совета.

Дома — это настоящие тела. Мы связаны со стенами и крышами точно так же, как с печенью, скелетом, плотью и кровеносной системой. Я не красавица; мне не нужно зеркала, чтобы установить этот непреложный факт. Но тем не менее мертвой хваткой вцепилась в свою изможденную оболочку, словно это хрустальное тело самой Венеры. Это справедливо в отношении заднего двора, маленькой комнаты, которую я теперь занимаю, моего тела, кошек, курицы-пеструшки, всех частей моей застойной кровеносной системы. Разлука со всем знакомым и любимым — да-да, любимым — была бы смертью. Как в старом известном стишке: «В сердце рана, кровь

течет, смерть идет, сама идет». Не было средства избавиться от пронзившей сердце иглы, за которой тянулась нить старой крови. А как насчет Лапландии и своры мохнатых собак? Это тоже была бы чудовищная ломка дорогих сердцу привычек, но совсем иного рода, чем заведение для немощных старух.

— Если тебя запрут в комнате на десятом этаже, возьмешь сплетенные тобой веревки и сбежишь. — Кармелла закурила сигару. — Я буду ждать внизу с пулеметом и наемным автомобилем. Думаю, что за час или два шофер возьмет недорого.

— Где ты возьмешь пулемет? — Меня увлекла мысль, что Кармелла собирается вооружиться таким убойным предметом. — И как им пользоваться? Мы с тобой даже не разобрались с планисферой. А пулемет, мне кажется, штука посложнее.

— С пулеметом все просто, — возразила Кармелла. — Заряжаешь кучей пуль и жмешь на спусковой крючок. Никаких хитрых действий, тем более что попадать ни в кого не надо. Людей отпугнет звук — они решат, что если ты с пулеметом, значит, опасна.

— Ты действительно можешь быть опас-

на, — забеспокоилась я. — Что, если случайно подстрелишь меня?

— Я нажму на спусковой крючок только в случае крайней необходимости. На нас могут напустить свору полицейских собак, и вот тогда придется стрелять. Свора собак — крупная цель. В сорок собак с трех ярдов попасть легко. Уж тебя-то я всегда отличу от злющей полицейской псины.

Мне не очень понравились доводы Кармеллы.

— А если за мной погонится всего одна полицейская собака и будет носиться кругами? Тогда ты можешь легко промахнуться и зацепить меня.

— Ты, — прочертила в воздухе линию сигарой Кармелла, — будешь спускаться по веревке с десятого этажа. Псы нападут на меня, а не на тебя.

— Ладно, — кивнула я не совсем убежденно. — Вот мы выбрались из усеянного собачьими трупами прогулочного двора (я не сомневалась, что приземлюсь именно в окруженном высокими стенами прогулочном дворе). Как мы поступим дальше и куда подадимся?

— Вступим в банду на дорогом морском курорте и будем подслушивать телефонные разговоры, пока не узнаем, кто победит на скачках, и не сорвем куш.

Кармеллу понесло в сторону, и я попыталась

вернуть ее к теме нашего разговора.

— Мне казалось, ты утверждала, что животные не допускаются в заведения такого рода. Но ведь сорок полицейских собак — это тоже животные.

— Полицейские собаки, строго говоря, никакие не животные. Испорченные существа, лишенные рассудка, присущего животным. Полицейские не люди, как же могут их собаки быть животными?

На этот вопрос ответа не существовало. В Кармелле погиб адвокат — в запутанных спорах она была как рыба в воде.

— С тем же успехом ты можешь сказать, что колли — это испорченные овцы, — заметила я после некоторого раздумья. — Если в домах престарелых держат такое количество собак, не понимаю, как могут помешать одна-две кошки.

— Представь, какая это мука для кошек жить среди сорока злобных полицейских псов. — Взгляд Кармеллы стал лихорадочным. — Их нервная система может не выдержать в таких обстоятельствах. — Она была, как всегда, права.

Раздавленная нахлынувшим чувством отчаяния, я поплелась домой. Как мне будет не хватать Кармеллы и ее ободряющих советов, ее сигар и пастилок с фиалковым ароматом. В доме для престарелых меня, наверное, заставят сосать

витамины. Витамины и полицейские собаки, серые стены и пулеметы — вот что меня ждет. Мысли путались, голову заполнил страх, и она разболелась, словно в нее насовали колючих морских водорослей.

Скорее привычка, чем собственные силы, привела меня домой и усадила на заднем дворе.

Удивительно, я вдруг оказалась в Англии воскресным днем и отдыхала с книгой под кустом сирени на каменной скамье. Близкие заросли розмарина наполняли воздух ароматом. Неподалеку играли в теннис — я ясно слышала удары ракеток по мячу. Я находилась в утопленном голландском садике. А почему, собственно, голландском? Розы? Геометрические клумбы? Или потому что он утопленный? Звонили колокола протестантской церкви — мы уже пили чай? Огуречные сандвичи, пирог с тмином, булочки с карамелью. Да, время чая прошло.

Мои длинные шелковистые волосы были мягкими, как кошачья шубка. Я красива и от этого испытываю потрясение — я ведь только что осознала свою красоту, с которой что-то надо делать, только что? Красота — такая же ответственность, как и все остальное. У красивых женщин особенная жизнь, как, например, у премьер-министров,

но это не то, чего хочется мне. Должно быть что-то другое… Книга. Теперь я вижу ее. Сказки Ганса Христиана Андерсена. «Снежная королева».

«Снежная королева», Лапландия, маленький Кай, решающий задачки на умножение в ледяном замке. Теперь я понимаю, что и мне подкинули математическую задачку, которую я не способна решить, хотя и стараюсь уже много лет. Я в Англии, в этом душистом саду, не по-настоящему, хотя сад не исчезает, как обычно. Я все это придумала — все это вот-вот исчезнет, но не исчезает. Ощущение такое сильное и радостное, что даже страшно: должно произойти что-то ужасное, поэтому решение надо найти быстро.

Все, что я люблю, сейчас рассыплется на молекулы, и с этим ничего нельзя поделать, если только не найти ответ на загадку Снежной королевы. Она — северный сфинкс с лоснящимся белым мехом и бриллиантами на когтях, с ледяной улыбкой и слезами, барабанящими, словно град, по странным рисункам у ее лап. Где-то когда-то я предала Снежную королеву, и теперь мне полагалось бы это знать.

Ко мне подошел что-то спросить молодой человек в белом фланелевом костюме. Буду ли я играть в теннис? Да нет, знаете ли, не очень-то

я большая в этом мастерица, поэтому предпочитаю почитать книгу. Нет-нет, ничего заумного — сказки. Сказки в вашем возрасте?

А почему бы и нет? Что такое, в конце концов, возраст? Нечто такое, что тебе понять не дано, любовь моя.

Леса полны диких анемонов, пойдем посмотрим? Нет-нет, душа моя, я сказала: «диких анемонов», а не диких анонимов — сотни, тысячи цветов на земле под деревьями до самого бельведера. У них нет запаха, но их красота подобна благоуханию и так же всепоглощающа, я запомню их на всю жизнь.

Ты куда-то собралась, дорогая?

Да, в лес.

Тогда, скажи на милость, почему ты будешь их помнить всю жизнь.

Потому что ты — часть их памяти: ты исчезнешь, а анемоны будут цвести вечно — мы так не можем.

Дорогая, перестань философствовать, это тебе не идет, у тебя от этого краснеет нос.

Поскольку я обнаружила, что красива, меня не трогает краснота носа, ведь он такой совершенной формы.

Ты ужасно тщеславна.

Это оттого, душа моя, что у меня пугающее предчувствие, будто все исчезнет, прежде чем я разберусь, что со всем этим делать. Меня страшит, вдруг я не успею насладиться своим тщеславием.

У тебя маниакальная депрессия, я бы засох от скуки, если бы не твоя красота.

Со мной никто не скучает — во мне слишком много души.

Чрезмерно много, но, слава богу, тела тоже хватает.

В лесу зеленый и золотистый огонь, взгляни на эти гигантские папоротники. Говорят, ведьмы колдуют с его семенами, а они ведь все гермафродиты.

Кто, ведьмы?

Нет, папоротники. Кто-то привез из Канады гигантскую голубую пихту, она стоит миллионы и миллионы. Но как же это глупо везти дерево из Америки? Ты не испытываешь к Америке ненависти?

Нет, с какой стати, я там никогда не был. В Америке все пугающе цивилизованны.

А мне Америка ненавистна, потому что я знаю: стоит туда попасть, и оттуда уже не выбраться. Так и проплачешь всю оставшуюся жизнь, пони-

мая, что больше никогда не увидишь анемонов.

Может, Америка как раз и покрыта вся сплошь и рядом цветами и, разумеется, по большей части клематисами.

Ничего подобного.

Откуда тебе это известно?

Во всяком случае, не та часть Америки, о которой я думаю. Там совсем другие растения и пыль. Пыль, пыль, от силы несколько пальм и ковбои, скачущие туда-сюда на коровах.

Они скачут на лошадях.

Хорошо, на лошадях, не имеет значения, — если смерть как хочется домой, не заметишь, пусть даже станут гарцевать на тараканах.

Тебе нет необходимости ехать в Америку, так что взбодрись.

Нет необходимости? Кто знает! Мне что-то подсказывает, что мне придется увидеть много Америки, и если не произойдет чуда, там будет очень грустно.

Чудеса, ведьмы, сказки — повзрослей же, дорогая!

Можно не верить в магию, но в этот момент происходит нечто странное. Твоя голова тает в разреженном воздухе, и я вижу сквозь твой живот рододендроны. Нет, ты не умер, не происходит

ничего драматичного, просто ты потихоньку исчезаешь, и я даже не могу припомнить твоего имени. Белый фланелевый костюм запомнился лучше, чем ты сам. Могу представить все его детали, а вот того, кто заставлял его двигаться, — нет.

Меня же ты запомнил в красном льняном платье без рукавов. Мое лицо перепуталось с десятками других лиц, и у меня нет имени, так какой же смысл волноваться по поводу индивидуальности?

Мне показалось, что я услышала, как рассмеялась Снежная королева, а она редко смеется.

И я вернулась в свою старую, отвратительную оболочку. Рядом стоял Галаад, который пытался мне что-то сказать. Он орал во всю мощь своего голоса:

— Нет, я не зову тебя поиграть в теннис, мне надо сообщить тебе нечто хорошее и важное.

— Хорошее? Важное?

— Тебе предстоит приятный отпуск, мама. Тебе очень понравится.

— Дорогой Галаад, не надо мне так по-глупому лгать. Ты собираешься отправить меня в заведение для немощных старух, поскольку считаешь омерзительным древним мешком, и, осмелюсь утверждать, со своей точки зрения ты прав.

Он уставился на меня, разинув рот, и вид у него был такой, словно я достала из шляпки живого козла.

— Мы надеемся на твою рассудительность! — наконец выкрикнул он. — Тебе там будет удобно, появятся знакомые, с которыми можно будет общаться.

— Мой дорогой Галаад, я хотела бы узнать, что ты понимаешь под словом «нерассудительность»? Что я разнесу дом по кирпичику и буду приплясывать на развалинах? Сброшу с крыши телевизор? Понесусь голой на этом отвратительном мотоцикле Роберта? Нет, Галаад, на такое у меня не хватит сил. Выбора нет: придется вести себя, как ты выразился, рассудительно, так что у тебя нет причин для тревоги.

— Вот увидишь, ты будешь там счастлива, мама. Тебе предложат много интересных занятий, и опытный персонал проследит, чтобы ты не чувствовала себя одиноко.

— Мне не бывает одиноко, Галаад. Или скажем по-другому: я не страдаю от одиночества. Я страдаю от мысли, что мое одиночество у меня отнимут безжалостно желающие мне добра люди. Не надеюсь, что ты меня поймешь, но прошу об одном — не воображай, будто в чем-то меня

убеждаешь, в то время как совершаешь надо мной насилие против моей воли.

— Помилуй, мама, все совершается ради твоей пользы, ты это потом оценишь.

— Очень в этом сомневаюсь, но поскольку, что бы я ни говорила, ты своего мнения не изменишь, скажи, когда мне надлежит покинуть дом?

— Мы рассчитывали отвезти тебя туда во вторник для ознакомления. Если тебе не понравится место, ты сможешь вернуться домой.

— Сегодня воскресенье.

— Да, сегодня воскресенье, я рад, что ты приободрилась, мама. Вот увидишь, сколько радости принесут тебе новые знакомства и полезные для здоровья упражнения в Санта-Бригиде. Там почти загород.

— Что ты понимаешь под «полезными для здоровья упражнениями»? — Меня поразило ужасное предчувствие, как бы не пришлось играть в хоккей. Кто знает, до чего дошла современная терапия. — У меня и здесь достаточно упражнений.

— Своего рода организованный спорт, — ответил Галаад, подкрепляя мои наихудшие опасения. — Через месяц-другой ты почувствуешь себя двухлетней.

Стало трудно дышать, и, чтобы сохранить силы, я постаралась успокоиться — прежде чем лечь в могилу, мне надо было еще очень многое выяснить. К тому же я понимала, что спорить с Галаадом бесполезно. Он еще некоторое время говорил, но я больше ничего не слышала, потому как он перестал кричать.

Лет пятьдесят или шестьдесят назад я приобрела в еврейском квартале Нью-Йорка очень практичный, обитый металлом чемодан. Он выдержал проверку временем, побывав в руках всякого рода служб. В последнее время я пользовалась им как чайным столиком, когда ко мне приходила Кармелла. А укладывать в него вещи собиралась, если только отправлюсь в Лапландию. Кто знает, какое тебе уготовано будущее. Я не открывала чемодан лет семь — с тех пор как Кармелла дала мне бутылку снотворного, которое она сама приготовила и которое я так и не решилась попробовать. Бутылка лежала на дне чемодана; ее содержимое превратилось в кристаллический осадок и выглядело совершеннейшей отравой: побурело и покрылось сверху серой плесенью. Я решила оставить ее на месте — разве можно предвидеть, что пригодится в будущем, поэтому я ничего не выбрасываю. Внут-

ри чемодан был деревянным и оклеен бумагой с изящным, правда, местами запятнанным, рисунком.

Первым предметом, который я уложила рядом с бутылкой со снотворным, была, конечно, роковая слуховая трубка. Она напомнила мне об архангеле Гаврииле, хотя тому подобное устройство нужно, чтобы подавать трубный глас, а не слушать через него. Согласно Библии, он затрубит в тот день, когда человечество погубит последняя катастрофа. Как странно: в Библии все кончается горем и катаклизмом. Иногда я задаю себе вопрос: почему такой свирепый и злобный бог обрел подобную популярность? Люди очень странные, и я не надеюсь в них хоть что-нибудь понять, но зачем почитать того, кто сеет болезни и смерть? И почему надо винить во всем Еву?

Затем мне надо было открыть комод и разобрать его, а также картонные коробки с различными наклейками: мармелад, соленья, консервированная фасоль, томатный кетчуп. Там, разумеется, не было того, что значилось на наклейках, а хранилась накопившаяся со временем всякая всячина.

Надо хорошо подумать, что взять с собой, если уезжаешь навсегда, — ведь то, что на первый взгляд может показаться бесполезным, в опреде-

ленной ситуации будет необходимым. Я решила подбирать вещи так, будто уезжаю в Лапландию. Положила отвертку, молоток, гвозди, птичий корм, веревки, которые сплела сама, лоскутки кожи, детали будильника, иголки и нитки, пакет с сахаром, спички, цветные бусины, морские раковины и тому подобное. А сверху придавила одеждой, чтобы все это не гремело в чемодане.

Памятуя о том, что Мюриель привыкла во все совать нос, я решила не позволять ей обследовать мое хозяйство и, наполнив пустые картонные коробки камнями со двора, снова перевязала их бечевкой. Теперь Мюриель подумает, что я все оставила дома и, поскольку всегда называла мою разнородную коллекцию «хламом», не глядя возьмет да и выбросит.

Я, конечно, понимала, что не стану подкупать эскимосов, но уложила все так, словно собиралась именно этим заняться. Такие места, как Крайний Север, отрезаны от цивилизации, и кто знает, что там может понадобиться. Меня все-таки не зря учили в монастырской школе.

Время, как известно, течет, а возвращается ли назад — это большой вопрос. Приятель, которого я до сих пор не упоминала, поскольку его нет рядом, говорил, что существуют красная и синяя

вселенные и их частицы встречаются, как два роя пчел. Когда две разноцветные частицы сталкиваются друг с другом, случается чудо. Все это имеет какое-то отношение ко времени, только я не могу этого вразумительно объяснить.

Так вот мой приятель, мистер Мальборо, живет со своей сестрой в Венеции, и я его давно не видела. Мальборо — великий поэт и в последние годы стяжал славу. Иногда я и сама подумываю писать стихи, но рифмовать так же трудно, как гнать стадо индюков и кенгуру по многолюдной главной улице, держа их в куче, и при этом стараться, чтобы они не заглядывали в витрины магазинов. Слов очень много, и каждое что-то значит. Мальборо говорил, что его сестра от рождения убогая, но сообщил об этом так загадочно, что иногда мне интересно, что же с ней такое.

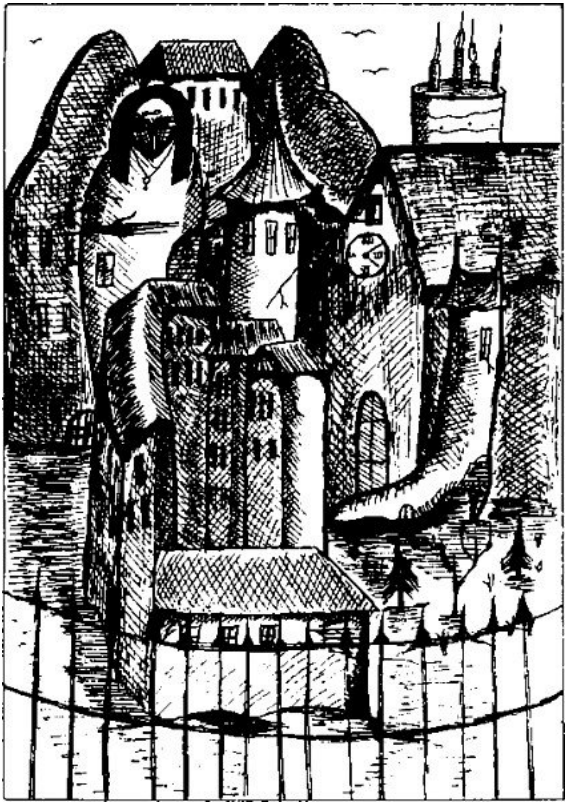
Если правильно помню, писатели обычно находят какие-то извинения за свои книги, хотя мне совсем непонятно, почему люди должны извиняться за столь тихое и мирное занятие. Вот военные никогда не извиняются за то, что убивают друг друга, а романисты стыдятся, что написали милые пустяковые книжки в бумажных обложках, ведь неизвестно, прочитал их кто-нибудь или нет. Человеческие ценности

— странное дело: они так быстро меняются, что я не могу уследить.

Я говорю об этом, поскольку думаю, что все-таки могла бы заняться поэзией. Мне больше по стилю подошла бы баллада с простым коротким стихом вроде этого:

Ни вещицы на полу
Не лежало поутру.
Коль предала меня родня,
Не жди булавки от меня.

Ничего вычурного, никаких длинных слов. Но это просто пример, как я буду добиваться чего-то более романтического.



Вот такие мысли текли у меня в голове, словно песок сквозь сито, а я между тем продолжала собираться. Работа потребовала много времени,

однако спать не хотелось — слишком я была увлечена своим делом.

Сон и бодрствование теперь не так разнятся, как бывало, и я их, случается, путаю. Память моя набита всякой всячиной — пусть даже и не в хронологическом порядке — под завязку, и я горжусь своей замечательной способностью к разнообразным воспоминаниям.

Кошки попели на луну немножко На морском берегу лишь серебряная ложка…

Стихотворный образ остался незавершенным, потому что я все-таки, видимо, заснула.

Санта-Бригада — дальняя южная окраина города. Теперь бывшая индейско-испанская деревня была связана со столицей цепочкой бензоколонок и фабрик. Дома где-то глинобитные, где-то добротные каменные, узкие улицы замощены грубо, по сторонам их окаймляют деревья и высокие стены, за которыми скрываются парки и колониальные особняки. Район мог бы привлекать своим очарованием, если бы в сырые дни здесь так не пахло бумажной фабрикой «Гомез и компания». Стоило упасть капле дождя, и все вокруг окутывала невыносимая вонь.

Последний дом на улице Альбаака и был тем самым заведением. Он нисколько не походил на то,

что воображали мы с Кармеллой. Стены, ограждающих) территорию, разумеется, стояли, но все остальное выглядело совершенно иначе. Снаружи ничего не было видно, кроме этих увитых свинчаткой и плющом стен. Вход представлял собой массивный пласт дерева, украшенный металлическими шишками, которые когда-то были, наверное, чьими-то головами. Шишки настолько стерлись, что стали почти плоскими. Над стенами ограды возвышалась башня. Строение больше походило на средневековый замок, чем на больницу или тюрьму, которые я себе представляла.

Впустившая нас дама так разительно не соответствовала выдуманному мною образу хозяйки заведения, что я не могла отвести от нее глаз. Она была лет на десять моложе меня и вышла к нам во фланелевых пижамных брюках, мужском смокинге и сером свитере с высоким воротом. У нее сохранилось изрядное количество волос, которые выбивались из-под морской фуражки с кокардой и словами «Корабль Его Величества Дюймовочки». Она казалась чем-то очень взволнованной и трещала без умолку. Галаад и Мюриель время от времени пытались что-то сказать, но она им и слова не давала вставить.

Первое впечатление не бывает ясным; могу

сказать одно: там было несколько дворов, крытых галерей, неработающих фонтанов с протухшей водой, деревья, кусты, лужайки. Главное здание в самом деле представляло собой замок, окруженный павильонами самых нелепых форм, — какими-то ведьминскими обиталищами в виде поганок, швейцарских шале и железнодорожных вагонов. Плюс парочка обыкновенных бунгало, строение, напоминающее сапог, и домик, похожий на египетскую мумию-переростка. Все казалось мне настолько странным, что я поначалу не верила своим глазам. Наш гид продолжала говорить, вроде бы что-то объясняла мне, не обращая никакого внимания на Мюриель и Галаада. Я читала на их лицах удивление, но они взяли на себя труд захватить с собой мой чемодан, и это удерживало их от того, чтобы передумать и увезти меня назад.

Мы долго-долго шли и наконец оказались у одиноко стоявшей посреди огорода башни. Это была не башня главного здания — другая: оштукатуренная, высотой не больше трех этажей. Она определенно напоминала маяк, чего трудно ждать от расположенного в саду строения. Гид открыла дверь и, проговорив с четверть часа, впустила нас внутрь. Я поняла, что в этом

удивительном месте мне предстояло жить. Из нормальной мебели здесь стояло только плетеное кресло и стол. Все остальное было нарисовано. То есть нарисовано на стенах, хотя по-настоящему этой мебели не существовало. Сделано так умело, что я поначалу купилась и принялась открывать нарисованный шкаф и книжную полку, где стояли томики с названиями на корешках. В открытое окно дул ветерок, и от него трепетала занавеска, точнее, она бы трепетала, если бы была настоящей. Рядом была нарисованная дверь и полка со всякими безделушками. Эта одномерная мебель производила до странности угнетающее впечатление, словно боль от тычка носом в стеклянную створку.

Вскоре Мюриель и Галаад уехали, но сопровождающая осталась и тараторила, как ненормальная. Мне стало интересно, понимала ли она, что я ни слова не слышу. Хотя мне все равно бы не удалось установить контакт — вклиниться в поток ее речи было нереально, даже если бы я говорила громко и решительно. В итоге я оставила ее упражняться в красноречии наедине с собой и поднялась исследовать другие помещения башни. Я обнаружила комнату с настоящим окном, кроватью и гардеробом. Стены здесь были без

рисунков. Лестница в углу вела к потолочному люку, но эту часть башни я решила изучить в следующий раз, поскольку успела наскакаться и выбиться из сил.

Я сделала двадцать пять походов вверх-вниз, полностью разобрала чемодан, а моя провожатая все говорила и говорила, и я решила рискнуть воспользоваться слуховой трубкой. Ванная находилась на первом этаже и представляла собой отличное место для испытания здешней акустики.

— Разница невелика, поскольку из-за уток его все равно сюда не пускают. Он прислал мне изумительное, длинное письмо. Вам обязательно следует прочитать, как он десять километров преследовал шакала. Скоро время чая, а доктор Гэмбит требует, чтобы мы собирались до того, как ударит колокол. Что касается времени, доктор Гэмбит совершенно неразумный человек, поэтому нам лучше поспешить. Лично я считаю, что время совершенно неважно, и когда вспоминаю об осенних листьях, снеге, весне, лете, птичках и пчелках, только укрепляюсь в этом мнении, но многие придают часам слишком большое значение. Я верю во вдохновение. Вдохновенный разговор между двумя людьми, в отношениях

которых установилась некая таинственная близость, способен принести больше радости, чем самые дорогие часы. К сожалению, вдохновенных людей очень мало, так что приходится черпать энергию из собственного источника жизненного пламени, а это, как понимаете, сильно изматывает. Приходится трудиться день и ночь, даже если болят все кости и кружится голова и никто не понимает, какую я веду смертельную борьбу, чтобы удержаться на ногах и не растерять радость жизни в то время, как бешено колотится сердце и меня погоняют, как жалкое вьючное животное; я часто ощущаю себя трагически не понятой Жанной д'Арк, вокруг которой вьются кардиналы и епископы мучают ее агонизирующий рассудок ненужными вопросами. Невольно чувствуешь глубокую близость с Жанной д'Арк, и мне часто кажется, что меня сжигают на костре просто потому, что я не похожа на других, потому что никогда не соглашалась отказаться от живущей во мне непонятной восхитительной силы, которая начинает проявляться, если я мирно беседую с таким же вдохновенным человеком, как сама.

Я сделала несколько неудачных попыток сообщить ей, что полностью согласна с ее философией жизни. Еще хотела спросить, возможно ли при-

нести на чай слуховую трубку и не вызвать тем самым слишком много вопросов, но не смогла: стояла перед ней, безнадежно открывала и закрывала рот, а она все говорила и говорила. Еще я начинала тревожиться по поводу доктора Гэмбита, который сердится, если кто-то опаздывает на чай, но моя новая знакомая не проявляла желания сдвинуться с места и загораживала единственный выход. Я понимала: мы вообще не попадем на чай, если немедленно не тронемся в путь. Это было бы неприятно. Если здесь ограничиваются ранним чаем с плотной закуской и обходятся без ужина, мне придется голодать до завтрака.

— Вот если бы люди в этом мире осознавали, как важно понимать друг друга, но здесь никто даже не делает попытки разделить со мной непосильную ношу труда, который гнетет меня, как Жанну д'Арк. Однако мой источник вдохновения еще не тронут благодаря живущей во мне способности к борьбе. Меня переполняют творческие идеи, я отдаю, отдаю, отдаю, но люди не разделяют моего дара понимания. На меня сваливается все больше работы, по утрам после сна меня мучает невыносимая тошнота, потому что я перегружена, такое напряжение способно совершенно обескровить

человека. Я по-глупому великодушна, люди этим пользуются, и от этого мне на плечи давит все больше дневных (и ночных) забот.

Я сильно встревожилась: какой ужасный труд так надломил эту женщину? Неужели и мне предстоит днем и ночью такая же изнурительная работа и я дойду до того, что потеряю способность прерывать поток собственной речи? Может, ее заставляют швырять уголь в огромную топку, может, здесь держат собственный крематорий, ведь старые люди постоянно умирают? Или здешних постояльцев сковывают цепью и заставляют дробить камни и при этом распевать матросские песни? Это бы объяснило, почему на голове женщины морская фуражка. Все замеченные мной необыкновенные строения стали приобретать зловещий смысл. Бунгало из детских стишков сделаны только для того, чтобы родственники пожилых дам решили, что те здесь ведут младенчески спокойную жизнь, а за фасадом — огромный крематорий и скованные цепью невольницы.

Меня охватила слабость, и я больше не боялась пропустить чай. Рука со слуховой трубкой затекла, но я не отрывала ее от уха — нездорово тянуло слушать дальше, и я не спешила окунуться в то,

что теперь казалось благословенной тишиной.

Где-то вдалеке пробил колокол, моя новая знакомая, не переставая говорить, взяла меня за руку, и мы направились в сторону главного здания. Я как загипнотизированная продолжала держать трубку у уха. Ее речь напоминала колесо Фортуны — с небольшими отклонениями всегда возвращалась в исходную точку. Энтузиазм ни на секунду не ослабевал, а приятное морщинистое лицо не теряло выражения напряженной искренности.

Позднее я узнала, что мою новую знакомую зовут Анной Верц. Она не сама назвала себя — у нее бы не хватило времени обсуждать такой пустяковый, чисто практический предмет.

Столовая представляла собой длинную, отделанную панелями комнату с выходящими в сад створчатыми окнами. Шторы из зеленого бархата — вот уж что бы я на себя не надела — отделяли ее от гостиной, где все было обтянуто тканью с рисунком из цветов и птиц. Мы пришли вовремя, чтобы занять места, когда все остальные рассаживались. Я оказалась между Анной Верц и другой дамой. Расположились в ряд, спинами к створчатым окнам, отчего у меня возникло чувство тревоги, как у страдающих клаустрофобией.

Несколько дней все девять членов моего нового общества были словно на одно лицо. Они были, разумеется, разными людьми, но, согласитесь, требуется время, чтобы начать различать незнакомцев. Скользнув взглядом по доктору Гэмбиту, я из опасения показаться невежливой не решалась к нему присматриваться. Доктор сидел во главе стола, что, на мой взгляд, совершенно естественно, поскольку был среди нас единственным мужчиной.

Первое впечатление от него сложилось такое: лыс, почти как коленка, очень тучен и нервозен. Глаза трудно разглядеть, ведь он носил очки с чрезвычайно толстыми стеклами. Когда же мне удалось заглянуть за линзы, обнаружилось, что у него кроткие зеленые глаза с темными ресницами, довольно не подходящие его лицу. Это были глаза ребенка. Глаза, которые ни на что не смотрели. Видимо, бедняга был настолько близорук, что почти ничего не видел.

Стоило нам склониться перед нашими порциями земляничного джема и двумя кусочками хлеба, как Анна Верц тут же разразилась подобием речи.

— Замолчите, Анна Верц. Придержите язык, — внезапно остановил он ее таким пронзительным,

гнусавым голосом, что я от неожиданности выронила ложку. Я прекрасно его слышала даже без трубки.

— Сегодня ради нового члена нашего маленького общества я обрисую основные принципы жизни в Лайтсам-холле. Большинство из вас провели здесь некоторое время и хорошо знакомы с нашей Целью. Мы стремимся следовать внутреннему смыслу христианства и познать изначальное учение Христа. Я неоднократно повторял вам эти фразы, но поняли ли вы значение подобной работы? Работы на сегодня и работы вечной. Потому что самый малый проблеск Истины потребует многолетних стараний; потребуется снова и снова переживать потерю надежды, прежде чем придет первое вознаграждение за труды.

Я заметила, что он говорит с легким иностранным акцентом, хотя не поняла, из какой он страны. Но его гнусавый голос звучал громко, как сирена. Этот человек, похоже, внушал окружающим большое уважение: сидящие за столом посерьезнели и жевали, опустив глаза вниз.

Пока он вещал, я разглядывала висящее на противоположной от меня стене написанное маслом полотно. На картине была изображена монахиня

со странным и злобным лицом.

— Эти предельно простые и в то же время бесконечно сложные принципы являются сутью нашего Учения, — продолжал доктор Гэмбит. — Существуют три крохотных слова, которые дают ключ к пониманию Внутреннего Христианства. Памятовать о себе — вот что, друзья мои, мы не должны упускать из виду во время всех наших дневных забот.

Лицо монахини на масляном холсте было так необычно освещено, что казалось, она подмигивает, хотя это вряд ли было возможно. У нее, должно быть, не видел один глаз, и художник реалистично изобразил ее изъян. Но мысль, что она подмигивает, не давала покоя — монахиня подмигивала мне со сбивающей с толку насмешкой и недоброжелательством.

— Однако памятование о себе не должно превращать нас в оголтелых фанатиков, — продолжал доктор. — Можно памятовать о себе и одновременно оставаться замечательными, веселыми товарищами. — Я представила доктора Гэмбита в роли веселого товарища, и от этого мне сделалось довольно жутко. Чтобы рассеять образ, я покосилась на Анну — она смотрела в тарелку с каким-то яростным выражением лица.

Одна-две дамы задали доктору вопросы, и чтобы показать им свой разумный интерес, я робко приложила к уху трубку. Первая дама была одета в довольно элегантную блузку в полосочку, жилет и стриглась на мужской манер. Позже я узнала, что она французская маркиза Клод ля Шешерель. Это произвело на меня глубокое впечатление, поскольку за всю жизнь я встречала всего несколько аристократов.

— Должны ли мы памятовать о себе, когда играем в «Змейки и лесенки»? — спросила она.

— Да, — ответил доктор. — Постоянно, во время любого занятия и отдыха. — Я заметила, что его очки с любопытством уставились на мою трубку.

Следующей заговорила миниатюрная женщина с тревожным лицом и редкими, похожими на пух волосами. Она явно боролась с охватившим ее смущением.

— Знаете, доктор, я изо всех сил стараюсь, но то и дело забываю памятовать о себе, и это в высшей степени унизительно.

— Сам факт, что вы осознаете недостаток своего характера, — уже шаг вперед, — успокоил ее доктор Гэмбит. — Мы памятуем о себе, чтобы попытаться создать объективное представление о своей личности.

— Буду искренне стараться, — пообещала женщина, — но понимаю, как ужасно слаба моя природа. — Однако по всему было видно, что она неимоверно довольна. Я заинтересовалась, уж не сама ли она сшила эту красную блузку с синим бантом у ворота. Меня всегда восхищали люди, умеющие шить. Вот Кармелла — прекрасная швея, но о ней пока лучше не думать.

Все стали подниматься из-за стола, и я едва успела запихнуть в рот последний кусочек хлеба, как ко мне обратилась французская маркиза.

— Клод ля Шешерель. — Она искренне и дружелюбно протянула мне руку.

Если бы я тогда знала, что она маркиза, то смутилась бы оттого, что стою перед ней с набитым ртом. Но я этого не знала и потому проглотила хлеб, не подавившись.

— Здравствуйте.

— Позвольте мне напомнить, как в сорок первом мы разбили немцев в Африке. — Она крепко пожала мне руку. — Это случилось давно, но память по-прежнему жива…

Итак, я участвовала в типичной для Лайтсам-холла чайной церемонии. Однако редкая человеческая деятельность остается типичной сколько-нибудь продолжительное время.

С доктором Гэмбитом я поговорила лично только через три дня. За это время я научилась различать своих компаньонок и даже кое-что о них узнала. Всего нас, пожилых дам за семьдесят, но меньше ста, здесь было девять. Самой старшей исполнилось девяносто восемь. Ее звали Вероника Адамс. В свое время она была художницей и до сих пор, хотя совершенно ослепла, продолжала рисовать акварелью. Тот факт, что она ничего не видела, не мешал ей создавать большие полотна на поставляемой нам грубой туалетной бумаге. Ее дневная бумажная норма ограничивалась несколькими ярдами, что позволяло выдавать все новые работы, лишь иногда закрашивая то, что было нарисовано накануне.

За Вероникой по возрасту шли Кристабель Бернс, Джорджина Сайкс, Наташа Гонзалес, Клодля Шешерель (та маркиза, о которой я уже рассказывала), Мод Уилкинс, Вера ван Тохт и Анна Верц.

Днем за нами надзирала миссис Гэмбит, но она по большей части лежала с головной болью, и мы были предоставлены сами себе. Однако каждый раз, когда она появлялась, атмосфера заметно сгущалась. Несмотря на ее постоянную улыбку, мы все ее боялись.

Кроме доктора Гэмбита с женой и трех служанок, в главном здании больше никто не жил. Остальных расселили по отдельным хижинам, или бунгало, как здесь называли наши домики.

Лишь через несколько недель я узнала, кто обитает в башне замка. К этому времени я успела познакомиться со всеми компаньонками и выучила, кто где живет. Но башня замка оставалась до поры до времени для меня загадкой.

Веронику Адамс поселили в хижину, имеющую форму сапога, — ту, что меня так удивила, когда я в первый раз оказалась здесь. Анна Верц занимала швейцарское шале, которое при ближайшем рассмотрении оказалось часами с кукушкой. Не такими, конечно, которые по-настоящему ходят, но все же из окна под крышей высовывалась свинцовая птичья голова. Хотя и само окно это тоже было фальшивым — просто приделанной к стене обманкой. Маркиза обитала в красной с желтыми точками поганке. Чтобы попасть внутрь, ей приходилось забираться по маленькой лестнице — думаю, это было не очень неудобно.

Мод, о которой я упоминала, описывая мое первое чаепитие, и которая в самом деле шила себе одежду сама, умело делая выкройки на оберточной бумаге, делила жилище в Верой ван

Тохт. В их распоряжении было двойное бунгало, которое некогда представляло собой именинный торт. Изначально торт был розовым и белым, но краски не могли противостоять летним дождям. На крыше стояла цементная свеча с цементным пламенем, но понять, что это свеча, удавалось не сразу — желтое пламя выцвело и превратилось в темно-зеленое. Иногда мне кажется, что время удачно подправило хижину-торт, и надеюсь, ее не будут красить в первоначальные цвета.

Джорджина Сайкс обитала в маленьком шапито, только не в брезентовом, а из цемента, в белую и красную полосу. На двери были выведены слова ДИ И ДУЙСЯ НИЮ. Я долго думала, что это какой-то загадочный иностранный язык. Но потом догадалась, что там написано: «Заходи и порадуйся представлению». Но время и плющ попортили буквы.

Наташа Гонзалес владела эскимосским иглу.

В саду было много цементных скамеек, чтобы отдохнуть в хорошую погоду. Но мы, конечно, не рассиживались на них целыми днями — у каждой было много работы: по саду, на кухне и другой, главным образом домашнего характера.

Больше всего мне понравилось место, которое мы называли Пчелиным прудом. На самом деле

это был неработающий фонтан с водяными лилиями, уютно устроившийся среди стен, скрытых белой геранью, разросшимися розами и жасмином. Укромный уголок облюбовали пчелы, и в теплые дни они постоянно жужжали, занимаясь своими делами. Я могла долго сидеть среди них и чувствовать себя счастливой, хотя не могу сказать, чем они меня привлекали.

По утрам мы были сильно заняты, но я заметила, что Анна Верц в это время частенько устраивалась в шезлонге рядом с часами с кукушкой принимать солнечные ванны. А если не лежала в шезлонге, единственном на нашей территории, то стояла на пороге чьей-нибудь хижины и говорила. Некоторых это раздражало, но лично я привыкла.

На второй день после полудня — потом я потеряла счет времени — меня навестила Джорджина Сайкс. Тогда я еще не знала ее имени, но отличала от других по росту. Она была намного выше остальных, одевалась очень стильно и носила одежду с восхищающей меня непринужденностью. В тот день, насколько помню, на ней было длинное кимоно и красные брюки. Китайский стиль. Ее наряд поразил меня элегантностью. Волосы у нее были подстрижены — длинный боб,

и, хотя с годами они изрядно поредели, она так умело укладывала, что скрывала небольшую проплешину, одновременно создавая эффект легкой небрежности прически. Глаза, когда-то большие и красивые, теперь чуть портили лиловатые мешки, но они сохранили милое выражение, которое подчеркивала нанесенная на веки тушь.

— Иногда это место нагоняет на меня жуткую тоску, — услышала я, приложив к уху слуховую трубку. — Чертова жена Гэмбита гонит меня чистить картошку, но я же не могу ковыряться на кухне после того, как только что сделала ногти. — К моему удивлению, красный лак покрывал кончики ее больших, костлявых пальцев.

— Мне казалось, миссис Гэмбит — очень добрый человек, — ответила я. — Она постоянно улыбается.

— Мы зовем ее Рейчел Гримаса. — Джорджина затушила сигарету о мой стол. — Ее имя Рейчел, а эта ее улыбка — просто гримаса. Она жуткое, опасное существо.

— В каком смысле опасное? — В моей голове вновь возник образ невидимого крематория. Я опять забеспокоилась. Неужели миссис Гэмбит взяла на себя обязанность наказывать обитателей Лайтсам-холла?

— Она терпеть меня не может из-за доктора. Он человек сладострастный и за столом не сводит с меня глаз, а Рейчел Гримаса кипит от злости. Как я могу запретить ее грязному муженьку поедать меня глазами во время трапез? — Джорджина, громко хмыкнув, закурила новую сигарету. — А еще он постоянно находит предлог завлечь меня в свой будуар для приятных бесед.

Все это показалось мне очень странным. Доктор Гэмбит был человеком среднего возраста, уж по крайней мере лет на сорок моложе Джорджины. Хотя с людьми всякое бывает — я сталкивалась в прошлом со столькими сюрпризами, что не взялась бы отрицать возможность их появления в будущем.

— Какая у нашего доктора медицинская специальность? — Своим вопросом я хотела скрыть удивление, чтобы не показаться невежливой.

— Что-то вроде христианского психолога, — ответила Джорджина. — Результат, Святая Цель, как столоверчение по Фрейду, — жуть и сплошной обман. Стоит его изъять из нашей клоаки, и он потеряет всякое значение, поскольку уже не будет единственным среди всех мужчиной. Столько женщин в одном месте — это просто беда. От скопления яичников хочется вопить. Все

равно что жить в пчелином улье.

В этот момент наш разговор был прерван — на пороге появилась миссис Гэмбит с корзиной картошки. Я искренне надеялась, что она не слышала, о чем мы говорили.

— По крайней мере, два члена нашего сообщества отлынивают от утренних работ. — Она приложила руку ко лбу, словно ее мучила нестерпимая головная боль. — Возможно и так: все буду делать я, а вы только сидеть и сплетничать. Все возможно. Но для вашей же пользы я не должна позволять вам потакать лени и распрощаться с и без того крохотным шансом спасти душу. Душа живет настойчивостью и трудом. Но разве назовешь этим высоким словом ваши капризные чувства, которыми вы подменяете свою бессмертную сущность?

С болезненной улыбкой она повернула в сторону кухни. Джорджина, отступая, показала ей в спину язык. Но мы, тихо разговаривая о погоде, все же отправились вслед за ней.

— Сегодня в пять часов Движения в мастерской, — бросила через плечо миссис Гэмбит. — Опоздавшие в обычном порядке лишатся ужина.

— Что за движения? — спросила я у Джорджины, но та только состроила омерзительную

гримасу. Миссис Гэмбит услышала мой вопрос и, остановившись, поставила на пол корзину с картошкой.

— Лучше вам сразу узнать о Движениях. — Она повернулась ко мне. — Тот, кто не понимает их значения, никогда не постигнет сути Внутреннего Христианства. О Движениях нам в прошлом поведал Некто в Предании. У них множество значений, но я не вправе вам их раскрывать, поскольку вы только что прибыли. Назову одно очевидное: это эволюция всего организма под воздействием особых ритмов, которые я воспроизвожу на фисгармонии. Не ждите, что сразу все поймете, — просто приступайте к делу, как к любому дневному заданию.

Я не осмелилась спросить, являются ли Движения гимнастикой. Пришла в волнение и принялась кивать. А ведь хотела только склонить голову и при этом принять умный вид. Но голова сама собой нервно задергалась, и я не без усилий прервала череду кивков.

Джорджина пихнула меня и что-то сказала, но я не расслышала, поскольку забыла слуховую трубку в маяке. Джорджина начинала мне нравиться, она показалась мне веселой. Наверное, вращалась в светском обществе, прежде чем

родные сочли ее выжившей из ума и решили убрать из дома. Должно быть, она вела увлекательную жизнь. Мне захотелось, чтобы она мне об этом рассказала, что она потом и делала неоднократно.

На кухне мы расселись вокруг большого, отмытого дочиста стола и стали чистить овощи. Те, кого здесь не было, видимо, получили другие задания. Здесь же вместе с миссис Гэмбит нас оказалось пятеро: распорядительница, Джорджина, Вера ван Тохт, Наташа Гонзалес и я. Миссис ван Тохт, которую я никогда не могла решиться назвать по имени, производила сильное впечатление. Она была толста, настолько толста, что лицо ее и плечи были одной ширины. И на этом необъятном морщинистом пространстве словно растворялись мелкие черты — хитроватые глаза и поджатые губы.

Наташа Гонзалес тоже была не их худеньких, но по сравнению с миссис ван Тохт казалась совсем малышкой. Волосы она укладывала в пучок. А поскольку в ней текла индейская кровь, волос у нее было больше, чем у всех остальных, и мы этому сильно завидовали. Бледно-лимонный оттенок лица свидетельствовал о больной печени. Глаза с тяжелыми веками напоминали чернослив.

Все работали и одновременно разговаривали, но поскольку я ничего не слышала, то сосредоточилась на чистке фасоли. Фасоль в этой стране довольно грубая — прожилки с каждой стороны толстые, словно веревки. Мы трудились около часа до того, как произошел странный инцидент. Наташа Гонзалес вылила мне на колени овощи вместе с грязной водой и вскочила, воздев руки и выпучив глаза. Застыв, она простояла не меньше двух минут, а затем рухнула на стул, закрыла глаза и уронила голову на грудь.

— Слышит голоса, — прокричала мне на ухо Джорджина. — Когда это случается, ей кажется, что на ней появляются стигматы и что ее откармливают к Пасхе. — Несмотря на обморочное состояние Наташи, ее губы поджались, словно она услышала, что о ней говорили. Миссис ван Тохт сердито посмотрела на Джорджину и поднялась приложить к Наташиной голове мокрое кухонное полотенце. Миссис Гэмбит что-то равнодушно сказала, но я не услышала.

Через некоторое время чистка овощей возобновилась. Когда часы пробили двенадцать, все пошли перед ленчем прогуляться по саду. Мне же пришлось отправиться переодеться, поскольку мне на колени вылилась большая кастрюля воды.

Я очень надеялась, что не подхвачу простуду. Анна Верц удобно растянулась в шезлонге и вещала сама себе.

В тот день я пришла на Движения в мастерскую ровно в пять. По стенам стояли стулья, но, кроме них и фисгармонии, там больше ничего не было. Мы молча сидели, пока не появилась миссис Гэмбит и не встала рядом с инструментом. Я, чтобы ничего не пропустить, предусмотрительно взяла с собой слуховую трубку. Мне было очень тревожно.

— Сегодня мы начнем с Изначального Ноля, — объявила миссис Гэмбит, проведя ладонью по лбу. — Среди нас новенькая, которая еще не имеет опыта подобной работы, и ради нее я проведу демонстрацию Изначального Ноля. — Она несколько мгновений помолчала и, словно настраиваясь, поглядела в пол. А затем принялась круговыми движениями растирать живот и одновременно другой рукой постукивать себя по голове. Я вздохнула с облегчением: нечто подобное я делала в детском саду, и мне не составило труда повторять движения за ней.

Покончив с демонстрацией, миссис Гэмбит села за фисгармонию и накинулась на инструмент с такой величайшей энергией, какую было трудно

ожидать от женщины ее хрупкой конституции. Вздымались и падали не только ее кисти, локти и плечи, она подскакивала на стуле, словно гарцевала на механической лошадке. Мы следовали ее примеру, каждые десять кругов меняя на животе руку. Занятие не требовало много усилий, но я обрадовалась, когда оно подошло к концу.

Миссис Гэмбит повернулась на сиденье и еще до того, как я успела приложить к уху трубку, обратилась ко мне.

— А? — переспросила я.

— Мариан Летерби, — повторила она, — первые движения по часовой стрелке. Пожалуйста, внимательно следите за Мод Уилкинс, она справляется с большинством упражнений.

Мы повторили то же самое четыре раза, и всякий раз фисгармония играла громче.

— Теперь все встают — выполним номера четыре и пять. А вы, Мариан Летерби, будьте любезны, подойдите ко мне, займите место рядом и смотрите на остальных. Примете участие в следующий раз.

Я послушно повиновалась и следила за тем, как остальные проделывали нечто такое, чего мне никогда бы не удалось повторить. Единственное, что было понятно: они стояли, как аисты,

на одной ноге и опасно раскачивались. Затем последовали серии подергиваний, когда руки разлетались в стороны, а головы так энергично вертелись и вращались, что я подумала: женщины вот-вот открутят себе шеи. В следующую секунду случилась беда — я начала хохотать и не могла остановиться. По лицу катились слезы. Я прикрыла ладонью губы, надеясь, что остальные решат, будто я не смеюсь, а плачу, будто у меня какое-то тайное горе.

Миссис Гэмбит оборвала музыку.

— Миссис Летерби, если вы не способны контролировать чувства, будьте добры, покиньте помещение.

Я вышла и, устроившись на ближайшей скамье, смеялась, смеялась, смеялась. Я сознавала, что веду себя неподобающе, но ничего не могла с собой поделать. На меня даже в молодости время от времени нападали бесконтрольные приступы смеха, и каждый раз на людях. Однажды, помнится, такое случилось в театре, куда я пришла со своим приятелем Мальборо, тогда меня едва не пришлось выносить на руках, и все потому, что какой-то мужчина в черном сюртуке встал и прочитал чрезвычайно драматическое стихотворение. Не могу припомнить, почему меня

так разобрало: то ли это было что-то нервное, то ли стихотворение показалось мне комичным. Такое впечатление, что Мальборо присутствовал всякий раз, когда меня одолевали припадки — он называл это маниакальным смехом Мариан. Всегда потешался, когда я становилась всеобщим посмешищем. Воспоминания натолкнули меня на мысль: как он проводит время в Венеции? Постоянно плавает на гондолах и, может, в компании своей увечной сестры? Возникал еще один вопрос: что же с ней такое, если за тридцать лет дружбы с Мальборо я не видела не только ее саму, но даже и ее фотографии? Что-нибудь уж очень впечатляющее, например две головы. С двумя головами он не стал бы ее брать кататься на гондоле, если только не сажал за марлевый занавес. Только не прозрачный, а очень плотный.

Мальборо — выходец из аристократической семьи, поэтому я бы не удивилась никаким странностям. Хотя у меня самой бабушка была сумасшедшая, а мы отнюдь не аристократы. А среди коров есть аристократы? Ведь двухголовые телята на ярмарках не редкость.

Такие мысли вертелись в моей голове, когда ко мне присоединилась миссис ван Тохт и грузно села рядом. После упражнений она все еще тя-

жело дышала.

— Мальборо плывет в гондоле с двухголовой сестрой и слушает, как ему поют «O sole mio», — сказала я и осеклась. Пора бы научиться не высказывать мысли вслух. Но картина была настолько живой, я видела две головы сквозь желтоватый занавес на гондоле.

Миссис ван Тохт не обратила внимания на мои слова и так близко, заговорщически, придвинулась, что у меня возникли трудности со слуховой трубкой.

— Можете поведать мне свою жизненную трагедию, — проговорила она, задыхаясь и пыхтя. — Мы все на дороге жизни прежде, чем увидеть свет, испытываем злоключения и горести.

— Да, у меня были проблемы, — ответила я, вознамерившись пожаловаться на Мюриель и Роберта. Решила, что будет очень приятно. Но только начала про телевизор, как она прервала меня нетерпеливым жестом.

— Да, я все понимаю. В человеческом сердце есть темные уголки, куда я не могу проникнуть благодаря моему особому дару. Он не столь велик, как у миссис Гонзалес, Наташа, наша дорогая Наташа. Но астральная интуиция позволяет мне помогать и утешать себе подобных. Своим

скромным способом я обратила к свету много заблудших душ, хотя мой скудный дар никак не может сравниться с удивительной силой Наташи. Ею управляют, если вы понимаете, что это такое. Иметь духовный контроль — редкое, замечательное благо. Наташа — чистый сосуд, посредством которого нам дано ощутить невидимые силы. «Не я, а тот, кто действует во мне», — постоянно твердит она, и ее чистая простота созвучна словам Христа, который, творя чудеса, повторял: «Не я, но Отец Мой Небесный».

Воспользовавшись паузой, я поспешила вернуться к Роберту и телевизору и начала:

— У моего внука Роберта неприятное пристрастие к телевизору. До того как он установил в доме этот жуткий прибор, я садилась после обеда в гостиной и забавляла семью небылицами и анекдотами из моей прежней жизни. Гордилась тем, что умею, если захочу, рассказать потешную историю. Разумеется, ничего вульгарного — остроумное, может быть, даже солененькое, если меня не донимал ревматизм. Ревматизм, конечно, большая помеха смешным рассказам. Вот Мюриель, жена моего сына, нисколько не сочувствует моему ревматизму. Зато поедает кучу шоколадок и постоянно их прячет — очень

неприятная привычка. Я неустанно задаю себе вопрос: почему Галааду пришло в голову на ней жениться…

Я уже начинала получать удовольствие от своей речи, но миссис ван Тохт остановила меня повелительным жестом:

— Нельзя ничем в себе гордиться. Даже нечто совсем простое, как смешной анекдот, — духовная чума, если является источником самовлюбленности. Смирение — вот фонтан света. Гордость — болезнь души. Многие приходят ко мне за советом и духовным утешением. Возлагая на них руки, чтобы успокоить тревогу и наполнить любовью и светом, я всегда повторяю: «Смирение прежде всего. Полная чаша больше не может ничего принять».

Навалившись, она уже почти сидела на мне. Я едва могла дышать, но была полна решимости рассказать о Мюриель.

— После того как Роберт принес в дом телевизор, моя невестка начала устраивать вечеринки с бриджем. Так это, по крайней мере, называлось в мои дни. А сейчас называется вечеринками с канастой. Когда люди собирались играть в эту смешную игру, меня из гостиной выдворяли. В первый раз я уйти отказалась и рассказала

четырнадцать анекдотов про попугаев, позабыв конец не больше чем в шести.

Я надеялась, что миссис ван Тохт попросит их рассказать, и уже готовилась начать с истории о йоркширском попугае, но она снова завела свое:

— Вечерами по средам Наташа собирает небольшие компании у нас в бунгало. Не сомневаюсь, если придете, получите большую духовную поддержку. Будут только Наташа, Мод, вы и я, все очень мило, по-свойски. Наташа передаст Послания, предназначенные для каждой из нас великим невидимым, затем мы соединим руки за небольшим столом и обменяемся вибрациями. Случается, нам везет — происходят материализации из астрального плана.

Я дошла только до середины попугайного анекдота, когда она тяжело поднялась со скамьи.

— Так мы вас ждем в восемь тридцать вечера в среду в моем бунгало. Не проговоритесь миссис Гэмбит — у нее в духовной сфере большие амбиции, и она завидует силе Наташи. Мы собираемся нашим Кругом тайно, чтобы сконцентрировать астральную энергию.

Сделав это таинственное заявление, она поковыляла прочь, оставив меня вспоминать, как же кончается анекдот про йоркширского попугая.

Внезапно на дорожке появилась Анна Верц. Я встала и, сделав вид, что не заметила ее, повернула к своему бунгало. Но она передвигалась быстрее и вскоре меня нагнала. Собственно, Анна не мешала мне наслаждаться вечерним воздухом — без слуховой трубки ее голос казался мне шелестом, словно шум толпы на далеком стадионе. Даже не делая попытки что-нибудь расслышать, я с радостью увидела, что на небо вышла Венера и сияет над верхушками деревьев. Я очень хотела рассказать Анне, как мне нравится моя любимая яркая планета, но я понимала, что это неуместно. Анна казалась раздраженной, — наверное, снова ужасно перетрудилась, хотя я не могла представить, что настолько изнуряющее она делала.

Как было бы здорово найти единомышленников или хотя бы одного, кто бы безоговорочно восхищался тем, что ты говоришь. Я вообразила, как часами рассказываю взволнованной аудитории попугайные анекдоты и меня никто не перебивает и не зевает. Или жалуюсь, насколько непорядочно вели себя по отношению ко мне Мюриель и Роберт и какой тряпкой от вечного нытья жены стал Галаад, у которого раньше был твердый характер. Мечтания наяву, возразите вы. Но ведь есть же люди, которые говорят, не закры-

вая рта, и никто не осмеливается их перебить. Что такого интересного они могут поведать? Вот если кого-то, как миссис Гонзалес, посещают призраки, это может заинтриговать слушателей, особенно если оратор говорит им о них же самих. В этом весь секрет. Людям нравится то, что касается их, и я не исключение из правила.

Популярность нравится всем, но за нее нужно платить: всегда говорить о других и никогда о себе. Сомнительно, чтобы человек получал от этого хоть малейшее удовольствие — разве только тебя постоянно приглашают на чай с французскими пирожными. Если исключительно интересный оратор предпочитает портвейн, ему могут подать его вместо чая. Окажись я этим интересным собеседником, который всегда говорит исключительно о других, то, вне всякого сомнения, предпочла бы портвейн. В таком случае хозяева, может быть, и подумали бы о замене напитков.

Я представила себя в теплом салоне с красными шторами в окружении счастливых, доверчивых, но каких-то неясных лиц. Я пила бокал за бокалом португальского вина, смаковала его тонкий аромат и иногда заедала крохотным французским эклером. Публика все сильнее радовалась и, когда я подошла к маяку, разразилась аплодис-

ментами. Анна Верц куда-то исчезла — должно быть, заметила, что я не обращаю внимания на то, что она говорит. Бедняжка Анна! Как ей горько оттого, что никому не нравится ее слушать.

Венера сверкала над кронами, подходило время ужина. Я представила вкусное вареное яйцо, но здесь ели то, что подавали на стол. Хотя доктор Гэмбит разрешил мне воздерживаться от мяса, вторая порция овощей мне не полагалась, и иногда я вставала из-за стола голодной. Доктор говорит, что по мере того, как человек стареет, ему требуется все меньше еды, что переедание убивает стариков быстрее, чем что-либо другое. Готова согласиться, но замечу, что мы, старики, получаем от еды немало непритязательной радости.

Ума не приложу, как на нашей скудной пище так разнесло доктора Гэмбита и миссис ван Тохт. Подозреваю, они тайно питаются у себя в апартаментах, хотя как миссис ван Тохт удается разжиться добавкой — для меня большая загадка. Миссис Гэмбит все время следит за кухней, словно рысь, а кладовая постоянно на замке.

Я решила обсудить это с Джорджиной, которая казалась мне хорошо информированной. И еще один немаловажный вопрос, касающийся

портрета монахини, висевшего напротив моего места в столовой. За едой доктор Гэмбит обычно делал длинные экскурсы в существо вопросов, которых я не понимала. И пока он разливался мыслью по древу, я разглядывала подмигивающую монахиню. По мере течения времени мое любопытство только возрастало. Джорджина была культурной особой и часто упоминала безумно влюблявшихся в нее знаменитых художников. И я, притворившись, что мой интерес чисто художественного свойства, спросила ее о портрете.

— Скорее всего, школа Франсиско де Сурбарана, — ответила Джорджина, необычайно посерьезнев. — Вероятно, написан в конце восемнадцатого столетия. Конечно, испанцем — итальянцы не способны на что-либо столь восхитительно мрачное. Косая монахиня. Автор неизвестен.

— Как вы считаете, она подмигивает или слепа на один глаз? — Мне хотелось услышать мнение Джорджины относительно личных черт изображенной на портрете женщины.

— Определенно подмигивает. Наверное, старая развратница подглядывает сквозь дыру в монастырской стене, смотрит, как скачут монахи в исподнем. — У Джорджины мысль всегда работа-

ла в одном направлении. — Красиво, — добавила она. — Портрет, наверное, висел в доме семейства Гэмбитов среди всякой прочей жути. Все остальное давно сгорело, а подмигивающая аббатиса осталась.

Полотно явно обладало собственной силой, и я порадовалась, что на Джорджину оно тоже производило впечатление. Ведь она такая культурная женщина, почти аристократка.

Странно, как часто подмигивающая аббатиса занимала мои мысли. Я даже дала ей имя, только держала его в секрете. Назвала доньей

Розалиндой Альварес Круз делла Куэва — прелестное длинное имя в испанском духе. Она была настоятельницей монастыря в стиле барокко, воображала я, стоявшего на одинокой голой горе в Кастилии. Монастырь назывался обителью Святой Варвары Тартарской в честь бородатой покровительницы чистилища умерших до крещения младенцев, которая, как говорят, играет с ними в этом царстве мертвых. Откуда взялись эти фантазии, не знаю, но они забавляли меня, особенно во время бессонных ночей. Старики спят немного.

Да, испанцы знают толк в изображении черных тканей, — заметила Джорджина. — Они у них так бесподобно гнетуще унылы, как ни у кого другого. Облачение старой дамы имеет текстуру лепестков орхидеи и цвет чистилища. Превосходная работа. Лицо аббатисы обрамляет белая, накрахмаленная оборка; оно светится, как полная луна, и, как луна, чарующе.

Я чувствовала, что Джорджина понимает портрет подмигивающей монахини так, как мне не дано.

Через три дня после прибытия в Лайтсам-холл состоялась моя первая личная беседа с доктором Гэмбитом. Я была вызвана у нему запиской на

красной бумаге, где говорилось: «Мариан Летерби, прошу соблаговолить прийти ко мне в кабинет в шесть часов вечера. Л. Гэмбит, психиатр».

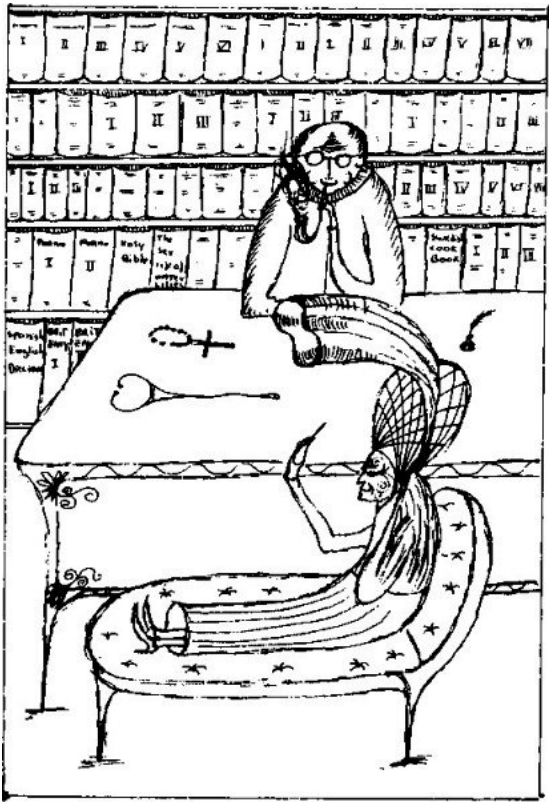
Кабинет доктора Гэмбита располагался на первом этаже главного здания. Эта маленькая комната, выходящая окнами на круговой балкон и дальше на лужайку, была настолько завалена всякими безделушками и заставлена массивной мебелью, что казалось, здесь не продохнуть. Книги, журналы, фигурки медных Будд и мраморных Христов, мешанина из всякого рода археологических пустяков, ручки и прочая мелочь занимали каждый квадратный дюйм пространства. Доктор Гэмбит сидел за столом черного дерева размером с половину комнаты. Предлагая мне сесть, он выглядел очень профессионально. Я же с трудом нашла свободное место.

— За недели и даже за годы мы не ждем результатов Работы, — начал он. — Но мы предполагаем Усилие. Наше заведение создано с целью познакомить людей с Работой. С Внутренним Христианством. Мы выбираем обитателей из тех, кто уже познал тяготы и горести жизни в трех измерениях, людей, настолько разочаровавшихся в существовании, что от времени и неудовле-

творенности их эмоциональные связи ослабли. Подобное состояние открывает духовный выход к Новой Истине.

Он строго посмотрел на меня, но я лишь согласно кивала, как поступаю всегда, если нервничаю. Доктор что-то записал в блокнот и продолжал:

— За всеми членами нашего сообщества наблюдают и их изучают, чтобы они могли получить Помощь. Но никакая Помощь немыслима, если индивидуум отказывается от сотрудничества и не предпринимает Усилия. В вашей характеристике упоминается о следующих сторонах морального изъяна: Алчность, Лицемерие, Эгоизм, Лень и Тщеславие. В первой строке списка значится Алчность как доминирующее чувство. Такое количество психических отклонений за короткое время не исправить. Вы не единственная жертва дегенеративных привычек — у каждого свои недостатки. Здесь мы стараемся выявить эти недостатки, чтобы в итоге развеять их Светочем объективного самосознания. Тот факт, что вы Избраны в качестве члена нашего сообщества, дает вам сильный стимул смело противостоять порокам и преуменьшить их влияние на вас.



Я была сбита с толку его откровениями и, надо признаться, обижена. Некоторое время что-то бормотала, стараясь привести в порядок мысли,

а затем заявила:

— Доктор Гэмбит, вы ошибаетесь, если считаете, что меня кто-то выбирал, чтобы поместить в ваше заведение. Просто отправили родственники, решившие от меня избавиться, но не пожелавшие отягощать свою совесть убийством. Невестка Мюриель остановилась на этом месте, поскольку только здесь принимают престарелых женщин за сумму, которая по карману ей и сыну. Очень сомнительно, чтобы в этих стенах когда-нибудь обо мне слышали, и я не понимаю, откуда вы взяли, что я некая избранница.

— Есть такие сущности, которые вам не дано сейчас понять, и вы не должны к этому стремиться, — загадочно ответил доктор Гэмбит. — Старательно выполняйте свои ежедневные обязанности и прилагайте Усилие. Не пытайтесь дать объяснение Высшим сферам и разгадать их тайны, пока не освободитесь от Автоматической Привычки. Порок и Привычка суть одно и то же. Советую перестать употреблять в пищу цветную капусту. Я установил ваш неумеренный аппетит к этому овощу, и это в то время, когда вами правит Алчность.

«Миссис Гэмбит заметила, как я, работая утром на кухне, стащила маленький кочешок вареной

цветной капусты. Нужно вести себя осторожнее», — подумала я, кивая.

— Я рад и обнадежен тем, что вы уже боретесь со своей Ущербной Индивидуальностью, — сказал доктор Гэмбит. — Индивидуальность — это вампир, и Истинное «я» не способно проявиться, пока Индивидуальность довлеет.

Мне же хотелось ответить: «Все это так, но какое у вас есть право критиковать мою алчность, если вы намного толще меня?» — но я лишь что-то промычала, и психиатр, похоже, решил, что я прошу у него духовного совета.

— Не отчаивайтесь, — ответил он. — Усилие приносит плоды, если человек отказывается от вознаграждения. Хотя Алчность глубоко укоренилась в вашем характере, вы сознаете, что это пагубное новообразование, и поэтому сумеете избавиться от него, подобно тому как дантист вырывает больной зуб.

Разве человек дородности доктора Гэмбита не должен отличаться Алчностью, по крайней мере такой же, как моя? Или он страдает щитовидкой? Толстяки вечно твердят, что у них не в порядке щитовидка, хотя едят больше, чем другие. Как, например, Мюриель, которая беспрерывно жует шоколадки и никогда ни с кем не делится.

В любом случае беседы об алчности помогают экономить на питании пожилых женщин. Нижние ящики в огромном столе психиатра наверняка набиты сэкономленными фруктами, конфетами, печеньем, финиками и карамелью. А верхние ящики на всякий случай оставлены пустыми — для скоропортящихся продуктов вроде сандвичей с сыром и холодной жареной курятины, чтобы все это не завалялось где-нибудь внизу под толстой амбарной книгой.

— Вот еще, щитовидка, — сказала я. — Никогда не слышала подобной чуши.

К моему удивлению, доктор Гэмбит остался доволен и мгновенно отозвался.

— Это одна из важнейших практических основ для самосозерцания. Гланды и их функция — первейшее доказательство того, что Воля превыше Материи.

— Сам ты гланды! — Меня распирала ярость, и от этого дикция стала хуже обычного. Он же сразу перешел к инструкциям, как наблюдать за моей щитовидкой. Этот толстый молокосос-коротышка собрался меня учить!

В комнате было жарко, и я, должно быть, слегка задремала, а проснулась, как от толчка, когда с треском отворилась дверь. Вошла обряжен-

ная, как привидение, Наташа Гонзалес. На ней была длинная белая ночная рубашка, густые с проседью волосы рассыпались по плечам. На желтоватом лице горели два красных злых пятна — по одному на каждой щеке. Она указала на доктора Гэмбита, как фурия мщения.

— Если вы не избавитесь от этой женщины, — закричала она, — я сегодня же вечером уйду из вашего заведения.

Притворяясь, что все еще сплю, я осторожно поднесла слуховую трубку к уху. Доктор Гэмбит в смятении встал и усадил миссис Гонзалес в ближайшее кресло на кучу романов в мягкой обложке.

— Успокойтесь, Наташа, не забывайте о своей Особой Миссии. — Он раскурил сигарету и собственной рукой вставил ей в рот. Я наблюдала за всем одним глазом и должна сказать, что нашла отношение доктора Гэмбита к Наташе совершенно неожиданным.

— Дорогая моя леди, Спокойствие — это та Дань, которую вы платите за несущийся сквозь вас поток замечательных даров. — Он внимательно смотрел на нее сквозь толстые линзы очков. — Спокойно, Наташа. Вы блаженно-невозмутимы и спокойны.

Миссис Гонзалес слегка расслабилась и довольно попыхивала сигаретой.

— Вы спокойны, Наташа, абсолютно невозмутимы, напряжение мало-помалу уходит. А теперь скажите, о чем вы хотели мне сообщить, когда вошли в кабинет.

— Речь идет о Послании из Великого Потустороннего, переданном мне высоким бородатым мужчиной. — Теперь она говорила, как сомнамбула, но при этом так судорожно вцепившись в кресло, что побелели костяшки пальцев. — Высоченная бородатая фигура вплыла в мою спальню, протянула букет белых роз и сказала: «Вот, Наташа, на этом источнике света, который суть учение мое, предаю тебе сии Небесные розы. Твое благоухание святости свежо, словно цветы Создателя. Мое имя Петр, что значит «Камень»…»

— Говори, Наташа, ты спокойна и невозмутима, блаженно невозмутима и спокойна, — приказал доктор Гэмбит, приставляя палец ко лбу женщины.

— Затем Святой взял меня за руку, и мы медленно поплыли вверх. Он погладил меня по волосам и изрек: «Эти священные розы из Царствия Небесного, Наташа, символ твоих трудов среди мужчин и женщин. Ты Чистый Сосуд,

посредством которого Всевышний являет себя стаду своему. Возрадуйся, Наташа, благословенная среди женщин, ты избрана вести за собой других». Затем он передал весть для Джорджины Сайкс, — продолжала миссис Гонзалес, не выпуская кресла и открывая один глаз. — Вот его слова: «Скажи Джорджине Сайкс, если она не перестанет распускать гнусные слухи о докторе Гэмбите и себе, ее и без того небольшие шансы на Спасение уйдут в небытие».

Я заметила, как нервно дернулся психиатр.

— Что за слухи? — резко спросил он, но тут же осадил голос до гипнотической бубнежки. — Что за слухи, Наташа? Ты блаженно-невозмутима и спокойна. Что за слухи?

Голос миссис Гонзалес был каким угодно, но только не блаженно-невозмутимым и спокойным, когда она злобно отвечала:

— Вам предстоит неприятный сюрприз, когда вы узнаете об этой кусающей исподтишка, зловредной старой потаскухе. Ее выглядывающие точно из дряблых мешков глазенки то и дело горят вожделением.

Доктор Гэмбит сделал едва заметный нетерпеливый жест рукой:

— Что за слухи? Наташа, теперь ты полностью

расслаблена и спокойна. Отвечай!

— Она разносит по всему заведению, что вы пытаетесь ее соблазнить и даже хотели проникнуть ночью в ее жилище.

— Чудовищно! — сердито воскликнул психиатр. — Эта женщина, должно быть, сошла с ума.

— Джорджина Сайкс — непристойная старуха, — с горячностью проговорила Наташа. — Сексуальная маньячка, ей не место среди других членов нашего сообщества. Она коверкает наши умы.

— Я должен с ней немедленно поговорить, — заявил доктор Гэмбит в чрезвычайном волнении. — Ее поведение способно погубить репутацию Лайтсам-холла.

— Это еще не все, — подлила масла в огонь Наташа. — Она меня страшно оскорбила. Я, естественно, поспешила к ней в бунгало передать Послание; при этом мои мысли были чисты, как того требует моя Миссия. «Джорджина, — сказала я ей мягко, — у меня для тебя Послание». Она же очень грубо ответила: «Если это послание с Небес, то засунь его себе сама знаешь куда». Я была потрясена, мне стало больно, но я призвала свое Внутреннее Сияние и увещевала ее выслушать то, что было ей только на пользу. Но она

вытолкнула меня из бунгало и захлопнула дверь. Все еще поддерживаемая тайным светом, я с радостью справлялась с дневными трудами до тех пор, пока, к несчастью, не встретила Джорджину на аллее фуксий. Это было полчаса назад. Она остановила меня и зашипела, как змея: «Наташа Гонзалес, ты — жалкая лицемерка, и если еще когда-нибудь полезешь ко мне со своими гнусными посланиями, я плюну тебе в лицо!» Вот полный отчет о том, что случилось. Мой долг открыть вам глаза, насколько опасна и вероломна эта женщина. Я уйду отсюда, если она останется!

Доктор Гэмбит, видимо, забыл о Благословенном Спокойствии и, заламывая руки, вскочил и принялся метаться по комнате.

— Джорджину Сайкс здесь содержит племянник и платит вдвое против остальных, потому что она пользуется дополнительными услугами: бульон по утрам, чистые простыни дважды в неделю, массаж, горячий шоколад в постель. Как печально! Миссис Гэмбит надо от всего этого оградить; из-за ее мигреней я неделями не сплю.

Наташа, которую нисколько не интересовали его причитания, встала, собираясь уходить.

— Послушайтесь моего совета, избавьтесь от этой женщины; она — угроза всему нашему об-

ществу.

В итоге я тоже поднялась и ушла и сомневаюсь, чтобы психиатр это заметил. Он глядел в окно и казался настолько расстроенным, что мне стало его жалко. Я и раньше обращала внимание на то, что в присутствии жены он всегда сникал, а теперь поняла: он ее боялся. Не исключено, что его она тоже наказывала через желудок. В коллективе, как наш, человек, контролирующий распределение еды, обладает почти безграничной властью. Миссис Гэмбит деспотично правила кухней, что давало ей незаслуженное преимущество. Я подумала, не получится ли устроить небольшой мятеж.

В воскресенье днем мы обычно принимали гостей. Наиболее любвеобильные родственники привозили что-нибудь вкусненькое, и те, кому с родными повезло, устраивали пикники на лужайке или в уголках сада. Те же, кого не баловали вниманием, располагались как можно ближе к пирующим и наблюдали за ними, чтобы впоследствии раскритиковать — всякая тема для обсуждений у нас ценилась. К тому же люди, получающие роскошные подарки: жареных цыплят и шоколадные торты, — заслуживают самого пристального внимания.

Прошло несколько воскресений, прежде чем Галаад и Мюриель соизволили меня навестить. Они приехали ближе к пяти и привезли коробку с разноцветными китайскими финиками и письмо от Кармеллы. Я обрадовалась, что смогу наконец узнать, как обстоят дела у моей подруги, но скрыла нетерпение и положила толстый конверт в карман, чтобы насладиться посланием в одиночестве и покое.

Мюриель еще больше растолстела, а Галаад, как мне показалось, выглядел усталым.

— Приятная новость: Роберт помолвлен, — сообщила Мюриель. Ее голос был всегда настолько резким и громким, что я невольно слышала, о чем она говорила. — Мы очень рады: его избранница — миленькая англичанка. У ее родителей вполне приличный доход — семья землевладельцев из Девоншира. Полковник Блейк приехал сюда с дочерью Флавией, и дети влюбились друг в друга во время организованного Британским клубом ежегодного теннисного турнира. Мы оба считаем, что это самая достойная партия. Правда, Галаад?

Сын что-то ответил, но я не расслышала. Рядом прошла Джорджина и демонстративно подмигнула.

— Бедолага! — возопила Мюриель, когда та

удалилась на некоторое расстояние. — Какой нелепый вид! Кто-нибудь дал бы ей пристойную одежду.

Джорджина обернулась и хитро покосилась на меня, и я поняла, что она услышала замечание Мюриель. Мне стало стыдно за бестактную невестку. К тому же жалеть Джорджину было в высшей степени неуместно — мы все восхищались ее элегантными и часто экстравагантными нарядами.

— Так что мой малыш Роберт стал мужчиной и берет себе жену, — продолжала невестка тем же заполошным голосом. — Свадьба состоится в июне. Ведь правда волнующая новость?

— Все, что касается Роберта, меня не волнует, — отрезала я. — Как поживают кошки и курица-пеструшка? Розина с детьми?

— О кошках заботится старая миссис Веласкес, а пеструшку Розина отнесла обратно в индейскую деревню. От Розины нам пришлось избавиться — она стала слишком дерзкой. Дом заново покрасили. Роберт предложил — он хотел пригласить свою невесту в красивое удобное жилище. Дома не узнать: гостиная темно-розовая, кухня цвета голубой морской волны. Галаад купил в вестибюль несколько пальм, и я пересадила

их в красные лакированные кадки, которые приобрела по льготной цене на Американской епископальной распродаже.

Кармелла, благослови ее господь, взяла кошек себе, и можно вздохнуть спокойно. Зато судьба пеструшки порадовала меня меньше: курицы в индейских деревнях сильно тощают, если вообще выживают. Мюриель, рассказывая новости, продолжала орать во всю глотку. За пятнадцать лет нашей совместной жизни она ни разу так долго со мной не говорила.

— Полковник Блейк останется, чтобы присутствовать на свадьбе Роберта и Флавии. Он заядлый охотник, но пропустит охотничий сезон в Англии. Зато здесь он много играет в гольф, а по вечерам в канасту, так что развлечений у него хватает. Роберт с Флавией играют в любительской театральной студии компании «Флутлайт» и сейчас репетируют Ноэла Кауарда. Пьеса должна иметь большой успех. Флавия в ней исполняет вторую по значению роль.

От мысли, что Роберт будет играть в спектакле, к горлу подступила тошнота, и я ничего не ответила.

— Миссис Бирч, узнав, что Флавия получила эту роль, так расстроилась, что закатила на лю-

дях сцену, — продолжала Мюриель. — Ни стыда ни совести у этой женщины. В ее-то возрасте! Играть на сцене! Ей, должно быть, не меньше шестидесяти!

Солнце клонилось к закату, когда они наконец убрались. Мне было жаль Галаада, но тот день, когда я еще могла ему помочь, остался в далеком прошлом.

Письмо Кармеллы похрустывало у меня в кармане, и я поспешила прочитать его в тишине. Мне доставило большое удовольствие снова увидеть ее мелкий почерк и фиолетовые чернила.

«Дорогая Мариан, — обращалась она ко мне. — Не знаю, прочтешь ли ты это письмо, даже если оно до тебя дойдет. Не верю я, что жуткая Мюриель доставит его в целости и сохранности. Но даже если это произойдет, ты, наверное, слишком страдаешь, чтобы читать какие-то письма.

Я несколько раз видела тебя в кошмарах — как ты живешь в огромном, унылом, цементном доме. Современный стиль архитектуры всегда депрессивен. Прогулочный двор, наполненный злобными собаками, и женщины-полицейские с квадратными челюстями, заставляющие вас маршировать по кругу в серых робах. Они велят вам шить мешки? Я всегда считала это неблагодар-

ным делом. В ночь на вторник мне приснилось, что ты сбежала в смирительной рубашке и целые мили все скакала и скакала. Если получится, черкни короткую записку. Мне будет легче, если я узнаю, что тебя не все время пичкают таблетками правды.

Обе кошки живы и здоровы. А курицу я забрать опоздала. Увы, ее наверняка скоро съедят. Кошкам сначала было немного непривычно, но они скоро освоились. Как ты знаешь, кошки — экстрасенсы и сразу почувствовали мою симпатию.

Кроме кошмаров, в которых я вижу тебя, мне регулярно снится сон про какую-то монахиню в башне. У нее очень интересное лицо — немного перекошенное от постоянного подмигивания. Понятия не имею, кто она такая. Может, одна из моих корреспонденток.

Подумываю тебя навестить. Но если придется разговаривать через решетку под взглядом полицейского, мне не удастся передать тебе шоколадный торт и бутылку портвейна, как я хотела. Если получится, сообщи точное расстояние между прутьями, и я прикину, что между ними пролезет. Сигареты — это то, что всегда поднимает настроение, и просунуть их можно в самую узкую щель. Хочешь, принесу с марихуаной, что-

бы разогнать печаль? Мне говорили, что травку продают арабы за рынком Сан-Фандила. Чтобы приобрести марихуану, придется вооружиться, потому что там самый опасный бандитский район города. Но я ни перед чем не остановлюсь, чтобы облегчить твои страдания. Поскольку достать хоть сколько-то марихуаны будет очень непросто, напиши, нужна ли она тебе.

Планирование визита к тебе поглощает меня целиком. Понадобится маскировка, чтобы меня не заподозрили на случай, если придется устраивать тебе побег. Элиза, наша новая горничная, говорила, что у ее дедушки есть старый ковбойский костюм, который достался ему от покойного работодателя, и он не прочь за небольшую сумму сдать его напрокат. Я бы, конечно, предпочла явиться к тебе в мундире венгерского генерала, но эта форма — достаточная редкость в здешних краях. Наряд тореадора был бы тоже живописен, но, боюсь, обойдется слишком дорого. И вообще, нельзя переусердствовать — это может вызвать подозрение. Больших накладных усов и темных очков обычно хватает, чтобы значительно изменить внешность.

Было бы намного удобнее, если бы мы могли общаться посредством подземных ходов. Имея

это в виду, я продумываю кое-какие планы, основанные на технологии термитов, поскольку не думаю, что нам удастся достать механизмы. Планы прилагаю к письму — пожалуйста, позаботься, чтобы они не попали в руки властей. Последствия такой оплошности будут катастрофичны для нас обеих. Промывка мозгов — так это называется — современный метод пытки. Тиски для больших пальцев давно вышли из моды. Если не слышала, промывка мозгов — вид интеллектуальной пытки, при которой человека держат в постоянном страхе, и вскоре он сходит с ума. Поэтому не обращай внимания, если тебя начнут убеждать, что сейчас явится расстрельная команда. Отказывайся от любых уколов, даже если тебя будут уверять, что это обыкновенные витамины. Это может быть сыворотка правды. Имей в виду, что это часть промывки мозгов, от которой человек признается не только в том, чего не делал, но даже в том, о чем никогда и не помышлял.

Мне постоянно снится, что я умерла и должна похоронить собственный труп. Это очень неприятно, поскольку труп начинает портиться, а я не знаю, куда его пристроить. Вот и прошлой ночью видела то же самое: подмигивающую монахиню

и трудности своего погребения. Я решила труп забальзамировать и отправить домой наложенным платежом. Но когда явился похоронный агент, я настолько разволновалась, что, не расплатившись, послала труп обратно в его бюро. Какое счастье, что нам не приходится брать на себя хлопоты о собственном захоронении.

Внимательно изучи прилагаемые планы и сообщи свои соображения обратной почтой. Я вложила в конверт две песеты — постарайся кого-нибудь подкупить, чтобы он вынес письмо из вашего заведения. Еще мне потребуется подробный план зданий, который тебе придется сделать втайне от всех. Рисуй в таком ракурсе, как если бы ты смотрела сверху из вертолета, а не как обычную акварель. Правда, будет здорово, если я сумею выиграть вертолет на соревновании по разгадыванию кроссвордов? Хотя надежды на это мало — такими полезными для жизни призами, как правило, не награждают.

Прошу, как бы ни ужасно было твое положение, не оставляй надежды. Я мобилизую все свои умственные способности, чтобы добиться твоей безоговорочной свободы.

Любящая тебя Кармелла».

Несколько раз перечитав письмо Кармеллы, я

сидела в задумчивости. Подмигивающей монахиней могла быть только донья Розалинда Альварес Круз делла Куэва. Как загадочно, что Кармелла телепатически прозрела эту женщину. И как же она разволнуется, когда я ей расскажу о написанном масляными красками портрете аббатисы, который настолько занимает мои мысли.

План Кармеллы прорыть подземный ход между нашим заведением и ее домом показался мне трудновыполнимым. Кто станет копать землю?

Где взять динамит, чтобы взрывать попадающиеся на пути скалы? А если работать обычными мотыгами, нам с Кармеллой потребуется вечность, чтобы преодолеть под землей десять километров.

Тем не менее я решила начертить подробный план Лайтсам-холла и при первой же возможности отослать его Кармелле. Наши дамы свободно получали письма, и никто не подвергал их цензуре, поэтому осложнений я не ждала и мне не требовалось никого подкупать, как советовала Кармелла. Это все упрощало. Как любезно с ее стороны, что она взяла на себя труд заботиться о моих кошках. Я скучала по ней, мечтала с ней повидаться и пососать на ее веранде фиалковую пастилку.

По воскресеньям наш ужин был менее официальным, чем всегда. Вот и в тот день холодный ростбиф и картофельный салат стояли на столе, а не пускались по кругу. А булочки, сладкий творог со сливками и мускатным орехом и кофе подали в гостиной. Посуду мыли по очереди мы сами, так как горничные в этот день были выходными. После еды разрешался час отдыха. Кто-то предавался беседе, кто-то вязал, кто-то развлекался немудреными играми. Маркиза Клод ля Шешерель и Мод после ужина всегда играли в «Змейки и лесенки». Это был своего рода ритуал, за которым мне нравилось наблюдать. Маркиза двигала фишку, проявляя военную стратегию, и рассказывала о жутких баталиях, в которых она сражалась в Европе и Африке. А застенчивая Мод боялась прервать ее бесконечно повторяющиеся военные воспоминания.

— Грязь была по самую шею, — говорила маркиза, бросая на поле кубик. — Стоило нам с капитаном высунуться из траншеи, как пули пробивали фуражки. Немцы немилосердно обрабатывали нас тяжелыми снарядами. Танки тараторили своими пулеметами, словно злобные роботы-карателя. Ситуация сложилась критическая. Мы до смерти устали, но долг повелевал нам

оставаться на позициях. «Единственная надежда, mon capitaine[12], — бросок вперед. Мы под огнем с обоих флангов». Капитан посуровел и сжал крепкие скулы. «Это будет хладнокровное убийство солдат», — ответил он. На его заляпанном грязью лице сияли проницательные голубые глаза. Я схватила его за руку и указала на плескавшееся позади нас море. «Отступать некуда. Не лучше ли умереть, сражаясь, чем ждать, пока нас вдавят танками в грязь?» — Мой голос от волнения звучал хрипло. «Как всегда, преклоняюсь перед твоим советом, — ответил капитан и приказал: — En avant![13]» Так была выиграна битва при Ипре, — скромно продолжала маркиза. — Многие из нас погибли, многие утонули, пытаясь переплыть пролив Па-де-Кале. Бой продолжался сутки, но наш маленький батальон заставил немецкие танки отступить.

В этот момент на кубике Мод выпала «шестерка» и ее фишка оказалась близка к победе. Маркиза тихо выругалась и выбросила «двойку», которая ей ничего не давала.

— Мне не везет по воскресеньям, — заметила

---

[12] Примечания: 12
Мой капитан (*фр.).*

[13] Примечания: 13
Вперед! (*фр.)*

она. — Я родилась во вторник. Мало кто назвал бы это удачей. Но я не жалуюсь — в моей жизни было много интересного и приятного. Вот, например, как мы ускользнули от немецких снайперов. Дело было в Северной Африке, мы выполняли марш-бросок по голой гористой местности. Я была заместителем командира батальона, который сопровождал в пустыню две машины Красного Креста.

— Боюсь, я выиграла, — робко подала голос Мод. — Конечно, случайно, ведь эта игра не требует такого опыта, как шахматы.

— Выиграли, — согласилась маркиза, пристально посмотрев на поле. — Хотя, на мой взгляд, влечение к спорту важнее постоянных побед, я вас искренне поздравляю. Я бы, конечно, выиграла, если бы сегодня было не воскресенье.

Миссис Гэмбит позвонила в колокольчик. Мы стали расходиться по своим домам. Я радовалась, что живу в маяке, а не в цементной поганке, как маркиза, которая, надо отдать ей должное, никогда не жаловалась, что ей приходится забираться к себе по лестнице. Наверное, это напоминало ей счастливые деньки, когда она то прыгала в воронки, то вылезала из них.

Почти полная луна освещала наш путь через

сад. Я шла с Мод к двухместному бунгало, в котором она жила с миссис ван Тохт.

— Когда я вижу луну, то всегда вспоминаю Швейцарию, — печально проговорила Мод. — Девочкой я постоянно ездила в Мюррен заниматься зимними видами спорта. В лыжах я так и не преуспела, но немного катаюсь на коньках. Нет, не как фигуристка. Просто так.

— Вот уж правда, — отозвалась я, — ничего так не люблю, как залитый лунным светом снег. Сколько лет мечтала отправиться в Лапландию, катить в санях, запряженных белыми пушистыми собаками, и любоваться снегом. Дальше на севере ездят на оленях, которые еще и дают молоко. Наверное, и сыр из него делают, хотя он должен отдавать козлом, что мне никогда не нравилось.

— Нельзя поддаваться своим мечтам и становиться их жертвами, — заявила Мод. — Доктор Гэмбит утверждает, будто мечтания отнимают не меньше сил, чем езда на велосипеде. Не сомневаюсь, что он прав. Хотя у меня не хватает ума уяснить, для чего он нам все это говорит. В нашем возрасте трудно не предаваться маленьким удовольствиям. Ты решишь, что я совсем глупая, но иногда я воображаю, что бреду где-нибудь на

севере по шелестящей березовой роще. Ранняя весна, под ногами от последнего морозца похрустывает трава.

— Я тебя понимаю, — горячо подхватила я. — Березки, серебристые березки — они кажутся куда более живыми, чем эти мерзкие здешние пальмы.

— Так и стоят в глазах, что сам собой складывается сюжет. Не возражаешь, если я расскажу?

— С удовольствием послушаю, — ответила я, надеясь, что это не займет много времени, потому что хотела, пока не поздно, начать письмо Кармелле. Миссис Гэмбит настаивала, чтобы в одиннадцать часов все тушили свет.

— Я там, в твидововых брюках, кожаной куртке и крепких уличных ботинках, — начала Мод. — Бреду одна, что-то насвистываю или скорее напеваю. Я разучилась насвистывать с тех пор, как лишилась зубов. В березовой роще полно звенящих ручейков, которые я перехожу по гладким камням. Иногда довольно скользким, и мне приходится опираться на крепкую палку, которую всегда ношу с собой. Проказливые ручейки. Кажется, они предлагают множество невинных забав. Легкий ветерок шелестит листвой берез, воздух свеж и прохладен. Шагая вперед, я вдруг

понимаю, что у меня есть цель, и, ясно представив ее себе, дрожу от радости. Я должна найти спрятанную в лесу волшебную чашу. Затем я натыкаюсь на мраморную статую Дианы с собаками. Она наполовину покрыта мхом и вечно идет сквозь деревья. Чаша лежит у ног статуи. Это серебряный потир, сосуд для причащения, до краев наполненный золотистым медом. Я отпиваю мед и с благодарственной молитвой возвращаю чашу Диане. Хотя все немного не так. Я попыталась отпить мед, но он оказался слишком густым, и я озираюсь в поисках ложки. Ее нет, и я лижу кромку потира, потом возвращаю богине почти нетронутый мед и только после этого возношу ей благодарственную молитву.

Не успела я немного отойти от Дианы, как нашла спрятанный под камнем маленький железный ключик. Я понимаю, что он мне пригодится, потому прячу его в карман. И вдруг оказываюсь перед деревянной дверью, встроенной в покрытую мхом каменную стену. Пока я решала, стоит ли мне пытаться войти, и вставляла в замок железный ключик, кто-то подкрался ко мне сзади и грубо толкнул в проем. Дверь открылась сама собой, и я очутилась в роскошной спальне, обставленной, как мне показалось,

в стиле эпохи Возрождения. Хотя я настолько несведуща в искусстве, что это могла быть готика или даже барокко. На кровати с балдахином лежала женщина в белом кружевном чепце. Она подмигнула мне, и я узнала монашку с картины, которая висит у нас в столовой.

— Очень странно, — сказала я. — Она занимает мои мысли с тех пор, как я ее увидела. Кто эта женщина?

— Никто не знает, — ответила Мод. — Или делают вид, что не знают. У меня такое впечатление, что Кристабель Бернс могла бы многое рассказать, если бы захотела. Но она такая скрытная и почти ничего никому не говорит.

— Возможно, она, как негритянка, чувствует по-другому. У негритянок воспоминания отличаются от наших. Я давно хотела с ней поговорить, но она кажется очень занятой.

— Что ж, мне пора в постель, — объявила Мод. — Ты же в курсе, что я живу в одном бунгало с миссис ван Тохт. С Верой. Она не любит, если я поздно ложусь — говорит, слышит через стену, как я разуваюсь. Очень чутко спит. Я бесконечно ценю Веру. Она такая духовная. Боюсь, мне никогда не удастся достигнуть ее уровня.

— Она мне говорила, что по вечерам в среду вы

устраиваете сеансы.

Мод покосилась на меня немного удивленно:

— Она так сказала? Это значит, она считает, что ты способна к Инициации. Приходи к нам в среду.

— Спасибо. С удовольствием, — ответила я и подумала, может, они еще и закуски подают? И даже напитки? Кто-то мне говорил, что у миссис ван Тохт собственные каналы доставки еды. Иначе как бы она могла сохранять такую комплекцию? — Расскажи о Наташе Гонзалес, — попросила я. — Слышала, что она наделена сверхъестественной силой.

Мод ответила не сразу.

— Да, она тоже очень духовный человек. У нее Видения. Спокойной ночи. Мне в самом деле пора — надо вернуться домой до того, как Вера ляжет в постель.

Мод ушла, оставив меня гадать, отчего у нее стал такой испуганный вид, когда я упомянула Наташу Гонзалес. Луна плыла высоко в небе. Я начала сочинять письмо Кармелле. Мне было искренне жаль, что ее нет рядом и она не может насладиться здешней таинственной атмосферой. Может, предложить ей приехать на выходные, если, конечно, удастся получить разрешение

миссис Гэмбит? У Кармеллы возникли бы интересные теории по поводу окружающих меня людей. Прежде чем удалиться в свой маяк, я еще постояла — полюбовалась на луну и послушала через трубку ночных созданий. Где-то вдалеке говорила сама с собой Анна Верц, стрекотал кузнечик, поблизости пел соловей. Куда же я положила ручку и чернила? Бумага — этого я не забыла — хранилась в кладовке наверху.

Написав Кармелле все, о чем вспомнила, я легла в кровать, оставив остальное на завтра. Луна вовсю светила в окно, и я не могла погрузиться в сон и лежала в полудреме — состоянии, хорошо знакомом мне в последнее время. В голове, словно пузыри, всплывали воспоминания из прошлого, и то, что казалось давно забытым, обретало реальность только что случившегося. Люксембургский сад и запах каштанов, Париж. Сен-Жермен-де-Пре, завтрак на террасе кафе с Симоном, и его лицо, полное жизни, словно он не умер тридцать лет назад. Насколько мне известно, от него ничего не осталось. Симон говорит как в «Тысяче и одной ночи» — о любви, о волшебстве. Затем мне представляется, что я готовлю ленч в летнем домике, расположенном в низине большого сада, и Симон тоже рядом. Я

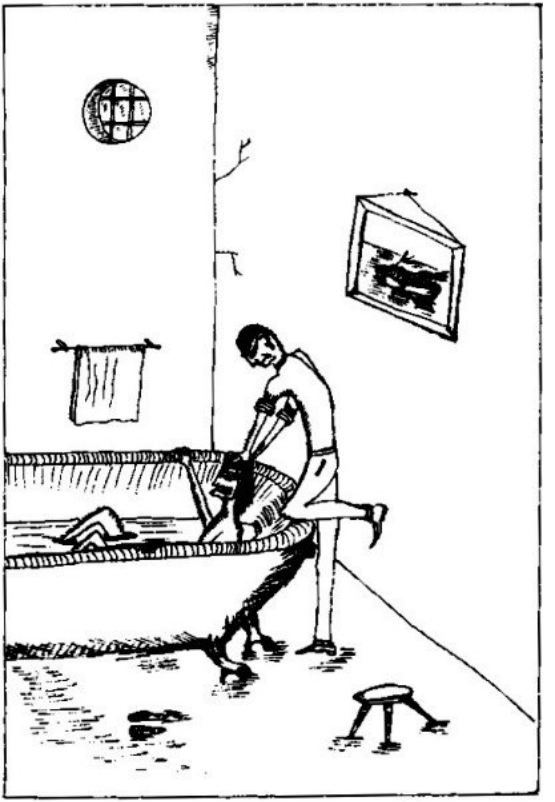
должна у него спросить что-то важное и касаюсь его груди. О, ты такой же плотский, как я. Почему ты умер до того, как все мне рассказал? Открой, что значит быть мертвым. Вот что я должна была его спросить. В смущении я почувствовала, что он немного озадачен. Помолчав, он ответил:

— Считается, что все приходит к концу. Ничего подобного.

У него были красивые, как у сиамского кота, глаза. Симон затерялся в бесконечных сумерках сада и уже не обретет свободу, а он так много знал. Симон. Наверное, я все еще в Париже. О, какое это счастье, просто гулять по набережной, восхищаться книгами или глядеть на Сену с Нового моста. Я бы свернула на улицу Сен-Андре-дез-Ар и купила бы на рынке к обеду красного вина и сыра бри — этого мне вполне довольно. Пьер, улица де Боз-Ар. Умный Пьер со своими блестящими теориями, и как печально кончил. Утонул в собственной ванне — говорят, убит автором натюрмортов. Пьер разозлился, обнаружив на одном из натюрмортов морковь. Жан Писар, так звали оскорбленного художника, пробрался в его дом и, увидев Пьера в ванной, погрузил под воду и держал, пока бедняга не испустил дух. Бедный Пьер, не помню, отправили ли его убийцу на

гильотину. Пьер был очень умен и восприимчив к искусству: мог упасть от ужаса в обморок, если видел на холсте что-то более определенное, чем одну краску, положенную на другую такую же. Форма — это нечто устаревшее и вульгарное, доказывал он. Поэтому морковь, которая, возможно, была вовсе не морковью, довела его до безвременной кончины.

То ли в понедельник, то ли во вторник, сейчас не помню, я сидела у Пчелиного пруда и пыталась научиться вязать крючком. Миссис Гэмбит сказала, что в основе моей ужасной алчности лежит праздность, и я решила, что мне следует связать шарф. Мод снабдила меня зеленой шерстью и преподала урок. Все оказалось не так просто, как она уверяла. Я уже давно оставила работу и любовалась на пчел, завидуя их деятельному усердию.



В это время внезапно появилась Наташа Гонзалес. Ее голова была обмотана розовато-лиловым шарфом, словно у нее болели зубы.

— Я совершенно обессилела, — заявила она, закатывая большие, будто две вращающиеся чернослив ины, глаза. — Трое суток без сна.

— Попросите у миссис Гэмбит успокоительного, — добродушно предложила я. — Говорят, помогает.

— Успокоительное! — Наташа обхватила голову руками и застонала. — Вы ничего не понимаете! Я так хочу спать, что мутится в голове, но из-за крыс боюсь закрыть глаза.

Ее слова меня потрясли. Сама всю жизнь до смерти боялась мышей и крыс.

— Как ужасно! В вашем бунгало есть крысы?

— Огромные! — ответила Наташа. — Я бы сказала, не меньше спаниелей. Из-за этого я не решаюсь уснуть. Они могут откусить мне нос.

— Отвратительно! — Мне стало не по себе. — Миссис Гэмбит должна завести кошек. Здесь вполне хватит места для дюжины. К тому же кошки такие милые создания. Крысы и мыши не выносят даже запаха кошек.

— У миссис Гэмбит аллергия на кошек, — возразила Наташа. — Она от них покрывается прыщами.

— Чепуха! — возмутилась я. — Нет животного чище здоровой кошки. Дома я не засыпала без

кошек под боком.

— Миссис Гэмбит не дотронется до кошки даже ради спасения жизни! — воскликнула Наташа. — Близко не подпустит кошку к этому месту. Не остается иного средства, кроме крысиной отравы. Попрошу ее купить несколько пакетиков крысиного яда под названием «Последний ужин». Самое сильное средство, крысы погибают от него почти сразу.

— Но если ваши крысы ростом со спаниелей умрут под полом, вонь вас в два счета выживет из дома.

— Я готова пожертвовать собой, только бы избавиться от этих страшных существ, — ответила Наташа. — По мне уж лучше страдать от вони, чем остаться без носа.

— Извините за то, что вас прерываю. — Из-за куста жасмина показалась голова Джорджины. — Но вы знаете, с тех пор как я приехала сюда десять лет назад, я не видела ни одной мыши и ни одной крысы.

— Гадючина! — Наташа ткнула пальцем в сторону куста жасмина. — Не советую вам разговаривать с Джорджиной Сайкс. Опасная, бессовестная, злобная женщина! — Наташа крепче обмотала голову розовато-лиловым шарфом. — Гнусная

рептилия! — Продолжая ругаться, она удалилась.

Джорджина подошла и села.

— Если говорить объективно, эта Наташа просто вызывает отвращение, — начала она. — Я придумала ей особенное прозвище — зову ее Святошей-распутницей. Все эти сказки про крыс — сплошной вздор: она просто лжет. Распутница — чтобы заработать немного славы, продала бы белому работорговцу собственную мать. У нее, как у Гитлера, комплекс власти. Выдумала крыс размером со спаниелей точно так же, как свои милые беседы со святыми ростом с телеграфные столбы. Все с одной целью — приобрести больше власти. Человечеству здорово повезло, что ее закрыли в доме для престарелых.

— Надеюсь, вы правы и здесь нет никаких гигантских крыс, — ответила я. — Всегда боялась мышей и крыс, хотя, как мне кажется, большинство животных люблю.

Джорджина с любопытством покосилась на мое вязание:

— Если уж речь зашла о животных, это у вас на спицах тужурка для ужа?

Я не ждала, что она узнает еще не законченный шарф, но заметить, что вяжу я не спицами, а крючком, могла бы.

— Нет. — Я немного рассердилась. — Не тужурка.

— Откуда вы взяли такую тошнотворную зеленую шерсть? От этого цвета я начинаю клацать зубами.

— Иногда вы слишком критичны, Джоржина. Эту красивую зеленую шерсть мне любезно подарила Мод. Она напоминает мне приятные краски весны, например первые листочки каштанов.

— Надеюсь, вы не собираетесь это носить, — буркнула Джорджина, словно не замечая моего упрека. — Вы будете похожи на утонувшего во время потопа Ноя. Зеленый не ваш цвет. Вы и без того слишком зеленая.

— Вы же не ждете, чтобы я выглядела, как девица на первом балу? — парировала я. — Кроме того, Ной никогда не тонул, у него был ковчег с животными.

— Всем известно, насколько неточна Библия. Да, Ной отплыл в ковчеге, однако, напившись, упал за борт. Миссис Ной вышла на корму и увидела, как он тонет, но спасти даже не пыталась, поскольку наследовала весь скот. В те дни люди вели жалкое существование, и скот для них все равно что банковский счет.

Джорджина поднялась и бросила окурок в

Пчелиный пруд; послышалось неприятное шипение.

— Вы куда? — спросила я. Мне нравилось с ней разговаривать.

— Пойду, почитаю роман, так что вы можете продолжать вязать свой гадкий носок. — Она удалилась с немного скрипучим изяществом, оставив за собой запах, напомнивший мне об улице ля Пэ.

Почтовая открытка пришла ко мне с вечерней почтой. Она представляла собой цветное изображение шотландского гвардейца и козла, марширующих в Букингемский дворец.

«Мадам в хорошем настроении. Вчера вдвоем смотрели крокетный финал. Очень волнующий матч. Оба весьма устали. Мадам посылает наилучшие пожелания. Надеемся, открытка застанет вас в таком же доб. здравии, в каком покидает нас. Искренне ваш,

Б. Макгрейв».

Макгрейв любезно информировал меня о здоровье матери. Интересоваться спортом в сто десять лет — поразительно, но жизнь матери была куда легче моей. Покинув Ирландию в восемнадцать лет, она понеслась по кругам безумных

удовольствий. Игра в крикет, охота, походы на распродажи, покупки на Риджент-стрит, бридж, массаж лица у мадам Померой, старомодные салоны красоты близ Пиккадилли-серкус. То, что мать не поспевала за модой, составляло часть ее очарования. Мы всегда приезжали либо слишком рано, либо опаздывали. Помню, заявились в Биарриц в снежную бурю в феврале. Мама восприняла погоду как личное оскорбление. Она считала, что Ривьера где-то на экваторе и снегопад в Биаррице — свидетельство того, что Земля меняет полюса и сходит с орбиты. Мы оказались единственными постояльцами в огромном, размером с вокзал «Виктория», отеле. «Неудивительно, что люди не едут в Биарриц, — заявила мать. — Ни единой живой души. На следующий год отправимся в Торки. Там дешевле и климат намного мягче».

В Монте-Карло мать забыла о погоде, решив, что ее истинный дом — казино. Я же флиртовала с клерком из туристического бюро. Он продал нам билеты в Таормину, и мы отбыли на Сицилию. В Таормине я закрутила роман со старшим официантом по имени Данте. Он нам очень дешево продал картину Фра Анджелико, которая оказалась не подлинником, и поэтому наша сделка получалась не такой выгодной, как мы думали.

Зато погода стояла прекрасная, и бугенвиллея была в полном цвету.

Вернувшись в Рим, мы любовались итальянскими офицерами в великолепных синих плащах с головными уборами, напоминающими черные ведерки для угля.

Затем двинулись в ландо осматривать катакомбы. Обошли собор Святого Петра, восторгались куполом Микеланджело. Но потом мать пресытилась искусством и решила, что мы должны ехать в Париж и там купить себе наряды. «Парижская одежда, — сказала она, — знаменита по всему миру». И вот мы в Париже и пришли за покупками в универмаг «Весна». Мать была разочарована: она хотела коричневые атласные панталоны, но таких нигде не нашла. «Могли бы не уезжать из Лондона, — жаловалась она, купив соломенную шляпу, которая ей совсем не шла. — На Риджент-стрит все то же самое, только вдвое дешевле».

Мы пошли в «Фоли-Бержер» — мать решила, что я достаточно повзрослела, чтобы оценить Мистангетт. «Все эти обнаженные женщины меня утомляют, — заявила она. — Греки много лет назад проделывали то же самое». Мать еще не отошла от неудачи с коричневыми панталонами. На следующий день мы посетили кабаре «Бал

Табарен» и обе получили большое удовольствие. Я танцевала с очень симпатичным армянином, который потом позвонил мне в отель. Но мать взяла билеты в Лондон, и мы покинули Париж, так что армянин не успел нам ничего продать.

В Ланкашире я испытала приступ клаустрофобии и пыталась убедить мать отпустить меня в Лондон изучать живопись. Она решила, что это вздорная, глупая мысль, и прочитала мне лекцию о художниках. «В живописи нет ничего плохого, — сказала она. — Я сама разрисовывала коробки для распродаж. Но есть художники и истинные художники. Твоя тетка Эджуорт писала романы и была на короткой ноге с сэром Вальтером Скоттом, но она никогда не называла себя художником. Это было бы неприлично. Художники безнравственны. Они живут скопом на чердаках. После здешнего комфорта и роскоши тебе на чердаке не понравится. К тому же что мешает тебе работать дома? Вокруг так много живописных уголков, которые стоит изобразить».

«Я хочу рисовать обнаженные модели, — ответила я. — Здесь таких нет».

«Почему же нет? — воскликнула она и просияла от удачной мысли: — Люди повсюду голые, пока не облачатся в одежду».

В итоге я все-таки уехала в Лондон изучать искусство и там влюбилась в египтянина. В Египте, к сожалению, так и не побывала. Но благодаря матери в юности объездила почти всю Европу.

В Лондоне искусство показалось мне не очень современным, и я задумала перебраться в Париж, где вовсю развернулись сюрреалисты. В наши дни сюрреализмом никого не удивить: в доме почти каждого деревенского викария и почти в каждой школе для девочек висят картины сюрреалистов. Даже в Букингемском дворце есть огромная репродукция знаменитого натюрморта Рене Магритта с ломтем ветчины, из которого таращится глаз. Если не ошибаюсь, картина висит в Тронном зале. Что ни говори, времена меняются. Недавно Королевская академия представила ретроспективу дадаистов, разукрасив галерею под общественный туалет. В мои дни публика была бы шокирована. Ныне лорд-мэр открывает выставку длинной речью о мастерах двадцатого столетия и королева-мать возлагает венок из гладиолусов на скульптуру Ханса Арпа под названием «Пупок».

Как скачут мои мысли, вернее, летят назад; я никогда не завершу повествование, если не буду контролировать сознание — слишком много

у меня воспоминаний. Я уже отмечала, что не помню, когда произошли эти события, может, в понедельник или во вторник. Не исключено, что в среду, четверг или пятницу. Только не в воскресенье. Но все, что было дальше, началось примерно тогда, когда я получила открытку от Макгрейва.

Я бесцеремонно заглянула в кухонное окно, надеясь, что в помещении никого не окажется и найдется что-нибудь перекусить.

К несчастью, там сидела миссис Гэмбит и чистила горох. Но меня поразило другое: у нее на коленях пристроился большой рыжий кот, которого она нежно гладила. Человек, испытывающий перед кошачьими природный ужас, не пустит представителя их породы к себе на колени и уж тем более не будет обращаться с ним с такой нежностью. В памяти всплыло то, что говорила Наташа о миссис Гэмбит и о крысах. В приступе любопытства я вошла на кухню и предложила помощь.

— Садитесь, — ответила миссис Гэмбит. — Я рада, что вы боретесь с праздностью.

— Какой чудесный котик, — начала я. — Многие не любят кошек, а я предпочитаю их почти всем другим домашним животным.

— Я люблю кошек, — кивнула миссис Гэмбит. — Мой славный Том спит со мной на кровати, словно пытается лечить мою головную боль. Он почти всегда в моей комнате, хотя кошки, как правило, большие гулены, если дать им слишком много воли.

— Вот почему я его раньше не видела, — сказала я. — Можно мне его немного подержать, я очень давно не гладила кошек.

Миссис Гэмбит, видимо, решила, что я общаюсь с ней запанибрата, и изменила тему разговора.

— Раз в неделю мы организуем курсы стряпни. Люди могут закалять волю, готовя сладости другим, притом что им самим пробовать запрещается.

Мне это показалось чистейшим садизмом, но свое истинное мнение я высказать, конечно, не решилась. Лишь спросила: готовят участницы по рецептам или речь идет о творческом процессе?

— Можно готовить все, что захочется, но стоимость ингредиентов составит дополнительный счет для ваших родных, поэтому ради них мы избегаем расточительности. Некоторые пользуются поваренной книгой, но лучше работать по памяти — это тренирует мозг и не дает ему ржаветь. Всякое Усилие полезно в Работе.

— Когда-то мне удавались вкусные блюда, всякие там рецепты французской кухни, но в выпечке я никогда не была сильна.

— Претенциозность на кухне нисколько не лучше претенциозности в гостиной, — ответила миссис Гэмбит. — И еще учтите: ваши родные не горят желанием платить дополнительные суммы. Наш бюджет на питание и так слишком высок, чтобы позволять роскошь дорогостоящих продуктов только ради того, чтобы показать свои способности. — Миссис Гэмбит одарила меня вымученной улыбкой, и я решила, что свободна.

Ушла с кухни разочарованная из-за того, что мне не позволили погладить кота.

Уроки стряпни начались вскоре после этого случая, и вот тогда-то Наташа приготовила фадж — шоколадные помадки. Он уже остывал, когда судьбе было угодно послать миссис Гэмбит гостя. Она поспешила в гостиную, оставив Наташу и миссис ван Тохт на кухне одних. Я не принимала участия в процессе изготовления десерта — стояла на улице и с интересом наблюдала за действом в окно.

Наташа что-то сказала миссис ван Тохт, та подошла к двери и выглянула наружу. Меня она не увидела: между мной и дверью удачно оказался

куст фуксии, который спрятал меня от нее. Ван Тохт вернулась к Наташе и кивнула. Наташа вынула из кармана пилку для ногтей и пробуравила ею отверстия в полудюжине кубиков фаджа.

После чего открыла какой-то пакет и высыпала его содержимое в полость помадок. Затем дамы подогрели в кастрюльке остатки фаджа и залили расплавленной массой отверстия, словно их и не было. Процесс не отнял много времени, к тому же, судя по всему, они сильно спешили. Наташа завернула помадки в вощеную бумагу, что-то сказала миссис ван Тохт и торопливо направилась к двери. Ван Тохт, напряженно улыбаясь, опять кивнула.

Я вжалась в стену, чтобы Наташа меня не заметила, и она быстро проскочила мимо. Секундой позже из-за росшей передо мной жимолости выскользнула Мод и стала красться за Наташей. Я рассудила, что Мод не могла быть свидетелем странной сцены на кухне, хотя решила, что она притаилась в засаде примерно по тем же причинам, что и я. Когда они немного удалились, я пустилась за ними и, срезав путь, оказалась за Наташиным иглу раньше нее. Там заняла позицию так, чтобы поверх низкой решетки видеть в окно все, что происходит внутри. Наташа вошла

в иглу, положила фадж в верхний ящик комода и накрыла, как мне показалось, нижним бельем. Она стояла спиной к двери и не видела, что Мод просунула в иглу голову и наблюдала за всеми ее манипуляциями. Мод скрылась прежде, чем Наташа успела обернуться. Дальше я незаметно последовала за Наташей, которая направилась мимо Пчелиного пруда к кухне, и поскольку я была вооружена слуховой трубкой, то подслушала следующий разговор:

— Привет, Джорджина! Я рада, что у нас появилась возможность перемолвиться наедине. — Это был Наташин голос. — Хватит нам наскакивать друг на друга, как двум глупым девчонкам.

В ответ Джорджина хмыкнула и что-то проворчала, но я не расслышала.

— Я — плохиш. Я манкировала своими обязанностями и припрятала дома немного фаджа, — хихикнула Наташа. — Хочу пригласить тебя немного повеселиться, расцеловаться и забыть о прошлом.

— Приду, — ответила Джорджина, — но только обойдемся без поцелуев. То, чем ты одержима, может быть заразным.

— Ха-ха-ха, — весело рассмеялась Наташа. — Ты обладаешь подлинно английским чувством

юмора.

Все, что я услышала, было совершенно неожиданно, и я точнее нацелила трубку, чтобы не пропустить ни слова.

— Извините, не могу ответить комплиментом на комплимент, — заявила Джорджина. — Уж слишком много вам является святых.

— Возможно, я принимаю свой дар слишком серьезно. Но кто знает, когда его могут отнять. Ты, Джорджина, вполне способна оказаться следующей, кто услышит голоса.

— Избави господи! — с горячностью отмахнулась та.

— Мне пора возвращаться, прежде чем миссис Гэмбит заметит мое отсутствие, — сказала Наташа. — Вечером проберусь в твою веселую палатку и принесу что-то вкусненькое. A toute a l'heure[14], Джорджина.

Они разошлись.

Я услышала, как Наташа довольно рассмеялась. Джорджина повернула в другую сторону, и мне показалось, отпустила себе под нос крепкое ругательство.

По дороге домой я обдумывала все, что услы-

---

[14] Примечания: 14
До скорого (*фр.).*

шала. Мне очень не хватало Кармеллы, чтобы обсудить странные события. Мимо иглу Наташи я проходила как раз в тот момент, когда из дверей выскользнула чья-то фигура и скрылась в саду. Нельзя было не узнать синюю муслиновую блузку Мод. Не иначе явилась поживиться припрятанным фаджем.

Не могу сказать, что меня обрадовало все, чему я стала свидетельницей, но тревоги я не испытала. Мозг работал слишком медленно, чтобы прийти к своевременному заключению, а когда я все поняла, было слишком поздно. Меня отвлекла встреча с Кристабель Бернс, и я забыла о фадже, поэтому считаю, что не целиком виновата в том, что вовремя не предупредила беднягу Мод.

Если бы Кристабель Бернс была белой, я могла бы не заметить ее постоянной молчаливой деятельности. Но негритянка среди нас — экзотика, и я невольно находила в ней нечто необычное. Многие из нас пытались втянуть ее в разговор, но она была постоянно занята: носила из башни и в башню то накрытые подносы, то банные полотенца, то белье. Из-за этих постоянных перемещений она напоминала мне одинокого торопливого муравья, тем более что при своем солидном торсе имела тонкие руки и ноги. Но на этот раз Криста-

бель никуда не спешила — сидела на скамейке возле маяка, аккуратно сложив на коленях руки.

— Добрый вечер, миссис Летерби, — поздоровалась она с приятным оксфордским акцентом. Позднее я узнала, что Кристабель родом с Ямайки, дочь знаменитого химика.

— Добрый вечер, миссис Бернс. Я рада, что вы для разнообразия решили отдохнуть.

— Жду вас, миссис Летерби, — объявила она. — Настало время нам немного поговорить.

— С удовольствием, миссис Бернс. — Я села подле нее. — Давно хотела поговорить с вами, но вы всегда так сильно заняты.

— Срок не пришел. Надо было, чтобы вы сначала освоились с окружающим. Вы здесь счастливы?

На этот вопрос было трудно ответить. Категория счастья была из тех, о которых я в последнее время не задумывалась. Я так и сказала.

— Вы не правы, — возразила Кристабель. — Счастье и возраст не имеют одно к другому никакого отношения. Счастье зависит от способностей. Я вдвое старше вас и могу признаться, что очень счастлива.

Я сложила в уме девяносто два и девяносто два. Кристабель утверждала, что ей сто восемьдесят четыре года. Это было маловероятно, но я не стала

возражать.

— Поймите, счастье не прерогатива молодежи, — продолжала она. — Никто вам в этом не поможет. Вы должны сами позаботиться о своем счастье. Однако не буду теоретизировать и перейду сразу к делу. Почему вас так сильно заинтересовала картина в столовой? — Ее вопрос застал меня врасплох, и я настолько растерялась, что некоторое время, жуя беззубым ртом, собиралась с мыслями. Кристабель терпеливо ждала.

— Портрет висит в столовой напротив меня, — наконец заговорила я. — А поскольку порции миссис Гэмбит очень малы, я моментально все съедаю, и остается много свободного времени для созерцания.

— Вряд ли это что-нибудь объясняет, — возразила Кристабель. — Напротив вас сидит миссис ван Тохт. Она ближе к вам и крупнее женщины на портрете. Почему же вы не созерцаете ее?

— Предпочитаю картину. К тому же было бы невежливо таращиться во время еды на миссис Ван Тохт. И еще мне стало интересно, кто такая эта монахиня. Вы же не возражаете?

— Разумеется, нет. Прошу прощения за мои неожиданные вопросы. Они ни в коей мере не направлены против вас.

— Ну раз уж вы спросили… — начала я. — Меня заинтриговало выражение лица подмигивающей монахини — такое особенное, неопределенное. И я не перестаю размышлять: кто она такая, откуда родом, почему постоянно подмигивает. Я так часто о ней думаю, что она превратилась в мою старинную подругу, разумеется, воображаемую.

— Значит, вы ощутили с ней дружескую связь, почувствовали, что она вам близка по духу.

— Да, в ней определенно чувствуется дружелюбие. Хотя разве можно ждать особых чувств от подобной связи? — Пока я говорила, негритянка пристально и выжидательно смотрела на меня.

Наконец она сказала:

— Наделение именем — это что-то вроде воскрешения в памяти. Надо относиться очень осторожно к тому, как ее называть.

— Могу признаться, что уже дала ей имя: донья Розалинда Альварес Круз делла Куэва. У нее испанская внешность.

— Так ее звали в восемнадцатом веке, — кивнула Кристабель. — Но у нее много-много других имен. И других национальностей. Но я сейчас не об этом. Я принесла вам одну книжицу. Знаю, что вы читать не большая любительница, но это совершенно иное дело.

Книга была в кожаном переплете, на титульном листе значилось: «Донья Розалинда делла Куэва, аббатиса обители Святой Варвары Тартарской. Канонизирована в Риме в 1756 г. Достоверная, правдивая история жизни Розалинды Альварес».

— Поразительно! — удивилась я. — Откуда я могла узнать ее имя, если определенно никогда его не слышала.

— Значит, где-то прочитали. У нас здесь оно написано девятьсот двадцать раз. Было бы очень странно, если бы вы на него не наткнулись.

Первая страница книжки была украшена узорами из гранатовых листьев и мечей. Бумага от времени приобрела цвет буйволовой кожи. По-старинному крупный шрифт не составляло труда читать.

— Я должна вас оставить. — Кристабель поднялась. — Прежде чем взойдет Венера, мне нужно покончить кое с какими делами. Мы побеседуем, когда вы все прочитаете. Пожалуйста, никому не говорите, что книга у вас. Это может привести к самым нежелательным последствиям — каким, сейчас не могу объяснить.

Когда я осталась одна, Венера уже блистала над башней. Понятно, что встреча с Кристабель Бернс наложила печать воодушевления на тот вечер.

Я уже хотела удалиться в маяк и начать чтение жизнеописания доньи Розалинды, но вдруг мое внимание приковала неясная тень. Хотя я была не уверена, мне показалось, что от дерева к дереву бесшумно перебегает молодой человек с узлом на спине.

У меня сложилось впечатление, что он делал все, чтобы остаться незамеченным. Может быть, вор? Или любовник какой-нибудь из служанок? Последнее показалось наиболее вероятным, и я не стала поднимать тревогу. Любовные похождения слуг не мое дело. Если же это вор, ему у нас нечем поживиться. Я вошла в маяк, села за стол и открыла книгу.

> Достоверная, правдивая история жизни доньи Розалинды Альварес делла Куэва, аббатисы обители Святой Варвары Тартарской. Переведено с латыни монахом нищенствующего ордена Святого Гроба Господня Иеремией Накобом.
>
> Роза — это тайна, красивая роза — великая женская тайна, крест — разветвление или соединение дорог. Вот значение имени аббатисы Альварес Круз делла Куэва. Ее канонизация осуществилась

после некоторых удивительных событий, имевших место до и после ее смерти в год 1733-й от Рождества Христова, в месяц июль, чему свидетелями были достойнейшие и заслуживающие всяческого доверия мужи церкви. Ее погребли в подземной усыпальнице обители Святой Варвары Тартарской с должными обрядами и благословением Матери святой католической церкви. Ab eo quod nigram caudam habet abstine, terrestrium eoim deorum est [15].

Канонизировав аббатису, Рим своей властью узаконил ее святость, но еще задолго до канонизации ее могила стала священным местом. Простой люд совершал к ней паломничества из самых удаленных уголков страны и приносил подношения фруктами, цветами и даже скотом. Все это копилось в усыпальнице.

Мое сердце раздирали противоречивые чувства: я наблюдал простодушное почитание крестьян и молил Господа, чтобы

---

[15] Примечания: 15

Избегай всякого с черным хвостом, это суть красота земли *(лат.).* — Слова из текста алхимического трактата 1351 г. — *Здесь и далее примеч. пер.*

он дал мне силы написать всю правду об этой удивительной и ужасной женщине.

Изначально документ был составлен исключительно для глаз Его Святейшества Папы. Но результат его создания превзошел мои самые дикие и страшные кошмары. Исключение из ордена — вот к чему привело мое страстное желание. Желание исполнить волю Божью — открыть сердце и освободить его от гнетущей тяжести. С тех пор мои уста не сковывала печать принадлежности к братству и ничто не мешало напечатать этот текст. Я больше не был священником.

В качестве личного духовника аббатисы я решил, что, как никто другой, проник в движения ее темной души.

Дальнейшие отступления по поводу моей личности не требуются.

Место рождения доньи Розалинды Альварес Круз делла Куэва вызывает серьезные сомнения. Нет никаких свидетельств того, что она родилась на испанской почве. Некоторые верят, что она, переплыв море, явилась из Египта, другие утверждают, что родилась среди цыган

Андалусии, третьи — что перебралась через Пиренеи с севера. Самое раннее упоминание о ее присутствии в Испании содержится в письме, датированном 1710 годом. Оно было написано в Мадриде и адресовано епископу Трев ле Фрелю в Провансе неподалеку от города Авиньон.

Письмо касалось открытия могилы в Ниневии, которая, как считалось, является последним местом упокоения Марии Магдалины.

Донья Розалинда обращалась к епископу неофициально, что свидетельствовало об их близких, дружеских отношениях. Возможно, она отправила письмо вскоре после того, как попала в качестве послушницы в монастырь Святой Варвары Тартарской.

Среди прочих обвинений мне пеняли, что я подделал этот документ, с тем чтобы опорочить имя доньи Розалинды. Бог свидетель, это не так.

Почерк невозможно спутать — он принадлежит никому другому, как самой донье Розалинде. Кроме того, в начале и конце послания на бумаге четко оттиснут

та ее личная печать — скрещенные мечи и плоды граната.

Далее я привожу отрывок из письма доньи Розалинды, который, уверен, будет более понятен после того, как я расскажу о некоторых событиях ее жизни.

Вот этот отрывок из письма доньи Розалинды епископу:

Поймите, мой толстый голубок, вам настоятельно необходимо отправить курьера в Ниневию, чтобы он выменял на что-то драгоценную жидкость. Времени терять нельзя, поскольку в определенных кругах Англии к этому также растет интерес. Могила, несомненно, является местом подлинного захоронения Марии Магдалины. И то масло, которое обнаружено с левой стороны мумии, способно не только дискредитировать Евангелия, но также увенчать напряженную работу, которую мы с вами вели все последние годы. Что вы на это скажете, мой жирный кабанчик? После некоторых переговоров известный вам иудей согласился обменять копию текста, написанного на покровах мумии, на небольшой сунду-

чок слегка потускневших жемчужин. По воле величайшей богини текст написан на греческом, и, как вы понимаете, мне не составило труда его прочитать. Можете себе представить, какая меня охватила радость, когда я узнала, что Магдалина была верховной посвященной в тайны богини, но поплатилась жизнью за грех продажи кое-каких секретов своего культа Иисусу из Назарета. Это объясняет те чудеса, которые всех так долго поражали. Свойства втирания детально перечислены в специальном руководстве, а его состав, к сожалению, утерян. Ясно одно: драгоценное масло замуровали вместе с другими сокровищами Магдалины.

Тайный характер текста не позволяет мне рискнуть послать его с курьером, дабы он не оказался в руках врагов.

Требуется время, чтобы новости из Ниневии дошли до нас, и я всецело надеюсь, что к тому моменту все, что было обнаружено в захоронении, благополучно окажется в наших руках. Не мешкайте с этим насущным делом и поспешите отправить в Ниневию доверенных слуг.

А будет возможность — не колеблясь, поезжайте сами, захватив все, что, на ваше усмотрение, пригодится для торга.

Я же пока обхаживаю настоятельницу, чтобы усилить свое влияние на других монахинь. Мои долгие медитации и благочестивое поведение произвели на нее благоприятное впечатление, и недалек тот день, когда я приму постриг. Вот уж расхохочетесь, когда прочтете об этом. Мы разделаемся с самим Ватиканом. Мое положение здесь укрепилось недостаточно, чтобы послать за моими книгами, и я просто выхожу из себя, бессмысленно тратя в церкви драгоценные часы, которые могла бы использовать для штудий. Но Древнее искусство требует жертв, и, проводя невыносимо скучные часы на коленях на твердом каменном полу, я сознаю, что наполняю золотом копилку. Так что, мой необузданный вепрь, думайте обо мне, когда садитесь за стол и насыщаетесь хлебом и водой вместо того, чтобы обжираться дюжиной фазаньих паштетов и, отяжелев, валиться под стол. Прекрасная возможность обуздать

рост вашего необъятного живота, который, нет никаких сомнений, безвременно сведет вас в могилу. Еще советую соблазнять поменьше юных созданий, иначе не успеете стать магом — израсходуете жизненную силу и впадете в маразм.

А теперь с вашего милостивого позволения приведу несколько примеров слабостей нашей госпожи аббатисы, чтобы вы, от души посмеявшись, разогнали по жилам дурную кровь…

Донья Розалинда здесь вставляет несколько анекдотов, столь противных христианскому сознанию, что я воздержался их пересказывать.

Обитель Святой Варвары в то время находилась под управлением аббатисы доньи Клеменсии Вальдес де Флорес Триместрес. Эта почтенная госпожа происходила из блистательной древней кастильской семьи поборников Святой церкви, отмеченных Римом Звездой Святой Эрминтруды.

В первый год жизни в монастыре донья Розалинда выделялась благочестием и усердным покаянием. Звуки самоби-

чевания восхищали толпившихся у ее дверей монахинь. Иногда она оставалась в часовне на всю ночь и, стоя на коленях и перебирая четки, повторяла «Аве Мария». Во время торжественной мессы она неизменно впадала в транс, и ее приходилось подпирать жесткими, прочными скамеечками. Страдавшие различными недугами монахини просили у нее помощи, веря, что от одного прикосновения ее рук проходит боль и сама болезнь.

Она же, будучи большим знатоком трав, организовала в монастыре маленькую аптеку и добилась нескольких удачных излечений. Теперь я склонен думать, что молитвы Розалинды были по своей природе скорее заклинаниями и что она еще до прихода в обитель хорошо поднаторела в ведовстве.

Розалинда одна, без свидетелей, навещала старую аббатису на смертном одре, и кто знает, какие темные силы помогли ей занять ее место еще до того, как бедняжка испустила дух.

После смерти старой аббатисы жизнь в обители, незаметно для людей за стенами

монастыря, претерпела множество изменений. Духовным наставничеством монахинь руководил епископ Трев ле Фрель. И никто не осмелился бы критиковать то, что одобрил человек, занимающий столь высокое положение в Церкви.

В самые темные ночные часы церковь обители стала местом разнузданных плясок и странного пения на неизвестных языках. Чудные наряды, пышные зрелища и празднества стали в порядке вещей в монастыре Святой Варвары.

То и дело появлялись заморские мастера — перестраивали и украшали роскошные апартаменты аббатисы. Серьезно занялись восьмиугольной башней. Донья Розалинда выбрала себе северное крыло, где эта башня была основным строением. Верхнее помещение превратили в обсерваторию, с опоясывающих башню террас открывался широкий обзор небес. Приемная и спальный покой поместились под обсерваторией, куда можно было легко попасть по винтовой лестнице.

Красная шелковая обивка стен этих комнат была заткана пурпурными и зо-

лотистыми грифонами. Резьба на мебели темного душистого дерева изображала сотворение всех земных тварей. Парчовые, богато расшитые плащи тореадоров небрежно свисали с трона аббатисы, увенчанного ее эмблемой с мечами и плодами граната.

Миниатюрная нога настоятельницы ступала на роскошный пол черного дерева и белой магнолии, инкрустированный серебряными ангелами и бронзовыми медальонами с апостолами. Однако было что-то тревожное в том, что донья Розалинда постоянно попирала ногами святые образы. Для приема особых гостей расстилался персидский ковер.

Личная библиотека аббатисы хранилась в китайском книжном шкафу, который украшали вырезанные из слоновой кости колонки с орнаментом из лотосов и тучные, словно свиньи, стоящие на коленях кони из нефрита.

Книги в соответствии с их содержанием были в переплетах из кожи разных животных. Самые ценные — из страусиной или волчьей. Книги более фривольного

толка были переплетены в мех горностая или кротовые шкурки. Каббалистический трактат Агриппы Неттесгеймского скрывался под крышкой из кости носорога с искусно вырезанным гороскопом царицы Хатшепсут. «Liber Spirituum»[16] и «Grimorium Verum»[17] удостоились переплетов из кожи древних дронтов, отделанных мелкими рубинами и жемчужинами.

Невозможно сказать, какие нечестивые мотивы подвигали аббатису так украшать свою библиотеку, но все, кто хотя бы немного знал донью Розалинду, понимали, как она ценила эти редкие и подчас грешные книги. Большую часть времени она проводила в своих покоях, изучая фолианты и делая заметки на полосах тонкого пергамента. А с наступлением темноты поднималась по винтовой лестнице в обсерваторию и соединяла свои знания с неведомой мне небесной магией звезд.

---

[16] Примечания: 16
«Книга духов» *(лат.).*

[17] Примечания: 17
«Истинный Гримуар» *(лат.).*

После возвращения епископа Трева ле Фреля с Востока аббатиса временно прервала свое уединение. В честь церковного мужа состоялась череда банкетов, блюда для которых готовили чужеземные повара. На этих празднествах веселились прелаты всех рангов.

Епископ привез донье Розалинде подарки с Востока. В том числе забальзамированную голову белого слона, разнообразную одежду с дикарскими вышивками, ларец сандалового дерева с турецкими сладостями и, конечно, бесценные сосуды с «Мускусом Мадлен» — втираниями, как считалось, найденными в Ниневии рядом с мумией самой Марии Магдалины. Этот мощный афродизиак, видимо, и породил те чудеса, которые стали приписывать аббатисе после ее смерти.

Свидетельство матери Марии Гилермы упоминает непотребства в покоях доньи Розалинды, которые она подсмотрела через замочную скважину в покоях аббатисы. Замочные скважины впоследствии стали своего рода obscurum per

obscurius[18] после того, как две монахини лишились каждая по глазу, выколотому при помощи серебряной иглы проницательной аббатисой.

Они увидели Розалинду и епископа, вдыхающих «Мускус Мадлен», которые в процессе анфлеража[19] оказались настолько пропитаны парами снадобья, что их окутало голубое облако ауры. Оно, очевидно, сообщало твердым телам способность летать, и епископ с аббатисой, поднявшись в воздух, застыли над ларем сандалового дерева и поедали из него сладости. Скромность не позволяет нам привести все подробности о том, какие пируэты они выполняли в воздухе.

В тот период я был слишком под властью священного достоинства епископа, чтобы продолжать расспросы.

В течение некоторого времени после возвращения епископа аббатиса изредка устраивала в назидание специально собравшейся для этой цели общине

---

[18] Примечания: 18
Объяснять неясное еще более неясным *(лат.)*.

[19] Примечания: 19
Способ экстракции эссенций.

особые показы. Она освещалась ярко-голубым светом и воспаряла над алтарем, а монахини от наполнявших часовню испарений масла приходили в обморочное состояние. За этим следовали такие ужасные оргии, что целомудренными чернилами не передать. Однажды из почтения к епископу я и сам против своей воли принял в них участие.

Незадолго до праздника Тела Господнего аббатиса получила письмо, которое привело ее в великое волнение. Письмо до сих пор у меня, и вот его содержание:

Его королевское высочество принц Тит Зосима только что ступил на испанскую землю и, выражая искреннее уважение госпоже аббатисе донье Розалинде Альварес Круз делла Куэва, настоятельнице монастыря Святой Варвары Тартарской, уведомляет, что он прибыл в Испанию с намерением вернуть себе двадцать один сосуд с «Мускусом Мадлен», которые являются его законной собственностью и за которые он отдал пятнадцать верблюдов, центнер пшеницы и пять ангорских коз. Неподалеку от Ниневии на

караван его высочества вероломно напали, как он решил, бандиты из местных головорезов. Каким же неприятным было его удивление, когда от посланного вслед за негодяями шпиона он узнал, что доподный предводитель бандитов не кто иной, как Тревле Фрель. Проявив усердие и не поскупившись на известные траты, его высочество выяснил, что сосуды с маслами направляются в испанскую Кастилию, в монастырь Святой Варвары Тартарской.

Его королевское высочество принц Тит Зосима не имеет непосредственных намерений действовать враждебно и нападать на обитель и уверен, что добрая воля и великолепная репутация госпожи аббатисы — залог того, что его собственность будет ему возвращена.

Его высочество имеет честь довести до сведения аббатисы доньи Розалинды Альварес Круз делла Куэва, что вместе со своими придворными нанесет ей дружеский визит через несколько дней, то есть через тот срок, который ему потребуется, чтобы добраться от Средиземномор-

ского побережья до холмов Кастильи.

Принц Тит Зосима будет счастлив погостить у аббатисы недолго, прежде чем вернется в свою страну с двадцатью одним глиняным сосудом, соответствующим образом запечатанным и наполненным «Мускусом Мадлен».

Принц просит госпожу аббатису принять уверения в его весьма высоком уважении, и прочая, и прочая…

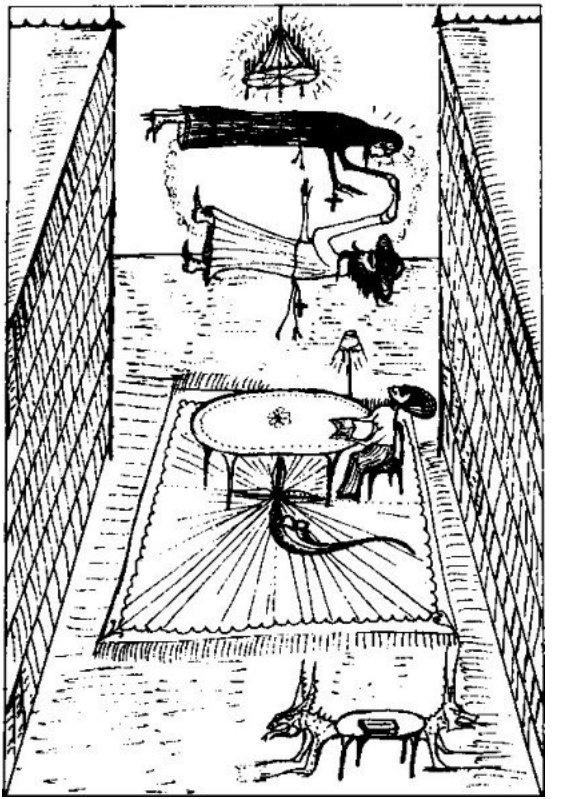
На послании стояла печать с изображением вздыбленного морского единорога и словами: Nulla aqua fit quelles, nisi ilia que fit de Monoceros aquae nostrae[20]. Это был герб королевского дома Тита Зосимы.

Донья Розалинда надолго уединилась с епископом и, посовещавшись, велела готовить экипаж и, прихватив припасы, в тот же вечер покинула монастырь. Тайный характер ее миссии потребовал изменить внешность, и она приняла облик бородатого дворянина, одетого в дорогой, но скромный темно-фиолетовый

[20] Примечания: 20

Вода не станет эликсиром, если это только не вода от единорога *(лат.).*

бархатный камзол, отделанный соболями и присборенными у ворота ирландскими игольными кружевами цвета львиной шкуры, которые в то время были в Испании большой редкостью.



Карета аббатисы предназначалась специально для тайных выездов. Она

никогда не покидала монастырь при свете дня и поэтому не примелькалась в округе. Богатая отделка внутри соответствовала вкусам настоятельницы: благовонное сандаловое дерево было обито украшенными драгоценными камнями шкурами антилоп, лимонного цвета подушки и шторки расшиты золотыми и серебряными нитями — мечи и плоды граната сверкали жемчугом, опалами и рубинами. Однако снаружи экипаж был обманчиво прост — обшит серебряным листом без украшений, если не считать ободка вокруг крыши, изображающего русалок и ананасы. Карету влекли две великолепные арабские кобылы, белые, как молоко, и несравненно быстрые.

Бесстрашную аббатису в ее ночном путешествии на юг сопровождал всего один верный слуга и кучер.

Не прошло и девяноста часов, как донья Розалинда перехватила наемную карету принца. Его высочество оставил свою небольшую армию мавров в Гранаде ждать распоряжений, и его охраняли только два верховых. Слуга аббатисы, дон

Венансио, считался лучшим фехтовальщиком в Кастилии, и вскоре оба конных отправились на тот свет. Прошло совсем немного времени, и принц оказался в карете аббатисы пленником, а белоснежные кобылы повернули назад в обитель Святой Варвары Тартарской.

Принц был так юн и миловиден, что донья Розалинда не захотела наносить ущерб его телу. Его богатый наряд, темная кожа, маленькая жесткая бородка и сверкающие глаза произвели на нее такое благоприятное впечатление, что она решила постоянно держать его при себе. А то, что Тит Зосима категорически отказался от такой чести, нисколько ее не поколебало. Она улыбалась своим мыслям, пока принц ругался на своем языке и бился в крепких руках фехтовальщика дона Венансио.

Все же обратный путь в обитель прошел не без некоторой перчинки. Дома аббатиса ничего не объяснила и не хотела, чтобы ее расспрашивали. Но по едким замечаниям епископа и поведению принца Тита Зосимы можно было составить

ясное впечатление, что произошло.

Реконструируя проездку в общих чертах, я рисую себе ситуацию так: мало-помалу принц осознал, что рядом с ним в экипаже находится улыбающийся кавалер. И этот господин, которым, разумеется, была переодетая донья Розалинда, пробудил в молодом человеке извращенный интерес. Его мужское естество уже было подвластно восточным привычкам определенного толка, и он принялся заигрывать с аббатисой, которая, решив, что он распознал в ней женщину, охотно ответила на ухаживания красивого юноши. Но ухаживания далеко не зашли, однако, и, прибыв в монастырь, принц по-прежнему считал, что его спутник — мужчина. Когда же аббатиса предстала перед ним в дамском платье, принц лишь холодно отстранился и стал бросать недоверчивые взгляды на епископа. А обнаружив, что попал в пленники к той, которая украла у него драгоценные сосуды с «Мускусом Мадлен», впал в такую сильную меланхолию, что под угрозой оказалась сама его жизнь. Отказывался от еды и питья и

оставался недвижим, распластавшись на ложе из драконова дерева в покоях аббатисы. Через несколько дней его темная кожа пожелтела, сияющие глаза ввалились и казались колодцами с застойной водой.

Аббатиса, которой всегда владело безбожное любопытство, решила дать ему в отваре немного «Мускуса Мадлен». До этого никому еще не приходилось употреблять снадобье внутрь. Донья Розалинда и епископ добивались желаемых результатов, просто вдыхая его пары. Произведя в обсерватории наверху требуемые подсчеты, аббатиса смешала ингредиенты: листья вербены, мед, несколько капель розовой воды и столовую ложку «Мускуса Мадлен». Епископ, успевший почувствовать к принцу отцовскую теплоту, несомненно, воспрепятствовал бы опыту, но в это время уехал ненадолго в Мадрид. Его туда потребовали церковные дела — возникшие в епархии Святой Варвары проблемы: расходы на роскошную жизнь в монастыре привели к увеличению налоговых поборов с мелкой знати. Ари-

стократы пожаловались архиепископу, и он вызвал епископа в Мадрид. Это было обыкновенной проформой, поскольку сам архиепископ любил комфорт и не собирался снижать налоги. Но требовалось успокоить мелкую знать и внушить, что все хорошо, раз верховные церковные власти занимаются подобными делами и проводят в столице важные совещания.

Заварив ведьмино зелье (иначе его не назовешь), аббатиса призвала меня к себе. Мне вменялось разжимать принцу челюсти, пока она не вольет ему в пищевод ужасную жидкость. Несчастный юноша так ослаб, что операция оказалась несложной, если не считать того, что совесть моя была неспокойна. В глубине души я считал, что греховному снадобью не место в христианском обществе, но не решился противиться настоятельнице — ее сильный характер всегда подавлял мою волю.

Как только Тит Зосима сделал по принуждению последний глоток зелья, его сотрясли конвульсии, на которые было страшно смотреть. Выражение легкого

изумления на лице доньи Розалинды было еще одним доказательством того, насколько огрубела ее душа.

Слабое состояние и женственная конституция принца воспрепятствовали обычному воздействию снадобья. Он не воспарил к потолку, как, очевидно, на то надеялась аббатиса, а, испуская дыхание, лежал на кровати, слабо шлепал руками и крякал, словно смертельно раненная утка. Посмотрев на донью Розалинду покрасневшими глазами, он сообщил, что обратился в самку соловья, призывающую пением самца. Смятение ума каким-то образом сделало принца птицей. Затем, после, как показалось, долгого времени, Тит Зосима набрался сил и поднялся с ложа. Хлопая руками и крякая, он побежал по лестнице в обсерваторию. Мы с аббатисой погнались за ним. Но даже при полном желании не успели бы предотвратить последствий эксперимента с ведьминым зельем. С широко раскрытыми глазами и пеной на губах принц Тит Зосима вскочил на окружающий обсерваторию парапет

и, крикнув, что он — царица соловьев, прыгнул навстречу жестокой смерти с девяностофутовой высоты.

Остаток этой зловещей ночи ушел на погребение принца в огороде.

После смерти Тита Зосимы епископ Трев ле Фрель словно зачах. Его аппетит как будто поубавился, и он даже сбросил немного веса. Аббатиса, разумеется, не сказала ему, что принц умер. Только упомянула, что во время его пребывания в Мадриде убедила его высочество с миром вернуться в свою страну. Более того, уверила епископа, что Тит вдруг стал волочиться за ней, и она решила, что в обмен на двадцать один сосуд масел она должна ответить на его ухаживания. Сомнительно, что епископ до конца поверил ее рассказу, но выслушал его без комментариев и продолжал чахнуть.

Плачевное состояние здоровья вынудило епископа принять решение отправиться на некоторое время обратно в Прованс, где, как он сказал, бодрящий воздух восстановит его силы и вернет обычное жизнелюбие. Я же считаю, что

к отъезду его побудила новость из области клерикальный музыки в Авиньоне. Проезжий менестрель, побывавший в упомянутом городе, сообщил, что туда с Британских островов приехала группа белокурых мальчиков-певчих, чьи нежные голоса можно сравнить только с ангельскими. Менестрель добавил, что мальчики находятся под патронажем нескольких рыцарей-тамплиеров, скрывавшихся в Ирландии. Преследуемые рыцари продолжали принимать приверженцев в орден, который процветал под покровительством определенной части ирландской знати.

Епископ отбыл в Авиньон в сопровождении нескольких слуг, хорошо вооруженных на случай превратностей дороги.

Аббатиса же вновь уединилась в восьмиугольной башне и предалась штудиям. Жизнь в монастыре возвратилась в более спокойное русло, возбуждение сестер настолько спало, что они смогли вернуться к своим обязанностям одетыми и в правильном расположении ума.

В качестве исповедника обители я чувствовал себя обязанным наложить на сестер епитимью за их разгульное поведение во время пребывания в монастыре епископа. Я предусмотрел легкое наказание даже для самой аббатисы — три молитвы по четкам в неделю и подношение нескольких свечей Пресвятой Деве. Она так громко расхохоталась, что я, огорченный и немного сконфуженный, почел за лучшее удалиться.

При жизни эта женщина умела поставить себя настолько выше обыкновенных смертных, что они безоговорочно принимали ее превосходство. Совесть мне подсказывала, что она — пример надругательства над догматами святой веры, но я был слишком мягок и слаб, чтобы противостоять ее железной воле.

В этот период нам наносили визиты различные прелаты, среди которых был кардинал из Ватикана. В монастыре под неусыпным присмотром аббатисы к его приезду были произведены срочные перемены. Сама она переехала в обычную келью в Западном крыле. Приказала по-

ставить наверх статуи святых, а козьи рога с молельни убрать. И каждый раз, когда кардинал приближался к ее келье, лупила кнутом соломенный матрас, чтобы у него сложилось впечатление, что она целыми днями занимается самобичеванием. Однажды как бы невзначай позволила кардиналу подсмотреть, как она купается в парах голубой ауры «Мускуса Мадлен», хотя без интимного участия мужчины левитация была невозможна. Кардинал возвратился в Рим, убежденный в ее святости, и его отчет об обители Святой Варвары Тартарской изобиловал пылкими выражениями. Впоследствии именно такие отчеты, видимо, и убедили Папу канонизировать Розалинду.

Sunt enim plerique libri adeo obscure scripte,
ut a solis auctoribus suis percipiantur[21]. Если это выражение применить не к книгам, а к человеческой душе, оно вполне подойдет к описанию души настоятельницы обители Святой Варвары. Я до сих

[21] Примечания: 21

Множество книг написаны так неясно, что понятны лишь своим авторам *(лат.)*.

пор сомневаюсь, что обычному человеку под силу проникнуть в лабиринты сердца доньи Розалинды.

Прошли лето и зима, прежде чем мы получили весть от епископа. Первое послание из Авиньона пришло во время мартовских ид. С начала января донья Розалинда сделалась необычно беспокойной и не раз уезжала по ночам в горы, приняв обычный облик благородного господина с рыжеватой бородкой. Я убеждал ее отказаться от этих прогулок — ведь какой-нибудь случайно проходящий мимо крестьянин мог заметить, как она въезжает в монастырь. Однако мои доводы остались безответными. Она скрывалась в темноте, вскочив на своего черного жеребца Гомункула. Когда же они возвращались в конюшни, горячий конь шатался от усталости и был в пене от ушей до хвоста. Казалось, какая-то тайная мука гнала аббатису в ночь, и она, пытаясь успокоить неистовство души, безжалостно загоняла коня так, что могло надорваться даже его крепкое сердце. Я не понимал, от чего ее смятение: то ли от

неудач в штудиях, то ли просто от скуки.

В это же время произошел небольшой инцидент, вызвавший слухи среди крестьян. Бродячие собаки раскопали труп принца Зосимы и прибежали в деревню с кусками его уже разложившегося тела. В костях и плоти еще можно было узнать останки человека, и местный магистрат проявил определенный интерес к опознанию покойного. Не исключено, что этот зарождающийся скандал и послужил поводом для последующего отъезда доньи Розалинды, хотя, по-моему, его истиной причиной стало ее внутреннее беспокойство и, конечно, послание епископа следующего содержания:

Милостивая Розалинда, Flos Aeris Aureus[22], или я должен называть вас достопочтенной аббатисой?

Вы уже, без сомнения, ждете известий о моей кончине и погребении, поскольку с моего отъезда миновало много лун, а я не прислал вам ни письма, ни весточки на словах. Я проводил дни и даже ночи в та-

[22] Примечания: 22
Золотой воздушный цветок *(лат.)*.

кой напряженной и не прекращающейся деятельности, что должен молить вас найти в душе оправдание тому, что до сих пор не связался с вами.

Покидая монастырь, я не предполагал так надолго задержаться в Авиньоне. А хотел, как вам известно, восстановить бодрящим воздухом Прованса здоровье и дух и поддержать душу ангельской музыкой юных певцов.

Моим намерением было скорое возвращение в обитель Святой Варвары Тартарской, чтобы вместе с вами идти к нашей общей цели. Задержали же меня исключительно события, которые имели необыкновеннейший поворот. Наш триумф в Искусстве истинно зависит от успеха здесь, в Авиньоне.

Вы, разумеется, помните менестреля, сообщившего нам новости из Прованса, упомянувшего рыцарей ордена тамплиеров и намекнувшего даже, что они находятся в городе. Их воспитанники, северные хористы, служат, так сказать, ширмой центра тамплиеров во Франции.

Сверхъестественная способность мене-

стрелей добывать информацию в любом месте, где бы они ни появлялись, славится повсюду, поэтому меня не удивило, что наш собеседник обладал такими сведениям. А теперь я возвращаюсь к первым неделям моего пребывания в Авиньоне. После чрезвычайно утомительного путешествия я удалился на несколько дней во дворец Трев ле Фрель и, лежа в своей мягкой постели, чувствовал себя после тряски в карете как в раю. Вы же в курсе, каково моему нежнейшему заду после поездок на жестком сиденье. Берта-Луиза вошла в мое печальное положение и, приготовив замечательное ароматическое втирание, как всегда, заботливо массировала эту мою почти парализованную часть тела. Пришлось двое суток пролежать на животе, и только после этого я почувствовал себя в состоянии, привалившись к подушкам, подкрепиться. Год выдался обильный на дичь, и я восстанавливал угасающие силы жареными куропатками, дикими кабанчиками, приготовленными в превосходном местном вине, молодой олениной и фаршированны-

ми вальдшнепами.

Наконец я почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы преодолеть несколько лиг до Авиньона, где собирался освежить душу эстетическим наслаждением в виде возвышенной музыки. Как вам известно, пение — это пища души, и мне не терпелось попасть в собор и услышать, как северные певчие исполняют литургию.

Не буду входить в пространные восторженные отзывы об этих нежных певцах. Замечу только: если они в самом деле похожи на ангелов, я бы хотел оказаться в раю и резвиться среди херувимов. У них такая нежная, гладкая кожа и невинные голубые глаза! Чистые переливы их пения превращали литургию в истинное наслаждение. Уверяю вас, моя дорогая Розалинда, вам не приходилось испытывать ничего подобного.

После нескольких несерьезных затруднений и легких испытаний, как то обед с архиепископом, меня познакомили с хористами. Я открыл в Авиньоне свой маленький дворец, в котором и устроил-

ся на жительство. Много раз принимал у себя весь хор, который с радостью исполнял готские напевы, просвещая моих гостей — достойных людей из окрестных имений. Музыканты, разумеется, нуждались в вознаграждении, что легло довольно тяжким бременем для накоплений, которые я сделал на Востоке. Однако расходы вскоре окупились в виде, не будет преувеличением сказать, божественной дружбы. У одного из старших мальчиков началась естественная ломка голоса, и он больше не мог петь в хоре. Я принял на себя его духовное наставничество и отвел во дворце постоянную комнату.

Этот мальчик не только исключительно красив и сложен, как Адонис, он еще и одаренный поэт. Я слышал, ирландцы часто имеют склонность к стихосложению. Ангус — так зовут ирландского юношу — совсем из простой семьи, но обладает от природы такой тонкой натурой, будто явился из греческого храма, а не из дикой Ирландии. Я провел много изумительно-сладостных вечеров в обществе этого жизнерадостного юноши.

Мы обсуждали самые разные темы: от египетской магии, китайской музыки и определенной ветрености древних греков до охоты с ирландскими дирхаундами и действия некоторых трав. Ангус часто удивлял меня своими острыми суждениями и глубокими познаниями во многих серьезных областях. Восхитительно и очень странно, учитывая его простое происхождение.

Хотя меня нередко ставила в тупик его необычная образованность, я не слишком вдавался в этот вопрос. Счастье, как вы знаете, Розалинда, это призрак, не терпящий слишком большого количества назойливых вопросов. Я купался, позволю себе выразиться, в золотистом сиянии — бездумно, будто парящая в небесах птица.

События развивались благоприятно примерно месяц, пока из Англии не приехал некто сэр Герматрод Сирас. О том, что Ангус находится в моем дворце, он, видимо, узнал от своих товарищей тамплиеров, и его источник, сообщивший ему о наших отношениях, был, к несчастью,

точен. До встречи с сэром Герматродом я как-то забыл, что хористы — ученики ордена. Следовательно, тот менестрель был совершенно прав.

Хотя сэр Герматрод и принадлежал к печально известной нации тупых и упрямых британцев, он доказал, что открыт для переговоров. Я узнал, что тамплиеры в самом деле разместили ядро ордена в Провансе и, как все остальные, нуждались в средствах к существованию.

Пообещав всякие дары, включая золото, драгоценные камни и редкие благовония, я убедил сэра Герматрода оставить юного Ангуса хотя бы на время под моим духовным наставничеством.

Моя тактичность принесла плоды, и я кое-что узнал от своего протеже о таинственном братстве. С тех пор как началась расправа, многие рыцари скрылись, и какая-то их часть воспользовалась гостеприимством Ирландии. Им предоставили в распоряжение древнюю крепость на западном берегу, и они получали средства от семьи Мурхед, ведущей род от короля Малькольма. Семья,

как и предполагает фамилия, играла важную роль в крестовых походах, но рассорилась с духовенством из-за дележа награбленного на Востоке богатства. И поэтому сблизилась с тамплиерами, когда те утратили расположение церкви. Орден тайно процветал и разрастался в Ирландии. Появились новые члены из благородных семей и даже из простолюдинов, сочувствующие тамплиерам.

Несколько поколений храмовников активно действовали на ирландской почве. Однако со временем стала очевидна необходимость насаждения новых центров в других странах. И уже пятьдесят лет тамплиеры создают новые группы на континенте.

Так вот, моя дорогая Flos Acris Aureus, мы подходим к самому главному пункту моего послания. Как-то вечером юный Ангус, выпив вина больше, чем разумно в его нежном возрасте, открыл мне Великую Тайну ордена, или, точнее, ее живущего ныне хранителя. Он дал мне понять, что рыцари-тамплиеры в Ирландии владеют Граалем. Эта чудесная чаша, как вы

знаете, считается потиром, в котором хранится эликсир жизни, и принадлежит она богине Венере. Утверждают, что богиня пила чудесную жидкость, когда была беременна Купидоном и младенец толкался в ее утробе. Так, впитывая жизненный дух, он становился богом. Во время родовых схваток Венера задела сосуд, он покатился на землю и угодил в глубокий ров, вырытый богиней лошадей Эпоной.

Несколько тысячелетий чашу надежно хранила подземная богиня, о которой знали, что она гермафродит и носит бороду. Ее звали Варварой.

Не исключено, что вы слышали легенду раньше. Надо признаться, меня ее имя поразило благодаря очевидным ассоциациям.

Богиню Варвару почитали как дающую жизнь или иначе чрево, и ее служителями были посвященные гермафродиты. Сет, сын Ноя, был первым, кто ворвался в святилище богини. Жрецов убил, Грааль похитил, святилище разорил. Грааль находился в племени Сета и в свою очередь

был украден во время набега тамплиеров.

Позднейшие предания о Граале и его магических свойствах ошибочно приписываются христианским источникам.

Можно сколько угодно спорить о возрасте Грааля, но его удивительная сила не вызывает сомнений. И некоторые определенные указания убеждают меня в том, что Ангус сказал правду.

Chere Mutus Rosarium[23], *вы, не колеблясь, поймете, сколь необходимо хотя бы увидеть волшебную чашу, а затем, если удастся, препроводить ее богине Варваре (или вы настаиваете на том, чтобы я называл ее как-нибудь по-другому, более современно?). Кто знает, не станет ли это первым шагом возвращения собственности ее законному владельцу — Венере?*

Советую вам поставить во главе обители свою заместительницу и как можно скорее выехать в Авиньон. Обещаю удобные покои во дворце и стол, который

---

[23] Примечания: 23
Дражайший немногословный цветок из розария *(фр., лат.).*

будет по крайней мере не хуже того, что вы имеете в монастыре. Потом нам придется отправиться в крепость тамплиеров в Ирландии, так что захватите с собой все необходимое для путешествия. Конечно, Грааль уже может быть во Франции, но я сомневаюсь, что его стронут с места, пока орден существует в сложившихся обстоятельствах.

Запаситесь подушками в дорогу, чтобы после приезда неделю не спать на животе. Дороги просто отвратительные.

Ваш вечный нежный обожатель и духовный брат во всем, что нас связывает,

Фернан, епископ Грев ле Фрель.

Перед тем как уехать, аббатиса спрятала сосуды с «Мускусом Мадлен». И хотя я впоследствии перерыл весь монастырь, так и не сумел найти оставшиеся кувшины со втиранием. Теперь я знаю, что донья Розалинда поместила их в склеп под храмом, где была потом похоронена сама. Но тогда мне не приходило в голову, что тайником служило место упокоения последней настоятельницы обители. Представить себе такую вероятность ме-

шал страх перед зловещим подвалом.

Так вот, после тщательной подготовки аббатиса изменила внешность и уехала из монастыря в серебряной карете, запряженной двумя белыми кобылами. Экипаж сопровождал верховой на черном жеребце Гомункуле.

Заместительницей аббатисы была назначена сестра Тереза де Кастелум Ксавье. Эта монахиня прислуживала донье Розалинде и была всецело предана эксцентричной аббатисе.

Тереза была, наверное, мавританских кровей — смуглая, замкнутая, скрытная. Она обосновалась в восьмиугольной башне. И без ее ведома пробраться в покои аббатисы было почти невозможно.

Но, приложив усилия, я все-таки сумел это сделать и, побывав несколько раз в жилище доньи Розалинды, осмотрел ее вещи и завладел несколькими документами и письмами, которые пролили свет на ее характер. В качестве исповедника монастыря я считал себя обязанным знать как можно больше о том, что творится в обители Святой Варвары Тар-

тарской. И средоточием моего интереса была, разумеется, донья Розалинда. Только не подумайте, что меня подхлестывало заурядное любопытство. Я исполнял свой долг духовного наставника общины.

Поездку аббатисы окружает тайна — она отсутствовала почти два года. Половину этого времени она провела в Западной Ирландии поблизости от крепости тамплиеров, если не в самом укреплении. Зная ее дьявольски-хитроумный характер, я вполне это допускаю, хотя невозможно представить, как ей удалось пробраться под бок к рыцарям. Возможно, один только епископ Трев ле Фрель знал, что бородатый кабальеро на самом деле аббатиса. По крайней мере, до какого-то момента. А если кто-то еще выяснил, что она — женщина, то хранил это в тайне, иначе донье Розалинде было бы не уехать живой из Ирландии.

Однако состояние, в котором она вернулась в монастырь Святой Варвары Тартарской, не оставляло сомнений, что по крайней мере один человек знал, что она — женщина. Я сказал «человек», хотя

сам, зная невероятные обстоятельства смерти аббатисы, мучился смутными сомнениями.

После смерти аббатисы мне в руки попал свиток на иврите, который я в итоге сумел перевести с помощью иудея, торговавшего в Мадриде специями. К свитку на иврите прилагался другой — на латыни, который, очевидно, относился к пребыванию доньи Розалинды в Ирландии. Скорее всего, в крепости рыцарей-тамплиеров. Ниже я представляю перевод обоих документов. Сначала — перевод с иврита.

Он [грешник] не может быть прощен омовением в искупительных водах моря и реки. Его зовут Сетом из племени египтян, а надо бы Нечистым во все века, пока Чаша с Живительным Духом не вернется к дочерям по имени Ариоут Тартарским.

Чтобы все его [Сета] беззаконие искупила замена души его на чужестранную [женскую], переведенную иначе как Варва-ра. Чтобы она снова наполнила Чашу Живительным Духом, совершим ритуал воссоединения с желтым [золотым]

рогатым богом, хранителем самого Священного Сосуда.

Изначально два духа, известные как Близнецы, были мужским и женским. От начала сущного они создали Живительный Дух и Чашу для его хранения.

Два Духа встретились, и так произошло рождение Крылатого [Пернатого Гермафродита, Сефиры].

Но пока Чаша не обрела плода и холощеные тюремщики ограждают ее от ее законного царства в тайниках самой сокровенной тайны

Эпона, Варвара, Геката.

Дети планеты забудут и не найдут тропинку лет, запамятуют новые луны и времена года, не поймут ни велений времени, ни летящих небесных тел. И будут тем самым творить мерзости, пока Чаша лежит бесплодной во власти Сета, кто суть Иегова Мститель.

Когда вместе взойдут три луны и затмят свет солнца, раздадутся стенания и скрежет костей, отлученных от корней Древа.

Узри Мудрого, похитителя ее Священ-

ного Сосуда, который хранится в путах холощеных братьев, пустым и лишенным Живительного Духа.

Горе детям земли, поклоняющимся троице людей, горе холощеным братьям, вырвавшим Чашу из Ее рук.

Этот странный текст не был скреплен печатью, но качество папируса свидетельствовало о его древнем происхождении. Следующий свиток был также не подписан и начертан неизвестной рукой.

Et volabo cum ea in coelo et dicam tunc. Vivo ego in aeternum[24]. В Рат-Конор [очевидно, название крепости, где после бегства обосновались рыцари-тамплиеры] явились чужеземцы — испанский дворянин в сопровождении дородного французского епископа из Прованса. Просили, чтобы их посвятили в члены ордена тамплиеров.

Великий магистр предварительно познакомился с путешественниками. Кандидатуру испанского дворянина до-

[24] Примечания: 24
Воспарил в небеса и реку: живу вечно *(лат.)*.

на Розалендо де Тартаро он одобрил и поручил его обучение сэру Айлену. Что же касается епископа, то решение было отложено.

В Рат-Конор произошло землетрясение, и община только-только возвращалась к нормальной жизни, нарушенной катаклизмом. Из недр земли все еще слышалось подземное ворчание.

Поговаривали, что звуки доносятся из подземелья, где сокрыты тайны.

Великий магистр собрал в восьмиугольном зале всеобщую ассамблею. Мы считали, что подземный ропот связан с тайной, и не сомневались, что Великий магистр просветит нас по поводу тревожного события.

В это время в Рат-Конор появился в поисках приюта странствующий бард, который назвал себя Талиесином.

Великий магистр сообщил нам, что подземелье тайны будет открыто впервые за двести лет. Это важное решение было принято после вчерашнего пятичасового совещания.

Бард Талиесин развлекал нас веселыми

песнями о землетрясении. Он экспромтом сочинил балладу, в которой говорилось, как тайные силы ворочаются во сне, узнав, что в крепость пришла дама. Мы от души хохотали. Ни одна женщина не переступала порог Рат-Конор с тех пор, как крепость была дарована Мурхедами ордену.

Вечером мы должны тянуть жребий, кого судьба выберет спуститься в страшный подвал в одиночку, без товарищей, как того требует традиция.

Сэр Шон из Лиата станет первым рыцарем-тамплиером, кто войдет в подземелье тайны с тех пор, как двести лет назад его запечатал сэр Руфус после таинственной смерти двенадцати рыцарей ордена.

Перед этим испытанием сэр Шон из Лиата будет всю ночь медитировать у Алтаря копья.

Его очистят из Источника неизведанного, и он перепояшет себя серебряным мечом, добытым тамплиерами во время завоевания божественного подземного народа сидхе — «людей холма».

Ужасные события повергли Рат-Конор

в глубокую печаль: четыре самых почетных рыцаря ордена приняли смерть.

После того как Великий магистр совершил ритуал и распечатал подземелье, каждый, попытавшийся туда войти, был необъяснимо умерщвлен.

Появлявшиеся из страшной камеры дергались в конвульсиях и твердили об ужасном рогатом призраке, блестевшем, словно начищенное золото. Затем из глаз и рта извергались потоки крови, и они проклинали Грааль.

Боже, смилостивись над их душами.

Сэр Шон из Лиата, сэр Томас Вервин, сэр Станислав Брат, сэр Уилфред Доннеган — все они наши в подземелье безвременную, страшную смерть. Они будут похоронены со всеми почестями ордена в восточном склепе.

Талиесин пел, что только женщина способна, оказавшись рядом с Рогатым богом, остаться невредимой. Неизвестный путник из потустороннего мира явится и вновь наполнит Нашу. Все это походило на речи сидхе, с которыми у Талиесина могла быть тайная связь.

К нашему великому ужасу, в чертог тайны пожелал войти дон Розалендо де Тартаро. Это было бы совершенно не по правилам, поскольку он еще не посвящен в рыцари.

Но, поскольку было маловероятно, что отважный кабальеро переживет испытания, большинство склонялись к тому, чтобы разрешить ему войти, а затем посвятить в тамплиеры на ложе смерти.

Талиесин спел странную коротенькую песенку с припевом, которая больше походила на наставления дону Розалендо.

Он все-таки, наверное, вел дела с сидхе, хотя доказать это будет невозможно.

Припев его песенки предлагал испанцу захватить с собой нечто, чтобы «наносить удары, резать и вязать». Затем бард упомянул, что должен родиться некий пернатый, видимо, он имел в виду птицу.

Двенадцать часов дон Розалендо предавался медитации в своих покоях. Он просил разрешения воспользоваться серебряным мечом сидхе, веткой ивы и веревкой. Храбрый кабальеро взял с со-

бой небольшой флакон с содержимым, название которого отказался сообщить. Этот флакон принадлежал лично ему. Семь флаконов с такой же жидкостью он хранил в ларе из черного дерева с вырезанными светящимися единорогами.

Мы с тяжестью на сердце ожидали смерти отважного испанца, «et invenitur in omni loco et in quolibet tempore et apud omnem rem, cum inquisitio aggravat inquirentem»[25].

Из страшного подземелья испанец появился невредимым. Победа непосвященного над посвященными рыцарями-тамплиерами породила много споров.

Шесть рыцарей и Великий магистр были свидетелями того, как дон Розалендо де Тартаро вошел в чертог тайны и провел там целых три часа за закрытыми дверями.

Он вышел, улыбаясь, невредимый и излучал голубой свет. На нем все так же был меч сидхе, он нес в руке ветку ивы, но флакон и веревка остались в подземелье.

---

[25] Примечания: 25

В каждом месте, в каждом времени, в каждом деле находится нечто такое, что недоступно пониманию рассудка *(лат.).*

В соответствии с принятым ритуалом, его обыскали, приставив к груди острие меча, и, к нашему великому ужасу, обнаружили, что он прятал под плащом Грааль. Четверо рыцарей распростерлись на полу, один убежал. Грааль источал нестерпимую для глаз светящуюся сущность. Шестой рыцарь, сэр Фенетон, встал перед доном Розалендо и под страхом смерти заставил его вернуть Грааль в чертог тайны. После долгих размышлений Великий магистр решил за мужество сохранить жизнь дону Розалендо. Однако тот совершил святотатство, и ему следовало немедленно покинуть Рат-Конор вместе с епископом и со всеми вещами. И никогда не возвращаться, если он не хочет немедленной расправы.

Бард Талиесин взялся их сопровождать.

Сэр Фенетон Сандерсон за доблестное поведение был награжден Железным пятиугольником.

Ворчание в подземелье совершенно прекратилось, и в склепе все стало тихо, подобно смерти.

Документы, касающиеся поездки аббатисы за границу, настолько неполны, что многие тайны остались без объяснения. Хотя вот эти два текста я нашел среди вещей доньи Розалинды после ее смерти. Видимо, она похитила их в крепости Рат-Конор, а как это ей удалось, известно только ей одной.

Как я уже упоминал, прошло два года, прежде чем аббатиса возвратилась в монастырь. За семь дней до ее появления прибыл посланник и передал весть, что все должно быть готово к ее грядущему приезду в обитель Святой Варвары Тартарской. Взволнованных сестер охватили дурные предчувствия.

Но когда аббатиса въехала в ворота, этому были свидетельницами лишь немногие монахини, поскольку ее возвращение случилось в час перед рассветом, когда, как говорится, время замирает.

Окна моих покоев выходили в главный двор, и я проснулся от стука копыт и звука колес. И, поспешно одевшись, спустился, чтобы поприветствовать возвратившуюся в монастырь аббатису. Хотя она была

одета в темный плащ, невозможно было не заметить ее огромного живота — примерно вдвое больше, чем у женщин на девятом месяце беременности.

Когда слуги перенесли все вещи доньи Розалинды в восьмиугольную башню, вышла она сама — двигалась медленно, с трудом. Последние три дня ее жизни при ней находилась мать Кастелум де Ксавье.

На третий день сестра Фабиолина призвала меня в башню. Решение позвать меня женщина взвалила на свои плечи, поскольку не могла выдержать того, чему стала свидетельницей.

Была полночь, аббатиса билась в предсмертной агонии. Каждый раз, когда эта картина встает перед моим внутренним взором, меня вновь пробирает озноб. Донья Розалинда, которая всегда отличалась худобой, распухла до таких диких размеров, что стала напоминать небольшого кита и при этом сделалась черной, как уголь. Процесс разбухания достиг крайней степени, она медленно воспарила в воздух и на некоторое время зависла. По ее телу внезапно пробежала

дрожь, затем что-то грохнуло громче пушечного выстрела, и взрыв небывалой силы швырнул меня на стену. На кровать опустился клочок влажной темной кожи не больше носового платка — это все, что осталось от настоятельницы монастыря Святой Варвары Тартарской. Едкий дым, настолько густой, что напоминал зловещую грозовую тучу, и ужасающий запах наполнили чертог смерти. Испытывая головокружение от этого жуткого зрелища, я не сразу заметил бьющуюся в клубах дыма, маленькую, светящуюся фигурку. Но вскоре понял, что это мальчик размером не больше совенка. Ослепительно-белый и крылатый, он порхал под потолком. При нем были лук и стрелы, однако исходящее от него яркое сияние не позволило разглядеть детали. Исторгнутые из мертвой аббатисы зловонные газы превратились в терпкий, на редкость изысканный аромат, напоминающий мускус и жасмин.

В этот момент в башню ворвались напуганные страшным взрывом монахини и с ними священник из Мадрида монсеньор

Родригес Зепеда. Они застали только аромат благовоний или, по их выражению, Дух Святости. На мгновение мелькнул крылатый мальчик, но тут же, взлетев по винтовой лестнице в обсерваторию, исчез из вида. Они, как и следовало ожидать, приняли его за ангела.

Тот факт, что от бренного тела аббатисы остался лишь небольшой клочок кожи, не помешал сестрам провозгласить ее святой. Напротив, они решили, что донья Розалинда, подобно Пресвятой Деве, взошла на Небеса, оставив на земле ангела и дух святости. Клочок кожи положили среди роз и лилий, а затем поместили в великолепный гроб, куда свободно вошли бы три аббатисы. Гроб опустили в склеп, который я, кажется, уже упоминал.

Монсеньор Родригес и пять десятков монахинь своими глазами видели последствия взрыва, и я решил, что мне нет надобности свидетельствовать, что произошло до их появления. Их ничто не убедит, что чудо не было ниспослано с небес, а исторглось из глубин ада, в чем у меня нет ни малейших сомнений.

Этот документ был написан Доминико Эукаристо Десеосом, бывшим исповедником монастыря Святой Варвары Тартарской, сожженным заживо в возрасте девяноста семи лет по приказу Папы..... (имя неразборчиво).

In te inimicos nostros ventilabimus cornu. Et in noimine tuo spernemus insurgentes in nobis. Cornu veru nostrum Christus est, idem et nomen Patris in quo adversaris nostri vel ventilantur vel spernuntur[26].

В примечаниях, чернила которых почти выцвели, судорожным почерком были написаны следующие слова:

Putrefactio[27], без чего невозможно достигнуть успеха сочинения.

Чаша и Живительный Дух для высвобождения ГС[28].

---

[26] Примечания: 26

С Тобою избодаем врагов наших; во имя Твое попрем ногами восстающих на нас: ибо не на лук мой уповаю, и не меч мой спасет меня; но Ты спасешь нас от врагов наших, и посрамишь ненавидящих нас *(лат.).* — Псалтырь. Псалом 43: 6–8.

[27] Примечания: 27

Гниение *(лат.).*

[28] Примечания: 28

«Гермафродит Сефира» *(лат.).*

«И превратилась тьма в свет, и разорвал он окружающий меня хаос».

На этом кончается трактат о донье Розалинде.

Завесив одеялом окно, чтобы не увидели непогашенного ночью света, я читала до утра.

Такова была история подмигивающей аббатисы. Надо сказать, она меня не разочаровала, хотя финальный распад на молекулы несколько удручил. Читая, я прониклась симпатией к бесстрашной и энергичной настоятельнице. То, что шпионящий за доньей Розалиндой священник Доминико Эукаристо Десеос сделал все, чтобы изобразить ее в дурном свете, нисколько не умаляет чистоты ее истинного образа. Достойнейшая была женщина.

Мне не терпелось расспросить обо всем этом Кристабель Бернс. Как, например, портрет аббатисы попал в Америку и почему висит в этом заведении? Я собиралась задать ей вопросы сразу после восхода солнца, как только сумею ее найти. Но события повернулись так, что я несколько дней не могла с ней поговорить. В тот период мало кто из нас мог обсуждать что-либо иное, кроме волнующих обстоятельств, которых я сейчас собираюсь коснуться.

Зачитавшись историей аббатисы, я проспала, и меня разбудила Анна Верц. Расталкивая меня, она что-то говорила и жестикулировала. Я привыкла к ее возбужденному состоянию и поначалу не обратила на нее внимания, но Анна протянула мне слуховую трубку и заставила, так сказать, привести ее в действие.

— Я заглянула спросить у нее совета по поводу вышивки, которой намерена украсить бархат; отрез мне достался некоторое время назад, очень хороший в своем роде, выглядит как новый, хотя я получила его еще до того, как оказалась здесь. Вы же знаете, у меня нет ни минуты отдыха, я не сижу без дела, мне нравится оставаться одной и вышивать бисером всякие замысловатые цветы, хотя людям понять не дано, что кому-то по сердцу одиночество и творческая работа и они не хотят стирать подошвы, бегая туда-сюда, и заниматься тем, что их вовсе не касается.

Я треснула по столу слуховой трубкой и заорала:

— Ради бога, Анна, ближе к делу! Что вас так разволновало? — Опыт мне подсказывал, что всякая нерешительность во время ее монологов заранее обречена на провал.

— Не надо кричать. Я только собиралась рас-

сказать, как она выскочила на меня, словно сорвавшийся с цепи паровой каток, схватила, опрокинула — буквально опрокинула — и, не успела я оказать сопротивления — вы же знаете, какая она сильная, — затащила в бунгало, а там… ну, конечно, бедняжка была уже мертва и успела окоченеть. Я была вне себя…

— Анна, вы о чем? — завопила я, изрядно напуганная.

— О бедняжке Мод, как вы не понимаете! Она ночью умерла, и все мы очень расстроены, а я знаю, вы с ней сдружились. Я колотила к вам в дверь, но разве же вас поднимешь! А тут еще несчастная Наташа — она очень чувствительна. Так потрясена, что ей пришлось вернуться в постель. Доктор Гэмбит дал ей таблетки снотворного, целых три, хотя я не замечала, чтобы она была близка с покойной. А вы?

Я тоже не замечала. Зато перед глазами у меня стоял шоколадный фадж. Фадж, начиненный чем-то из загадочного пакета и предназначавшийся для кое-кого другого. Бедняжка Мод с ее изысканными, украшенными цветами блузками и пудрой с ароматом роз. С ее желто-персиковыми крепдешиновыми трусиками и комбинацией, на пошив которых она потратила полгода и кото-

рым мы все завидовали. Робкая, чувствительная Мод, единственная из нас, кто хоть сколько-нибудь напоминал освященную традицией добрую пожилую даму со взбитыми седыми волосами, румяными щеками и белыми зубами. Искусственными, конечно, но все-таки белыми.

Так легко было представить, как Мод сидит в патриархальном саду под куполом беседки из перевитых роз среди мальвы и лаванды и вечность напролет шьет персиковые панталоны.

Меня потрясла ужасная новость. Тем более что я могла ее спасти, если бы предупредила об опасности, когда увидела, как она выходит из иглу Наташи, и немедленно позвала бы врача.

Я оказалась в чудовищно затруднительной ситуации. Надо ли мне сообщить, что я увидела на кухне, когда там находились Наташа и миссис ван Тохт. Конечно, лучше всего, не теряя времени, проинформировать доктора Гэмбита, ведь Наташа и миссис ван Тохт, не убрав жертву с первой попытки, могут продолжить готовить свой шоколадный фадж. Но у доктора Гэмбита обязательно возникнет вопрос, с какой стати я подглядывала в окно, и мне никак не удавалось придумать сколько-нибудь достойного объяснения. Выводы напрашивались сами собой: мной руководила

либо обыкновенная алчность, либо чрезмерное любопытство. Теперь представим, что Наташу и миссис ван Тохт посадят в тюрьму. Я не знала, существуют ли возрастные ограничения для такого наказания, особенно если речь идет об убийстве, тем более что я не сомневалась, что произошло убийство, пусть даже преступницы перепутали жертву. В Англии их бы казнили, и в этом случае я предпочла бы молчать, поскольку меня никто не убедит, что намеренно предавать человека смерти — благое дело.

Размышляя подобным образом, я оделась, но аппетит пропал и на завтрак идти не хотелось. Анна Верц продолжала говорить:

— Мы можем легко забраться на крышу и посмотреть через люк. С другой стороны есть маленькая лестница, которой пользуются, если требуется почистить водосточные желоба. Желоба при мне никогда не чистили, но лестница есть. Хочется взглянуть на несчастную Мод, ведь мы ее больше не увидим. Такая хрупкая женщина.

Анна предлагала забраться на крышу и тайком взглянуть на труп Мод. Жутко и недостойно с любой точки зрения. Но кто вообразит, что две престарелые дамы взгромоздятся на крышу?

Чтобы незамеченными подойти к бунгало,

пришлось прокладывать дорогу сквозь густую поросль. Я ощущала себя так, словно мы участвовали в скаутской игре. Лестница у задней стены дома оказалась, к моему ужасу, старой и гнилой. Анна Верц, замолчавшая впервые с момента нашего знакомства, осторожно начала подъем. Я сильно надеялась, что наверху ее не потянет комментировать увиденное, поскольку разоблачение было бы позорным. Я ползла вслед за ней по скрипучей лестнице. Крыша бунгало оказалась плоской и имела два люка, через которые свет проходил в нижние помещения. Мы устроились у одного из них, откуда открывался хороший обзор комнаты Мод. Смерть превратила ее лицо в узкую неузнаваемую маску, которая почему-то напомнила мне тонкий ломтик неспелой тыквы. Губы приоткрыты, Мод смотрела на нас со смешанным выражением упрека и удивления. Вставная челюсть лежала в стакане с водой рядом с кроватью. От этого, подумала я, и создавалось впечатление узости лица. Все еще пушистые волосы вились у мертвых щек.

Неподалеку от кровати сидела миссис ван Тохт. По ее лицу — или скорее глыбе плоти — невозможно было судить, что она чувствует, но мне

показалось, что она от волнения безостановочно потирала руки. В комнату вошла незнакомая женщина в сером комбинезоне — принесла полотенце, мыльницу с куском желтого кухонного мыла и ведро с водой. Движения точные, сосредоточенные. Она методично убрала одеяла, на кровати остался лежать почти полностью одетый труп. Отравленный фадж, видимо, начал действовать до того, как бедняжка успела переодеться в ночную рубашку. Позже я узнала, что Мод не пошла на ужин, пожаловавшись миссис ван Тохт на печень и сильную головную боль. Она, должно быть, умерла, когда все сидели за столом. Поэтому никто не слышал ее криков в минуты последней агонии.

Женщина в сером начала снимать с Мод одежду. Получалось это не очень хорошо — судя по всему, сказывалось развившееся за ночь трупное окоченение.

В следующую секунду Анна Верц судорожно стиснула мою руку, и мы обе чуть не провалились в люк на то невероятное, что открылось нам внизу. Окоченевшее нагое тело Мод оказалось бренными останками старого джентльмена.

Не помню, как нам с Анной удалось спуститься по лестнице, не сломав себе шеи. Но мы как-то

спустились. И, заметив вдалеке спешащего к бунгало доктора Гэмбита, постарались побыстрее удалиться как можно дальше от чертога смерти. Однако, вылезая из высокой поросли, мы натолкнулись на Джорджину Сайкс, которая заявила, что услышала под деревьями в кустарнике водяного буйвола и остановилась убедиться, так ли это на самом деле. Анну Верц тут же как ветром сдуло, словно за ней погнался оборотень.

— Могу я спросить, какого черта вы там топтались с Анной Верц? — поинтересовалась Джорджина, пока я вынимала застрявшие в волосах хворостинки. — Звук был точно такой, как если бы там возились африканские водяные буйволы.

— Ради бога, не кричите так громко, — зашикала я на нее. — Вас могут услышать. Пойдемте к Пчелиному пруду, я вам все расскажу.

— Бедная старушка Мод умерла ночью от обострения цирроза печени, — заявила Джорджина Сайкс. — Доктор Гэмбит собрал нас в рабочей комнате и проинструктировал, как воспользоваться этой смертью, чтобы лишний раз заняться самооценкой. Она, конечно, была не девочкой, но трудно представить, что все происходит настолько быстро.

Я решила рассказать Джорджине всю непри-

глядную подноготную, поскольку начинала подозревать, что ее жизнь тоже в опасности. И осторожно начала:

— Мод не могла умереть от заболевания печени — ее цвет лица был для этого слишком свежим. У страдающих циррозом кожа на лице желтеет, как у Наташи.

— Мод постоянно штукатурила лицо розовой замазкой, — возразила Джорджина. — А уж какая была под ней кожа, никто не знает. Может, сине-зеленая.

— Мод умерла не от цирроза печени. — Мы подошли к Пчелиному пруду, рядом с которым не было никого, кроме снующих над водой трудяг-насекомых. Сели на каменную скамью, и я рассказала, как подсматривала за Наташей и миссис ван Тохт, когда те подложили в фадж яд. Как Мод пошла за Наташей и украла смертоносные конфеты. Затем описала сцену на крыше бунгало, когда мы обнаружили, что женственная, изящная Мод на самом деле мужчина.

— Черт побери! — воскликнула, побледнев, Джорджина. — Фадж наверняка предназначался мне. Это она все подстроила.

Пирушка, которую Наташа предложила у кухни, чтобы отметить их примирение, оказалась не

чем иным, как хорошо спланированным убийством.

— Надо немедленно пойти к Гэмбиту, — заявила Джорджина. — Пусть вызовут полицию. Если бы мы жили в США, обе они точно бы отправились в камеры смертников, а потом им поджарили жирок на электрическом стуле. Не пожалела бы и десяти долларов посмотреть на это зрелище.

— В этой стране нет смертной казни, но их могут сковать цепью и заставить дробить кирками камни, а огромные нубийцы в красных набедренных повязках станут пороть их кнутами.

Джорджина кисло скривилась:

— На самом деле будет вот что: их посадят в удобную камеру в женской тюрьме, дважды в неделю они будут приглашать соседок на вечеринки с фаджем, а по выходным — на спиритические сеансы.

— И то если будет доказано, что произошло убийство, — сказала я, поразмыслив. — Наташа станет утверждать, что отравила фадж, желая уничтожить крыс, о которых она твердила.

— Разве слыхано, чтобы крыс травили фаджем? — удивилась Джорджина. — Яд обычно кладут в куски гнилого сыра.

Мы пошли искать доктора Гэмбита, но сумели

найти только его жену, которая помешивала на кухне картофельный суп.

— Доктор Гэмбит сегодня никого не примет, — отрезала она. — Легкомысленно с вашей стороны просить его об аудиенции по личным вопросам в то время, когда он так безумно взволнован.

— Дело неотложное, — заявила Джорджина. — Он нам нужен немедленно.

— Тем не менее это невозможно, — уперлась миссис Гэмбит. — А теперь прошу вас заняться уборкой ваших бунгало и провести день собранно и дисциплинированно, несмотря на нарушившее наш обычный распорядок печальное событие.

Настаивать было бессмысленно. Мы сумеем поговорить с доктором Гэмбитом только на следующий день после похорон Мод. Жаль, конечно, ведь кому-то придется потратить силы и выкопать бедолагу, но поделать мы ничего не могли.

А пока мы гуляли по саду и обсуждали случившееся с самых разных точек зрения.

— Кто бы мог подумать, что Мод — замаскированный мужчина? — спросила я Джорджину. — Со всеми ее панталонами и изысканными блузками? Вы, наверное, жутко удивлены.

— Совсем не удивлена, — ответила она. — Я поняла, что Мод мужчина, при первой нашей

встрече здесь.

— Как вы сумели догадаться? — Я в изумлении замерла. — В нем было больше женственности, чем в любой из нас.

— Я знала Артура Соммерса, когда он держал в Нью-Йорке антикварный магазин. Он не причинил мне в жизни никакого вреда, и у меня не было повода выдавать его маленький секрет. Его личное дело, что он выбрал себе такое безобразное имя — Мод.

— Но зачем он заточил себя в доме для престарелых дам? — удивилась я. — Мог бы придумать что-нибудь поинтереснее. Ведь деньги, как я думаю, у него водились.

— Что ж, раз вы знаете суть, думаю, несчастному Артуру нисколько не повредит, если я расскажу вам все остальное.

— Давным-давно Артур купил маленькую лавчонку на Восьмой авеню в Нью-Йорке и завалил отвратительным мусором, который называл антиквариатом. Я жила по соседству с абиссинкой, о которой уже упоминала. Время от времени я заскакивала к Артуру обсудить свои маленькие невзгоды, и мы сдружились. Через некоторое время я узнала, что антикварная лавка Арти — лишь ширма для нелегального бизнеса. Он торговал

красными и синими подушечками для иголок, сверху украшенными кружевами, а внутри набитыми марихуаной.

Я долго не могла догадаться, зачем его клиентам, среди которых было немало грубых матросов, требуется столько изысканных швейных принадлежностей. Подушечки для иголок Артур изготовлял сам. Таким образом он научился мастерски управляться с иголкой и ниткой. Он устроил себе удобный бизнес — многие любили покурить марихуану, это их взбадривало.

Одним прекрасным днем он сдал комнату из тех трех, что были расположены над его магазином, и в нее вселилась художница-пейзажистка Вероника Адамс. Та самая Вероника Адамс, которая занимает у нас цементный сапог рядом с поганкой, в которой живет маркиза. Она до сих пор расписывает ярды туалетной бумаги. А когда-то была изящной женщиной, Артур без ума в нее влюбился. Даже не брал с нее плату за комнату. Романтический настрой лишил Артура осторожности, и он стал по ошибке продавать красные подушечки полиции. Все бы кончилось очень плохо и сидеть бы Артуру в «Синг-Синг» или другом подобном месте, если бы его не предупредил содержатель подпольного магазина спиртного в

Гринвич-Виллидже Лупоглазый Джонсон. Артур с Вероникой рванули на границу с Мексикой и открыли в Ларедо ночной клуб. Вероника все свободное время рисовала пейзажи, а по субботним вечерам, если набиралось достаточно клиентов, участвовала в стрип-шоу. Сама я ни одного не видела, но стоит на нее теперешнюю посмотреть — и все можно вообразить. Она украшала себя старыми страусиными перьями и бусами. А костюмы, наверное, шил сам Артур.

Так они жили, пока фигура Вероники могла привлекать зрителей, затем отошли от дел, несколько лет провели в Аргентине и перебрались сюда. Артур решил, что дом для престарелых дам может послужить достойным убежищем в конце их достаточно бурной жизни. Бедняге Артуру не могло прийти в голову, что ему придется жить под одной крышей с миссис ван Тохт. Это был удар ниже пояса, но он постепенно освоился и всегда с теплотой отзывался о ее скромности. При всем своем любопытстве миссис ван Тохт так и не узнала его тайны. Во всяком случае, до настоящего времени. Вот схематическое описание жизни Артура Соммерса, который даже вообразить не мог, что его убьют в доме для престарелых дам, хотя его легко могли убить в любом

другом месте.

Джорджина, вспоминая, загрустила, и я попыталась сменить тему разговора:

— Интересно, какая марихуана на вкус. — Но она меня как будто не услышала. Наверное, думала о Веронике и Артуре. А может быть, об абиссинке.

Похороны Артура, или Мод, прошли второпях. Родственники не приехали, и из присутствующих были только доктор Гэмбит и его жена. Мы так и не узнали, как они отнеслись к тому, что Мод оказалась мужчиной. Нам они ничего не сказали. Вероника продолжала рисовать на рулонах туалетной бумаги. Ее так согнуло, что невозможно было заглянуть ей в лицо и почувствовать, причинил ли ей боль уход в мир иной старого любовника.

Сама я провела очень беспокойную ночь, то тревожась о том, что сказать доктору Гэмбиту, то трясясь от страха, когда вспоминала о злокозненном заговоре Наташи и миссис ван Тохт. Кто бы мог подумать, что в доме для престарелых дам могут возникнуть подобные проблемы.

Доктор Гэмбит принял меня с Джорджиной незадолго до завтрака. Его полное лицо необычно посерело и подергивалось.

— Если речь идет о повседневной работе, — раздраженно начал он, — вы можете получить совет у миссис Гэмбит. Я крайне занят. Поэтому переходите сразу к делу.

Пожалуйста, — ответила Джорджина с обычной отвагой. — У Мод не было никакого цирроза печени.

Доктор Гэмбит сипло пискнул, затем взял себя в руки и заговорил:

— Джорджина, вам надо серьезно трудиться, чтобы справиться с вашими болезненными фантазиями.

— К черту болезненные фантазии, — отрезала Джорджина. — Лучше послушайте, что видела миссис Летерби.

Я рассказала все, что знала.

— Если вы закончили, должен вам сказать, что в жизни не выслушивал подобной злостной клеветы, — насупился доктор Гэмбит. — Я поражаюсь вам, Джорджина, вы уже несколько лет среди нас. Вас обеих терзает болезненное воображение — самый закоренелый человеческий порок. Придется организовать для вас специальные упражнения, чтобы вы могли преодолеть в себе эту ужасную физическую слабость.

— Вы ненормальный! — возмутилась Джорджи-

на. — Сидите тут и вякаете что-то о психологии, в то время как нас всех могут в любой момент отравить. Ван Тохт и Наташу надо посадить на электрический стул.

— Довольно, миссис Сайкс. — Доктор Гэмбит поднялся со стула. — Я прослежу, чтобы вам дали успокоительное.

— А что насчет крысиной отравы, которую миссис Гэмбит приобрела для Наташи? — вступила в разговор я. — Вы должны по крайней мере потребовать отчета, как она ее использовала.

— Миссис Гонзалес — удивительнейшая из женщин с высоким уровнем экстрасенсорных возможностей, — с чувством собственного достоинства ответил доктор Гэмбит. Ни вам, ни Джорджине Сайкс не под силу разобраться в тонком механизме ее ума. И эта оскорбительная сплетня, которую вы придумали, свидетельствует только о том, что вы пропитаны завистью. Желаю доброго дня. Миссис Гэмбит даст вам успокоительное. — С этими словами он вытолкал нас из кабинета.

Мы с Джорджиной были готовы к любой реакции, но растерялись, оказавшись перед стеной полного недоверия. И, онемев, минут пять не могли произнести ни единого слова. Мысль обра-

титься с рассказом об убийстве к миссис Гэмбит представлялась абсурдной.

Во время завтрака я то и дело поглядывала исподтишка на миссис ван Тохт и Наташу. Мы с Джорджиной практически ничего не ели — это казалось небезопасным.

Днем мне сказали, что ко мне приехала гостья, и я поспешила в гостиную, где мы принимали посетителей по будням. Какое же я испытала удивление и восторг, когда увидела Кармеллу, очень модную — в длинном твидовом платье.

Телепатический дар подсказал ей: со мной что-то не так. Ей приснился сон, будто я танцую с офицером венский вальс.

— Увидеть во сне человека танцующим значит, что он либо обладает оккультной силой, либо вляпался в неприятности, — сообщила она мне. — Мне сразу стало понятно, что ты попала в переделку.

Я отвела ее на свое любимое место — к Пчелиному пруду — и выложила все: как по ошибке убили несчастного Артура-Мод и как мы боялись, что ошибку могут в любой момент попытаться исправить.

— Секунду терпения, — успокоила меня Кармелла. — Сейчас я найду решение. А пока никого нет,

дам тебе шоколадное печенье и портвейн. — Она порылась в большой корзине с крышкой. — Вот. Портвейн я налила в термос, чтобы не догадались, если станут обыскивать. Еще захватила большой напильник на случай, если бы пришлось перепиливать решетки. Решеток здесь нет, но вдруг на тебя нападут, тогда напильник может очень пригодиться.

— Как мило с твоей стороны, Кармелла, — растрогалась я. — А мне нечего тебе дать. Нас отсюда совсем не выпускают.

— Не бери в голову, — ответила она. — Теперь дальше: твои кошки в порядке, а твоя единственная, как я понимаю, проблема, что тебя могут убить. По ошибке или специально, с твоей точки зрения это не имеет никакого значения. Тебе необходимо предупредить всех, кто может считаться потенциальными жертвами. И поскольку доктор Гэмбит отказывается что-либо предпринять, вы должны все вместе объявить голодовку.

Прекрасная мысль. Но я легко могла представить доктора Гэмбита с женой, которые хладнокровно наблюдают, как мы морим себя голодом до смерти. И высказала свои сомнения Кармелле.

— Тебе не о чем тревожиться, — ответила

та. — Если дела пойдут совсем плохо, я оповещу журналистов.

Перед глазами так и замелькали заголовки: «В доме престарелых обнаружены женские скелеты» и другие в этом же роде, на испанском. Перспектива не из приятных. Но отравиться ядом хуже, чем умереть от голода. Кроме того, в жилище, где полно еды, всегда найдется лекарство от истощения. И я сказала Кармелле, что голодовка — отличный план.

— Собери сходку в полночь при свете фонаря, — посоветовала подруга. — И всем объяви, что их жизни в опасности и что маньячка ни перед чем не остановится. Раздай шоколадное печенье, которое я тебе принесла. Его хватит, чтобы восемь человек продержались почти неделю. К тому времени доктор Гэмбит должен сдаться.

— А если он будет смотреть, как мы мрем от голода? — не отступалась я.

— Тогда скажешь ему, что мне известны все факты и я их обнародую, если не получу от тебя письма в течение десяти дней.

— Надо принять меры, чтобы Наташа и миссис ван Тохт не добрались до печенья, — забеспокоилась я.

— Спрячем печенье в твоей комнате под доска-

ми пола, — рассудила Кармелла. — И займемся этим немедленно. Мне не терпится посмотреть твой маяк с нарисованной мебелью.

Пока мы шли, Кармелла с интересом рассматривала другие жилища.

— Действительность превосходит художественное описание в твоем письме, — заметила она. — Почему этим строениям придали такие безнадежно отвратительные формы? Испортили сад, который мог бы быть по-настоящему красивым и гармоничным.

— Доктор Гэмбит выбирает форму каждого бунгало в соответствии с тем, что он называет полярными вибрациями нижней сущности. Я получила маяк, потому что это было единственное свободное помещение. Доктор Гэмбит говорит, мне полагалось бы жить в кочане вареной цветной капусты, но у них такого нет.

— Что за дьявольская мысль! — возмутилась Кармелла. — Они, должно быть, садисты.

— Мы должны наблюдать результаты труда по совершенствованию нашей мерзкой натуры, — продолжала я. — Доктор Гэмбит считает, что единственный путь к спасению — это самосозерцание. Кроме этого нам приходится делать еще много очень сложных упражнений.

Войдя в маяк, мы тщательно закрыли за собой дверь. И поскольку никаких ключей не существовало, забаррикадировали ее стулом. Затем, завесив окно, попытались найти плохо прибитую доску пола, что, учитывая плачевное состояние бунгало, оказалось совсем не трудно.

— А теперь мне пора, — сказала Кармелла. — Нас могут заподозрить, если мы будем слишком долго сидеть взаперти. Не упусти ни одной детали, готовясь к голодовке. Людей собери в полночь. Хорошо бы достать флаг с черепом и скрещенными костями. Факелы можно изготовить своими силами: надо намотать на ивовые ветки обрывки простыни и окунуть в масло. Лучше всего подойдет змеиное — очень стимулирует. Когда люди узнают, что две арестантки бродят на свободе, а все они могут умереть в страшных конвульсиях, то охотно поддержат твое предложение. Выбери в саду укромный уголок. Пчелиный пруд не виден со стороны дома и скрыт от глаз убийц. Такие действия можно расценить как мятеж, и если власти раскроют заговор, то могут применить пулеметы. Вам бы сильно помог броневик или даже небольшой танк, однако такие машины добыть непросто. Можно попытаться договориться с армией. Не знаю, дают ли они напрокат

танки, хотя бы один старый, завалящийся у них наверняка есть. В любом случае собирать сходку надо с величайшей конспирацией. Лучше, чтобы твои соратницы надели капюшоны — тогда их не узнают, пока не поймают и не подвергнут пытке.

Этот совет Кармелла повторила несколько раз, а затем отбыла, дав мне последние инструкции: рассадить на деревья вокруг Пчелиного пруда снайперов, устроить тайные радиостанции и выдвинуть сторожевое охранение с тамтамами, чтобы они боем передавали закодированные сообщения.

Вскоре после мобилизирующего визита Кармеллы я встретилась с Джорджиной и поделилась с ней планами, опустив наименее практичные предложения подруги: танки, змеиное масло, секретные радиостанции и снайперов. Зато подчеркнула, что голодовка не только желательное, но и крайне необходимое мероприятие.

— Не придумала бы ничего лучше, — согласилась Джорджина. — Надо собраться сегодня вечером. Пусть каждая сделает вид, что после ужина, как обычно, идет домой. А когда Гэмбиты, ван Тохт и Наташа уберутся восвояси, мы выйдем из укрытий и встретимся у Пчелиного пруда.

— Лучше заранее проинформировать Веронику

Адамс, маркизу, Кристабель и Анну Верц, почему нам необходимо собраться, иначе они могут проговориться Наташе и миссис ван Тохт, — сказала я. — Можно отказаться от ужина, сославшись на боль в желудке. Это станет хорошим началом голодовки.

Условившись на этом, мы разошлись сообщить другим дамам о наших планах.

Трапеза в тот вечер отличалась особенной мрачностью. К еде прикоснулись только доктор Гэмбит, миссис ван Тохт и Наташа. Измученная головной болью, миссис Гэмбит приняла аспирин и рано ушла к себе. А мы, остальные, сидели и наблюдали, как троица ест. Напряжение катастрофически нарастало.

— Я не собираюсь выяснять, почему вы все разом потеряли аппетит, — заявил доктор Гэмбит в конце ужина. — Скажу следующее: в нашем труде нет места истерическим жалобам. Психосоматические болезни убивают с такой же неотвратимостью, как физические недуги. Если вы сознательно позволяете нижним центрам овладеть организмом, то вскоре его настолько повредите, что это возымеет весьма серьезные последствия.

После этих слов он промокнул губы салфет-

кой, скатал ее и всунул в костяное кольцо. Мы все пользовались такими же. Миссис Гэмбит утверждала, что, если выкладывать каждый день чистые салфетки, из прачечной будут приходить заоблачные счета.

Вечерний отдых в холле длился не так долго, как всегда, и все вздохнули с облегчением, когда доктор Гэмбит позвенел колокольчиком, разрешая разойтись по домам.

Аббатиса смотрела на нас с сардонической улыбкой.

Луны в тот вечер на небе не было, но, к счастью, у каждой из нас были свечи, хранившиеся в домах на случай, если отключат электричество, что бывало довольно часто.

Когда мы собрались у Пчелиного пруда, было, наверное, полдвенадцатого. Обстоятельства были настолько необычными, что я почти не обратила внимания на все еще жужжавших над темной водой фонтана насекомых. Отметила какой-то спящей частью сознания и до сих пор сомневаюсь, что это было: может, акустический эффект от моей слуховой трубки.

Собрание я открыла перечислением фактов, которые затем подтвердила Джорджина. Получив печенье, все стали обсуждать услышанное.

Все согласились, что голодовка — лучший выход из положения, хотя высказывались сомнения, сколько времени удастся продержаться в живых на моем печенье.

Чтобы справиться с вечерней промозглостью, я принесла термос со сладким портвейном, и мы раз за разом пускали его по кругу. И провели бы приятный вечер, если бы не угроза голода.

— У меня есть тоже запасы сладкого печенья, — сообщила Кристабель Бернс. — И я с радостью поделюсь им на благо общества. Я предвидела, какими голодными мы придем с ужина, и принесла в карманах по одному печенью на каждую. Запас был маленьким — больше не хватило. Хорошо, что у миссис Летерби нашлось шоколадное печенье, оно очень питательное. Нам придется продержаться на голодном пайке какое-то время — во всяком случае до тех пор, пока доктор Гэмбит не образумится и не выгонит из нашего заведения Наташу и миссис ван Тохт.

Кристабель протянула каждой по печенью. Все они были аккуратно завернуты в мягкую бумагу и оказались настолько малы, что мгновенно проскакивали в горло, ни на секунду не задерживаясь во рту.

— В каждом печенье бумажка с предсказа-

ньем, — продолжала Кристабель. — Предлагаю, чтобы каждая прочитала вслух, что выпало ей.

Мы раскусили печенья и по очереди прочитали, что было написано на клочках бумаги. Сидели кружком вокруг пруда и говорили по часовой стрелке: Вероника Адамс, маркиза, Анна Верц, Джорджина, Кристабель Бернс и последней — я.

— Пусть ты потеряла надежду, но еще встретишь настоящую любовь, — сказала Вероника Адамс.

— Сражение почти выиграно, не разбрасывайся понапрасну; победа близка. — Это было предсказание маркизе.

— Тяжелый труд и несчастья не всегда останутся твоим уделом. Крепись, грядут перемены. — Анна Верц хотела было сделать какое-то замечание, но Кристабель подняла руку, призывая к тишине. Все молча согласились, что на нашем собрании она главная. Свечи оплывали на легком ветерке.

— Твоя отвага и доброжелательность вскоре получает вознаграждение. Не бойся тех, кто желает тебе зла; вскоре они будут посрамлены, — прочитала Джорджина, радостно посмеиваясь.

Следующая очередь была Кристабель:

— Твоя участь — преданность и служение святой цели.

Я развернула свой клочок бумаги и прочитала вслух:

— На помощь! Я узница в башне. — Последовало недолгое молчание, а затем Кристабель, чтобы исключить всякие обсуждения, достала из-под шали маленький тамтам и стала в него ритмично бить. Мы в такт закивали, затем стали притоптывать. Вскоре мы уже приплясывали вокруг пруда, размахивали руками и вообще вели себя очень странно. Но в тот момент не находили в нашем удивительном танце ничего чудного. Никто не ощущал усталости. И даже Вероника Адамс, которой было за девяносто, прыгала так же радостно, как остальные. Никогда я не испытывала такого удовольствия от ритмичного танца, даже в те дни, когда кружила в фокстроте в объятиях какого-нибудь годящегося мне в женихи молодого человека. Нас вдохновляла какая-то волшебная сила, наполнявшая энергией наши дряхлые остовы.

Кристабель запела в ритме ударов по тамтаму:

Белзи-Ра, приди, Геката,

Барабана звук услышь.

Инкала Иктум к экватору

Птицей быстрой полетишь.
А с экватора на полюс
Эпталум в земле ползет,
Прорывает путь, как крот,
Зам Поллум, в огнях сиянья
Радость мощи дарованья
Дай нам вволю всем испить,
Диких пчел полет узрить.
А потом под барабан
Молим вместе: Поллум Зам,
Приведи своей десницей
К нам Тартарскую Царицу.

Песня повторялась снова и снова, пока над круглым прудом не сгустилось облако, и тогда мы все в унисон закричали: «Зам Поллум! Аве, аве, Царица всех пчел!»

Облако обрело форму гигантского шмеля величиной с овцу. На нем была высокая железная корона, усыпанная кристаллами, звездами преисподней.

Возможно, это была коллективная галлюцинация, хотя мне так никто и не сумел объяснить, что такое коллективная галлюцинация. Чудовищная Царица пчел медленно кружила над водой и

с такой скоростью взмахивала хрустальными крыльями, что они излучали бледный свет. Когда она посмотрела на меня, я невольно поежилась, увидев странное сходство между ней и аббатисой. И тут она закрыла большой, с чайную чашку, глаз и подмигнула мне. После чего не спеша растворилась, начиная с волосатого жала и кончая кончиками закрученных усиков. В воздухе остался восхитительный запах дикого меда.

По какой-то необъяснимой причине никто не услышал шума нашего действа, и мы, избежав наказания, разошлись по домам, спокойно улеглись в постели и спали долго, без сновидений. Но, прежде чем мы расстались, Кристабель назначила новую встречу — в полночь через три дня.

По общему молчаливому согласию мы не стали обсуждать явление Зам Поллум, Верховной царицы пчел. Но были полны мужества и решимости добиться нашей цели.

Конечно, было нелегко сидеть за столом и не съесть даже крошки хлеба. Под все более подозрительными взглядами доктора Гэмбита приходилось все сильнее мобилизовать волю. Нелегко было противиться и голоду, ведь два печенья в день — не слишком питательный рацион. Доктор Гэмбит ежедневно обращался к нам с

наставлениями — и все без толку. Мы оставались непоколебимы.

Миссис Гэмбит не уставала, мучительно улыбаясь, отпускать едкие замечания. Никто из нас не разговаривал ни с Наташей, ни с миссис ван Тохт, и я со временем заметила, как они сильно осунулись. Держались постоянно вместе и появлялись из самых неожиданных мест, видимо, надеясь подслушать, о чем мы говорим. Но мы не теряли бдительности, и даже Анна Верц стала говорить вполголоса, короткими предложениями.

Еще одно обстоятельство осложняло нашу забастовку: внезапно похолодало и по утрам на ягодах боярышника в саду поблескивал иней. Удивительное дело для страны, расположенной ниже тропика Рака. К полудню иней таял на солнце, но дни становились холоднее, и наше печальное положение все больше усугублялось. Ни у кого из нас не было меховых пальто, и мы дрожали, завернувшись в одеяла. Но, несмотря на невзгоды, сияющий белизной мороз наполнял мое сердце странной радостью, и я вспоминала о Лапландии.

Несмотря на усилия миссис Гэмбит привлечь нас к работе, мы забросили все утренние дела. Раз ничего не ели, то и не обязаны были ей помогать.

Появилось много времени — гулять, мечтать, иногда и думать. Я часто размышляла о предсказании в печенье. И чем больше ломала над ним голову, тем все настойчивее звучали в моей голове загадочные слова: «На помощь! Я узница в башне».

Я всегда подозревала, что в башне кто-то живет, но понятия не имела кто.

И вот однажды, собирая ветки, чтобы развести огонь, я встретила Кристабель. Приходилось разжигать костры, чтобы не замерзнуть за завтраком. Я воспользовалась случаем — вернула историю аббатисы и задала несколько вопросов. Как, например, портрет доньи Розалинды оказался в Америке?

— Это произошло во время гражданской войны в Испании, — ответила Кристабель. — Испанский беженец дон Альварес Круз де ла Сельва привез его сюда, когда спасался от фашистов. Он, видимо, был потомком доньи Розалинды. Прожил здесь несколько лет, а когда умер, дом перешел к Гэмбитам.

— Они его купили или сняли в аренду? — спросила я.

— Сняли у Альберто де ла Сельвы, сына первого владельца. Сейчас он содержит в городе продук-

товый магазин.

— И башню тоже сняли? — неожиданно спросила я и заметила, что Кристабель, прежде чем ответить, на секунду замялась.

— Башней Гэмбиты никогда не пользовались. В половину ее помещений вообще невозможно попасть, поскольку ведущая наверх лестница замурована, оставлено только зарешеченное оконце в стене для вентиляции.

— Кристабель, — повернулась я к ней, — кто живет в башне?

— Я не вправе вам объяснять, — ответила она. — Вы должны узнать сами. Чтобы войти туда, надо отгадать три загадки. Вот первая:

Белые шапки ношу на темени и на хвосте,

Круглый год не снимая, будь я хоть где.

На толстый живот жаркий пояс надет,

Кручусь все вокруг, а ног вот и нет.

Вторая связана с первой, и вот как она звучит:

Смотрю без звука, как ты кружишься вокруг,

Застыв, наблюдаю, но вот ты вдруг

Кренишься больше, чем нужно,

И шапки в пояс превращаются дружно.

Возникают новые шапки, а старые тают.

Ты кружишься без ног, но кажешься хромоногой.

Я замерла на месте, но кажусь в движении.

Как меня зовут, подумай немного?

Отгадаешь первую загадку, должна отгадать и вторую. Третья посложнее, но тоже связана с двумя предыдущими. Вот она:

Пока одна кружится, другая сидит, никуда не бродит.

Сколько шапки ни меняй, они все идеально подходят.

Раз в жизни горы я взмываю ввысь, словно птица,

Хотя птицей мне было не суждено родиться.

Когда тебе новые шапки даны, стены рушатся у моей тюрьмы.

И те, кто вчера еще спал, будут сле-

дить, как я опять над их землей пролетаю.

Кто моя мать? И как меня звать?

Если разгадаешь эти загадки, поймешь, кто живет в башне.

Погода стала совсем пронизывающе-холодной, и мы спешили собрать побольше веток на дрова. Остальные из нашей группы, включая Джорджину, Веронику Адамс, маркизу и Анну Верц, уже развели на лужайке прекрасный большой костер и кипятили воду из теплого источника, слегка отдающую серой. Маркиза раздобыла немного чая, что было для нас огромной роскошью.

— Как в старые времена, — с довольным видом сказала она, — я подкупила садовника, чтобы он сходил нам за чаем. И уж коль скоро он согласился купить чаю, я заказала еще два килограмма сахара.

— Сахар! — хором воскликнули мы. — О, браво!

Два килограмма сахара могут спасти кому-то жизнь. Некоторые из нас так сильно страдали от недоедания, что возникло опасение, как бы эти несчастные не получили воспаление легких. Сахар даст нам сил и поможет согреться. Тот слад-

кий чай был самым восхитительным эликсиром, который мне приходилось пробовать.

Днем пошел небольшой снег, и большинство из нас сидели съежившись и укутавшись в одеяла, какие только смогли раздобыть. Миссис Гэмбит обошла наши бунгало и сообщила, что ее муж приглашает всех нас в гостиную — у него для нас есть важная информация. Она вела себя так непривычно вежливо, что некоторые перепугались.

— Пожалуйста, рассаживайтесь, — пригласил доктор Гэмбит, когда мы все собрались, и в том числе Наташа и миссис ван Тохт. — То, что я хочу вам сказать, много времени не займет. Но все равно устраивайтесь поудобнее, поскольку некоторые из вас могли за последние дни ослабнуть. Явно существуют какие-то причины, почему вы отказываетесь принимать пищу, как обычно, в столовой. Я сделал все возможное, чтобы убедить вас есть, но не добился успеха. Необычно холодная погода и недостаток еды подвергают вас риску, который вы до конца не сознаете. Ведя себя таким необъяснимым образом, вы изгнали из общества двух своих товарищей — Наташу и миссис ван Тохт, чем сильно их расстроили. Две замечательные, в высшей степени духовные

женщины настолько оскорблены, что связались со своими родными, и те приезжают сегодня вечером забрать их домой.

Мы зааплодировали, но доктор Гэмбит, не обращая внимания, продолжал говорить:

— Прискорбный результат вашего отношения к двум женщинам, единственным из всех, кто извлек пользу из своего труда, обернется невосполнимыми потерями для нашего заведения. Остается надеяться, что угрызения совести заставят вас осознать, какую великую несправедливость вы совершили по отношению к своим соседкам. На этом все. Надеюсь увидеть всех за ужином на своих местах, и вы будете принимать, как положено, пищу.

Встала Джорджина и отважно, в качестве нашего спикера произнесла целую речь:

— Доктор Гэмбит, ни я, ни остальные дамы не испытываем ни малейших угрызений совести из-за того, что от нас убирают двух женщин, которых мы считаем социально опасными. Мы придем в столовую тогда, когда будем совершенно уверены, что в еду ничего не подмешано. Это произойдет через сутки после того, как они нас покинут, и при условии, что мы будем наблюдать за приготовлением каждого блюда. Как в

дальнейшем будут проходить наши трапезы, мы проголосуем отдельно, поскольку нам надоело выслушивать во время еды ваши занудные проповеди.

Доктор Гэмбит в ответ лишь блеснул очками. Но тут встала, опрокинув стул, его жена и, забыв улыбнуться, резко начала:

— Джорджина Сайкс, не вы пока управляете нашим заведением. С завтрашнего дня все должно идти заведенным порядком.

— Это определят переговоры между вами и доктором Гэмбитом с одной стороны и нами — с другой, — возразила Джорджина. — Мы больше не позволим запугивать нас вашими гадкими установлениями. Хотя свобода пришла к нам довольно поздно, мы не намерены от нее отказываться. Многие из нас провели жизнь с властолюбивыми, капризными мужьями. А когда мы наконец избавились от них, нас стали изводить наши дочери и сыновья, которые нас не только больше не любили, но считали позорным объектом для насмешек. В страшном сне не представить, что мы, вкусив свободы, позволим вам и вашей злобной половине вновь обвести нас вокруг пальца.

Миссис Гэмбит передернуло, но первым все-та-

ки заговорил ее муж.

— Отложим этот спор. Он бесполезен и совершенно не по существу. — Сказав это, он направился к двери. За ним поспешили миссис Гэмбит, Наташа и миссис ван Тохт.

Мы уже собирались разойтись по своим бунгало и насладиться вечерней порцией сладкого чая, который собирались вскипятить в сапоге Вероники Адамс, когда служанка сообщила, что в гостиной меня ожидает миссис Веласкес. Разумеется, Кармелла. Она и была причиной того, что доктор Гэмбит изменил мнение. Я бы никогда не поверила, что он способен смилостивиться, преисполнившись человеческой добротой. А миссис Гэмбит, как я понимаю, просто наслаждалась зрелищем, как мы голодаем, и была довольна, что можно сэкономить на расходах на питание.

Кармелла сидела в гостиной, закутавшись в очень теплый и удобный на вид плащ-дубленку.

— Кармелла! — воскликнула я. — Да у тебя ясновидение: приехала точно в нужный момент.

Мы прикончили три последние печенья, и если бы маркиза не сумела раздобыть килограмм сахара, у нас бы уже двенадцать часов не было во рту ни макового зернышка.

— От тебя не было вестей, и я начала беспоко-

иться, — объяснила Кармелла. — Мне пришел в голову блестящий план. Я коротко переговорила с доктором Гэмбитом, сказала, что моя племянница пишет для газеты (хотя сомневаюсь, что она вообще умеет писать, но не могу не признать, пироги печет вкусные). Намекнула, что ее очень заинтересовала голодовка в доме для престарелых женщин. Затем заявила, что если он удалит с территории двух неугодных обществу членов, я сниму их двойное бунгало и стану платить вдвое больше за проживание и еду. Думаю, это был последний аргумент, склонивший его в мою пользу. Его очки так и заморгали от жадности.

— В некоторых отношениях ты просто гений! — Я обрадовалась, что Кармелла вольется в наше общество. — Но где ты достанешь такие деньги?

— Спрятанное сокровище, — таинственно ответила она. — Я нашла клад на заднем дворе под досками пола в уборной для слуг.

Я бы не взялась утверждать, шутит она или говорит серьезно. Клад под полом в уборной для слуг — дело не то чтобы невозможное, но уж точно редкое, очень редкое.

— И что за сокровище? — заинтересовалась я. — Испанские монеты? Индейские украшения? Или просто кучи алмазов и рубинов?

— Я откопала случайно урановую шахту, — ответила Кармелла. — Помнишь, я тебе писала, что собираюсь прорыть подземный ход от дома до вашего заведения? Начала потихоньку копать в самом тайном месте и обнаружила урановую шахту. Мы с племянницей миллионеры, и я подумываю купить несколько скаковых лошадей.

Я не понимала, чему верить.

— Знаешь, Кармелла, с тобой случаются самые невероятные вещи. Полагаю, ты уже приобрела вертолет, который всегда хотела?

— Купила лимузин, — с достоинством отозвалась она. — Пойдем посмотрим.

У главного входа стоял большой современный автомобиль сиреневатого цвета — любимого цвета Кармеллы. За рулем сидел китаец в украшенной красными розами черной форме. Он почтительно нас приветствовал. Я до такой степени изумилась, что подумала: уж не бред ли это после голодовки.

— Маджонг, — обратилась Кармелла к шоферу, — принеси ящик сардин и пять дюжин бутылок сладкого портвейна.

Китаец выпрыгнул из-за руля и кинулся доставать из багажника коробку. При этом из недр машины понеслись кататонические аккорды

сарданы — любимого танца Кармеллы.

Мы пошли с ней в мое бунгало, а китаец нес за нами драгоценную коробку с сотней банок настоящих португальских сардин. Снег усилился, и сад уже стал белым.

— Необычная погода для этого времени, — прокомментировала Кармелла. — Можно подумать, что мы в Швеции. Считается, что если земная ось наклонится, ледяные шапки на полюсах растают, экватор будет там, где до этого были полюса, и образуются новые ледяные шапки.

Меня так и озарило: вот она загадка.

Белые шапки ношу на темени и на хвосте,

Круглый год не снимая, будь я хоть где.

На толстый живот жаркий пояс надет,

Кручусь все вокруг, а ног вот и нет.

Разгадка, конечно, Земля. Как я раньше не догадалась? И вдруг почувствовала тревогу. Что, если мысль моей матери, что Монте-Карло стоит на экваторе, а снег в Биаррице — свидетельство того, что Земля меняет полюса, оказалась пророческой? Такие перемены для многих жителей планеты будут катастрофическими. У меня пому-

тилось в голове.

— Завтра привезу всем по дубленке, — пообещала Кармелла. — По такой же, как у меня. И высокие сапоги. Удивительно, как вы еще не умерли здесь от холода!

— Только не растранжирь сразу все свое богатство, — предостерегла я. — Будет ужасно, если через неделю ты обнаружишь, что от твоего состояния ничего не осталось.

— Забудь, — хмыкнула Кармелла. — У меня миллионы. Не сумею потратить, даже если очень захочу. Только представь: я подарила племяннице самую большую и изысканную в городе чайную.

— Так почему бы тебе не купить себе самый роскошный в городе дворец вместо того, чтобы переезжать сюда, где нет никакой роскоши?

— Мне нравится общество, — ответила Кармелла. — А роскошь придет со мной, как та гора, которая последовала за человеком, имени которого я не помню.

— Не гора, а Дунсинанский лес[29], — поправила я с сомнением. — Шекспир сказал, что он должен куда-то пойти.

---

[29] Примечания: 29

В трагедии У. Шекспира «Макбет» есть пророчество: Макбет не будет побежден, пока Бирнамский лес не пойдет на Дунсинанский замок.

— Лес ли, гора ли — какая разница? — фыркнула Кармелла, наблюдая, как Маджонг аккуратно расставляет у стены маяка бутылки с портвейном. Драгоценную коробку с сардинами он водрузил на стол.

— Здесь холодно, — заявила Кармелла. — Придется оставить тебе мою дубленку.

— Пожалуйста, не надо, мне будет неловко, — ответила я, надеясь, что она все-таки настоит на своем.

— У меня в машине есть прекрасная медвежья полость. Маджонг!

— Да, мадам.

— Принеси из автомобиля медвежью полость. Свою дубленку я оставляю миссис Летерби. Если нынешней ночью она будет спать без надежного утепления, то определенно подхватит воспаление легких.

— Слушаюсь, мадам. — Шофер ушел, сопровождаемый моими не слишком настойчивыми протестами. Мороз пробирал и, казалось, с каждым часом все крепчал.

— Я почти не сомневаюсь, что полюса меняют положение, — продолжала Кармелла. — Неизбежно наступит голод. Завтра утром поеду по магазинам, привезу запасы. Пройдет немного

времени, и мы превратимся в стаи дерущихся волков. — Мне почудилось, что ей нравится такая перспектива. — Африканским и индийским слонам, чтобы выжить, придется обволосится и опять превратиться в мамонтов. Не приспособившиеся к новым условиям тропическая флора и фауна исчезнут. Мне особенно жалко животных. К счастью, у многих есть шерсть, которая быстро отрастает. А у плотоядных будет много пищи — все те люди, которые не предвидят перемен и умрут от холода. Их главные беды от атомной бомбы, которой они так гордились.

— Ты считаешь, что мы вступаем в ледниковый период? — Меня эта перспектива совершенно не радовала.

— А почему бы и нет? Такое случалось и раньше, — резонно заметила Кармелла. — И вообще будет верхом справедливости, если все ужасные правительства замерзнут в своих правительственных дворцах и парламентах. Сидят перед микрофонами и ничего не делают, пусть уж лучше вымерзают. Поделом им — с тысяча девятьсот четырнадцатого занимаются только тем, что губят народы.

Непонятно, почему миллионы и миллионы людей подчиняются тошнотворной кучке гос-

под, именующих себя правительством? Видимо, людей пугает слово. Происходит нечто вроде планетарного гипноза, притом очень вредного.

— Так продолжается века, — заметила я. — Лишь очень немногие выходят из подчинения и устраивают то, что называется революциями. После чего формируют еще больше правительств, которые зачастую оказываются более жестокими и глупыми, чем предыдущие.

— Людей трудно понять, — кивнула Кармелла. Остается надеяться, что они все вымерзнут. Не сомневаюсь, жить станет лучше и приятнее, если некому будет подчиняться. Придется думать за себя, а не руководствоваться тем, что говорит реклама, кино, полицейские и парламенты.

Пока мы говорили, Маджонг успел принести полость. Кармелла отдала мне дубленку, завернулась в мех и оперлась на руку шофера-китайца.

— Вернусь завтра к полудню, — бросила она через плечо. — Скажи, чтобы простерилизовали двойное бунгало. После убийства в нем нездоровые вибрации.

Кармелла растворилась в ночи, а я, закутавшись в дубленку, пошла приглашать дам на пир с сардинами и портвейном.

Двери бунгало и Наташиного иглу стояли от-

крытыми, ветер гулял по пустым комнатам. Наташа и миссис ван Тохт уехали. Куда они подевались, мы так никогда и не узнали, правда, никто из нас особенно и не старался выяснить.

На рассвете я поднялась и выглянула на улицу. По-прежнему падал снег. Я удивилась, увидев, что в такой ранний час несколько дам шли по направлению к главному зданию. Может, поскольку Наташи и миссис ван Тохт больше среди нас не было, решили позавтракать в столовой? Но трудно было поверить, что их мучает голод — накануне мы хорошо попировали: запивая портвейном, съели по несколько банок сардин каждая. Не ужин — банкет. Или после стольких дней поста у них пробудился необыкновенный аппетит? Я не спеша оделась, размышляя над загадками, на которые пока не нашла ответа.

Смотрю без звука, как ты кружишься вокруг.

Застыв, наблюдаю…

О ком это? Если первая загадка о Земле, может быть, вторая о Солнце? Не исключено. Ведь Солнце ходит по небу. Но следующие строки гласят:

Кренишься больше, чем нужно,

И шапки в пояс превращаются дружно.

Пояс — это явно экватор, на месте которого образуются новые полюса. Если в загадке есть смысл, а не просто намерение затуманить голову отгадывающего, тогда неподвижный наблюдатель, который кажется двигающимся, не может быть Солнцем. От того, что полюса поменяются местами с экватором, нам не станет казаться, что Солнце движется по небу. Для нас оно и без того движется.

Ты кружишься без ног, но кажешься хромоногой.

Я замерла на месте, но кажусь в движении.

Как меня зовут? Подумай немного.

Кто же это? И почему вращающаяся Земля кажется хромой? Я не находила ответа. И чувствовала, что не в состоянии напрягать свои старые мозги поисками разгадок. Немного злясь, я закуталась в свою огромную дубленку и вышла на снег. Солнце еще не встало — рассвет длился необычно долго, но затянувшие небо облака все равно бы скрыли светило.

Снега навалило почти по колено, но благодаря сильному морозу он был рассыпчатым и сухим. Я ощущала себя чуть-чуть виноватой из-за того,

что прогуливалась в теплой меховушке, в то время как другие согревались, кутаясь в старые одеяла. Если Кармелла не привезет им дубленок, раскроим мою на всех. Будет чем поддерживать в тепле бронхи. Проблемы с легкими в нашем возрасте не подарок.

Единственным зеленым участком в саду оставался идеальный круг с вросшей в почву скалой, где из-под земли пробивался теплый источник. Эта зелень вокруг жарких темных глубин выглядела удивительно нереальной на фоне раскинувшейся снежной равнины. Гамбитам следовало бы устроить банный домик с бассейном, где мы могли бы погреть наши ревматические суставы. Ведь серные купания полезны ревматикам. Но они, наверное, не хотели тратить деньги на всякие усовершенствования, ведь недвижимость им не принадлежала. Законный же владелец мог бы организовать прекрасное спа, с естественным теплым источником. Однако ему, видимо, хватало и того, что приносил бакалейный магазин.

Мне встретилась по пути маркиза, и мы вместе закутались в дубленку. Ее лицо посинело от холода.

— Необъяснимо! — крикнула она мне в левое ухо.

— Абсолютно, — согласилась я, прилаживая слуховую трубку, которую теперь всегда носила с собой на шнурке на манер Робин Гуда. — Никогда в это время года не бывало такой неустойчивой погоды.

— Я сказала «необъяснимо», а не «неустойчиво», — поправила маркиза.

— Да, действительно, необъяснимо, — согласилась я. — Хотя геологи что-нибудь бы накрутили в своих туманных сводках. Такое количество снега южнее тропика Рака — необычное явление.

— Дело не только в снеге, — поправила меня маркиза. — Уже одиннадцать утра, а солнце еще не взошло.

Остатки моих жидких седых волос встали дыбом — солнце не взошло! Надвигается какой-то катаклизм. Мне стало страшно, но в то же время интересно.

В гостиной горел камин, и все дамы сгрудились возле него с кружками кофе. Они живо обсуждали происходящее вокруг.

— Надеюсь, сюда мигрируют морские львы, — проговорила Анна Верц. — Ужасно умные твари.

Мы могли бы научить их всяким трюкам в саду, и они бы съели немного сардин.

— Если солнце погаснет, на нашей планете

выживет только арктическая плесень, — предположила Джорджина. — Но и она со временем исчезнет.

Насущной проблемой было отсутствие одежды, и я предложила, если Кармелла не привезет на всех дубленок, разрезать мою. Все согласились, что это, по крайней мере, защитит от холода наши бронхи.

— Пройдет еще какое-то время, прежде чем здешние места наводнят полярные медведи, — продолжала Анна Верц, чьим воображением, судя по всему, завладели северные звери. — Полярные медведи очень опасны, хотя лично я думаю, что любое животное дружелюбно, если обращаться с ним без агрессии. Надо научиться относиться к ним с добром, но осторожно, каждый вечер оставлять миску с молоком или кусок соленой трески, которую они очень любят. Постепенно они станут позволять гладить себя и даже будут спать в бунгало, отчего внутри станет значительно теплее. Один или два полярных медведя размером с обычную упряжную лошадь способны генерировать очень большое количество тепла.

— Кстати, о тепле, — перебила ее Джорджина. — Предлагаю перенести сюда кровати и поддерживать ночью огонь, иначе не выживем.

Мы и так, наверное, последние люди на земле.

Медные часы над камином показывали, что уже полдень, но бледное солнце не становилось ярче и снег валил без передышки. Деревья им так сильно придавило, что одна-две пальмы не выдержали и упали.

Анна Верц сходила на кухню, набрала сухого хлеба и бросила на веранду птицам.

— Замерзли, бедняжки, и вдруг сделалось совершенно нечего есть.

Голуби, воробьи и несколько ворон ходили по снегу и искали, что бы поклевать. В кронах какие-то пернатые начали было щебетать, но тут же замолкли, не зная, то ли это утро, то ли вечер. Мы и сами не могли бы сказать, если бы не смотрели на медные часы.

Джорджина заперла дверь, на случай если нагрянет доктор Гэмбит и примется ругать за разожженный огонь.

— Если полезет со своими идиотскими проповедями, надо будет его связать и заткнуть рот кляпом, — предложила она. — В конце концов, их только двое против шести.

Я стала беспокоиться за Кармеллу, которая обещала к полудню приехать. Снег завалил дороги, машину вести, должно быть, трудно.

Может, тоже проспала, подумала я, ведь рассветать-то стало только в одиннадцать часов.

На лужайке собиралось все больше птиц. Самые отважные заходили на веранду и клевали крошки. Прилетел тукан и несколько попугаев. За ними морские птицы: чайки, пеликаны и живущие на побережье в тропиках маленькие белые журавли.

Вскоре мы все прилипли к окну и любовались картиной: в сумерках трудно было разобрать породу птиц, но те, кто подходил ближе, отчетливо выделялись на снегу.

Внезапно громко звякнул дверной колокольчик, и подобравшиеся ближе к дому птицы в испуге взлетели. Мы с Джорджиной пошли открывать. Все обрадовались, увидев, что ко входу подъехал сиреневый лимузин Кармеллы.

— Откройте, — попросила она, просунув голову в одно из окон. — Надо поставить машину в сад, чтобы пользоваться фарами. Электричества некоторое время может не быть.

Я заметила, что на ней превосходно сочетающийся с машиной новый сиреневый парик. Он шел ей гораздо больше, чем прежний, ярко-красный. Пыхтя и задыхаясь, мы с Джорджиной умудрились открыть двойные двери, которые со

смерти дона Альвареса де ла Сельвы явно оставались закрытыми. Маджонг завел машину во двор, где забуксовал и остановился. В саду навалило так много снега, что туда лимузин бы не проехал.

— Пусть остается здесь, — сказала я Кармелле. — Мы завладели гостиной и не собираемся пускать сюда доктора Гэмбита. Если только он не придет с миром.

— Отлично, — кивнула подруга. — Если мы все соберемся в одном месте, будет легче экономить топливо.

Маджонг открыл мелодично пропевшую сардану крышку багажника и уже выгружал многочисленные пакеты. Салон машины был тоже забит под крышу дубленками, сапогами, масляными лампами и маслом, зонтиками, шапками, свитерами, цветочными горшками с растениями и двенадцатью возбужденными кошками, среди которых я с радостью узнала своих.

Как только Кармелла открыла дверцу лимузина, кошки, сердито шипя, разбежались во все стороны.

— Они скоро успокоятся и придут в дом, пообещала подруга. — Я предусмотрительно положила под дубленку ломтики сушеной трески. Кошки найдут меня по запаху. Не бойся, не потеряются.

Маджонг вносил в дом упаковки, и Кармелла отмечала галочками пункты в длинном списке, который держала в руке.

— Споры грибов, бобы, чечевица, сушеная фасоль и рис. Семена травы, печенье, рыбные консервы, разнообразные сладкие вина, сахар, шоколад, зефир, консервы с кошачьей едой, крем для лица, чай, кофе, медицинские аптечки, мука, фиалковые пастилки, консервированный суп, мешок пшеницы, корзина для рукоделия, кирка, табак, какао, лак для ногтей, и так далее, и так далее — вполне достаточно припасов, чтобы выдержать осаду.

— Как только небо расчистится, воспользуемся планисферой, — предложила Кармелла. — Тогда мы точно узнаем, что происходит. В последние три месяца я сдружилась со студентом-астрономом, и он объяснил мне, как она действует.

— Не исключено, что ты права насчет смены полюсов, — сказала я, размышляя о странных загадках, которые мне предложила разгадать Кристабель. — Со вчерашнего утра солнце так и не взошло.

— Удивительно, насколько хорошо относятся люди к тем, у кого есть деньги, — задумчиво проговорила Кармелла. — Этот астроном даже

предложил выйти за него замуж, но, поскольку ему всего двадцать два года, я посчитала это неблагоразумным. Да и вообще мне больше не хочется замуж.

Мы сложили провиант в гостиной. Внутри было прохладно, а припасенных доктором Гамбитом в кладовой дров оказалось не слишком много — мы сомневались, что их хватит на следующий день и ночь. Угля не было, поскольку раньше, чтобы поддерживать тепло, было вполне достаточно по вечерам топить дровами.

Кармелла раздала всем дубленки, сапоги, шерстяные носки и шапки. И мы стали походить на участниц экспедиции исследователей Северного полюса, полвека пробродивших за полярным кругом.

— Маджонг займется кухней, — сказала Кармелла. — Он удивительно экономный повар.

— А как быть с миссис Гэмбит? — спросила Джорджина. — Она костьми ляжет, защищая кухню.

— Посмотрим, может, ей еще и понравится, что ее освободят от работы.

Так мы устроились в гостиной. К четырем вечера стало темнеть, снег прекратился.

Мало-помалу небо прояснилось, обнажив ве-

ликолепный, темный, чистый звездный купол. Кармелла распаковала планисферу, и мы отправились в сад рассматривать звезды. Планисфера представляла собой картонный диск с картой неба, на которой были обозначены звезды, видимые с данной территории Земли. Поверх него вращался пластмассовый диск с невидимыми отсюда звездами. По окружности картонного диска стояли месяцы и часы, соответствующие появлению тех или иных звезд. В центре диска было небольшое отверстие.

Кармелла обращалась с планисферой весьма ловко и быстро нашла нужную дату и час.

— Через отверстие в центре должна быть видна Полярная звезда, — объяснила она. — Так определяют положение других, постоянно находящихся в движении небесных тел. Сама Полярная звезда будет казаться в движении, если только земная ось настолько отклонится, что изменится положение магнитных полюсов.

Голос, который, казалось, принадлежал не мне, а кому-то другому, пропел в моей голове:

Смотрю без звука, как ты кружишься вокруг,

Застыв, наблюдаю, но вот ты вдруг

Кренишься больше, чем нужно,

И шапки в пояс превращаются дружно.

Возникают новые шапки, а старые тают.

Ты кружишься без ног, но кажешься хромоногой.

Я замерла на месте, но кажусь в движении.

Как меня зовут, подумай немного?

Так ведь это Полярная звезда! Без планисферы Кармеллы я бы ни за что не догадалась. Хотя, когда увидела планисферу в прошлый раз, мне сказали, что прибор надо ориентировать так, чтобы в середине была Полярная звезда.

Кармелла изучала диск при свете фонаря. Она нашла Полярную звезду, но ни одного созвездия на своем законном месте не было.

Небо освещали странные бледные всполохи. Ни малейшего ветерка, но деревья качались и с ветвей падали комья снега. Затем мы увидели, как на фоне неба стал двигаться дом. Деревья затряслись сильнее, будто от урагана. Однако холодный воздух оставался неподвижным. На снегу появились трещины, дом стонал, как от боли, мы слышали шум падающих где-то вещей.

— Землетрясение! — закричала Джорджина и, чтобы не упасть, ухватилась за Веронику Адамс. — Взгляните на башню!

Часть строения, словно охваченная пожаром, озарилась красным. Тяжелая каменная башня раскачивалась из стороны в сторону, и вдруг воздух пронзил громкий треск и стены раскрылись, как разбитое яйцо. Из трещины, подобно копью, вырвался язык пламени, и вслед за ним вверх взмыло крылатое существо, похожее на птицу. Оно задержалось на кромке разбитой башни и на секунду предстало нашим глазам. Необычайное создание, излучающее яркий свет, обладало человеческим телом, но не имело рук и было покрыто блестящими перьями. Шесть крыльев подрагивали, готовые к полету. Громко расхохотавшись, чудище подскочило, полетело на север и вскоре скрылось из вида.

Раз в жизни гор взмываю ввысь я, словно птица,

Хоть птицей мне не суждено было родиться.

Сефира![30] *Но какая мать родила та-*

---

[30] Примечания: 30

В каббале Сефира, или Священный старец, есть божественный Разум.

кого сына?

Кристабель улыбалась и с любопытством смотрела на меня. И я без раздумий сказала:

— Ответ на первую загадку — Земля. На вторую — Полярная звезда. На третью — Сефира. Но кто его мать, я не знаю.

Она отрывисто рассмеялась, но этого никто не услышал, кроме меня, поскольку все остальные смотрели вслед шестикрылому Сефире.

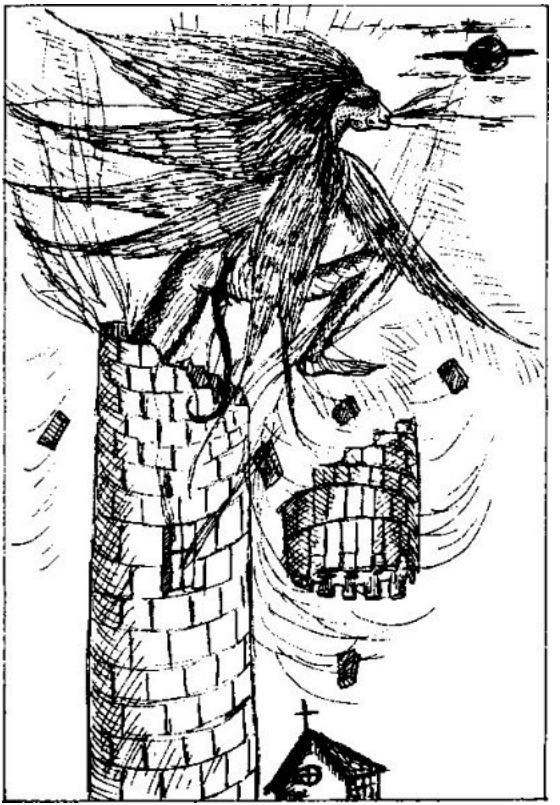
— Иди за мной и увидишь мать того, кто полетел сеять панику среди людей.

И те, кто вчера еще спал, проснутся.

И будут следить, как я опять над их землею пролетаю.

Кто моя мать? И как меня звать?

Мы отделились от наших подруг, все еще смотревших в небо, и направились к башне. Все успокоилось, небо опять затянуло тучами, снова собирался снег. Когда мы подходили, из широкой трещины выбились клубы дыма, и я решила, что внутри разгорается пожар. Дверь сорвало с петель при землетрясении. В воздухе плавал сильный запах серы и ада.



— Вверх или вниз? — спросила меня Кристабель, когда мы оказались внутри. На верхушку башни вела винтовая лестница. Часть ступеней

были разрушены, и сквозь широкую трещину в стене виднелось небо, по которому плыли сгущающиеся облака. У ног же моих разверзся зев глубокого провала, и где-то внизу, в темноте, терялись ступени другой лестницы. Теплый ветерок из-под земли овевал наши лица.

Вверх или вниз? Прежде чем ответить, я вгляделась во мрак, но ничего не увидела. Подняла голову и различила сияющие звезды в разрыве облаков. Они показались мне неимоверно далекими и очень холодными.

— Вниз, — наконец ответила я, наслаждаясь теплым потоком из глубин. Уж лучше свалиться в крематорий, чем до смерти окоченеть на вершине башни.

Я бы вернулась назад, но любопытство было сильнее страха.

— Вниз тебе придется спускаться одной, — предупредила Кристабель и, не дождавшись ответа, исчезла в ночи.

Если бы не холод, я бы сразу вернулась — меня переполнял ужас. Но вдруг под дубленку залетел порыв пронизывающего ветра, и я начала медленно спускаться по каменным ступеням.

Хоть они были широкими, я боялась упасть в темноте — я не видела даже собственной руки.

В этом непроглядном мраке я нащупала стену и, спускаясь, держалась за нее.

Сначала лестница вела прямо вниз, затем резко повернула. Здесь стена была особенно гладкой, словно до меня ее отполировало много других рук. За поворотом я увидела мерцающее сияние, как от пламени костра. Еще ступеней через двадцать почва под ногами выровнялась, и я оказалась в длинной галерее, открывшейся в вырубленном в камне большом круглом помещении. Резные колонны поддерживали своды, призрачно освещенные костром в середине пола. Огонь, казалось, горел совершенно без топлива — вырывался из расщелины в камне.

В эту круглую залу вели последние ступени в конце галереи. Спустившись, я ощутила запах серы и адского пламени. В пещере было тепло, как на кухне.

У огня сидела женщина и что-то помешивала в большом металлическом котле. Я не видела ее лица, но она показалась мне знакомой. Какие-то детали ее одежды, наклон головы подсказывали мне, что я часто видела ее раньше.

Когда я подошла к огню, женщина перестала помешивать в чане и поднялась поздороваться. Мы оказались лицом к лицу; мое сердце подпрыг-

нуло и остановилось. Передо мной стояла я сама.

Правда, та я была не такая сгорбленная и как будто выше. Лет на сто моложе или старше меня самой — не имела возраста. Черты лица похожи на мои, но выражение веселее и смышленее. Глаза не потускнели и не покраснели, и держалась она свободно.

— Долго же ты сюда добиралась. Я уже начала опасаться, что ты вообще не придешь, — заговорила женщина.

Я лишь что-то пробормотала в ответ и кивнула, ощущая свой возраст грузом камней.

— Что это за место? — наконец выдавила я, обводя взглядом пещеру и чувствуя, как под этой тяжестью подгибаются и крошатся колени.

— Ад, — улыбнулась она. — Но «ад» — это только термин. А на самом деле — Утроба мира, откуда происходит все сущее. — Женщина испытующе посмотрела на меня.

Я понимала, что она ждет от меня новых вопросов, но мой мозг застыл, словно кусок замороженной баранины. В голове все-таки возник вопрос, и хотя он показался мне абсурдным, я облекла его в слова:

— Кого бы я встретила, если бы поднялась на верхушку башни?

Женщина расхохоталась, и я услышала собственный смех, хотя сама никогда так весело не смеялась.

— Откуда мне знать? Может, играющих на арфах ангелов или Санта-Клауса.

В мозгу вдруг стали формироваться вопросы — один глупее другого.

— Какая из нас настоящая я?

— Это должна решить ты. Когда определишься, я научу тебя, что делать дальше. Или хочешь, чтобы решила я?

Казалось, она гораздо умнее меня, и я в ответ прохрипела:

— Да, мадам, решайте, пожалуйста, вы. Моя голова сегодня вечером не такая ясная, как обычно.

Она оглядела меня с головы до ног, затем с ног до головы, и, как мне показалось, довольно критически. Затем проговорила будто самой себе:

— Стара, как Моисей, страшна, как Сет, груба, как сапог, ума не больше, чем в деревянной кегле. Но мяса не хватает, так что полезай.

— Что? — Я все еще надеялась, что ослышалась. Но она мрачно кивнула и показала длинной деревянной ложкой на варившийся в котле суп:

— Прыгай в бульон, мяса в этом году недоста-

точно.

Я с ужасом, молча, смотрела, как она очистила морковь и две луковицы и бросила в бурлящий котел. Пусть я не помышляла о славной смерти, но завершать жизнь куском мяса в супе тоже не входило в мои планы. Было что-то парализующе-зловещее в том, как небрежно она снимала шкурку с овощей, которые должны были придать вкус сваренному из меня бульону.

Поточив нож о каменный пол, она придвинулась ко мне, улыбаясь:

— Точно не боишься? И нечего бояться. Одна секунда — и все. И то правда: тебя же вниз никто не тянул — сама выбрала.

Я хотела кивнуть и одновременно попятиться, но колени так сильно дрожали, что вместо того, чтобы двигаться к лестнице, я боком тащилась

все ближе к котлу. И когда оказалась в пределах досягаемости той, другой, она ударила меня острым ножом в спину. И я, вскрикнув от боли, оказалась в кипящем бульоне, где на мгновение замерла в нечеловеческой агонии в обществе подружек по несчастью — моркови и двух луковиц.

Последовали громыхания и удары — и вот я уже стою у котла и помешиваю суп, в котором плавает вверх ногами моя собственная плоть, варящаяся не хуже куска говядины. Я добавила щепоть соли, несколько зернышек перца и перелила немного бульона на пробу в гранитную миску. Суп оказался не таким вкусным, как буйабес, но вполне пристойным, очень к месту для холодной погоды.

Я строила догадки, кто я из двух, и тут вспомнила, что где-то в пещере есть кусок полированного вулканического стекла, которым можно пользоваться как зеркалом. Вот он — на своем обычном месте в углу, рядом с гнездом летучих мышей. Я взглянула в зеркало и увидела, что на меня смотрит, насмешливо улыбаясь, аббатиса монастыря Святой Варвары Тартарской. Потом ее лик поблек, и на его месте возникли огромные глаза и усики Царицы пчел. Постепенно Царица пчел стала превращаться в меня саму, только не такую

поизносившуюся, что я объяснила темноватой поверхностью вулканического стекла.

Держа зеркало на вытянутой руке, я словно видела трехглавую женщину, попеременно подмаргивающую мне разными глазами. Одно лицо было черным, другое красным, третье белым, и лица эти принадлежали аббатисе, Царице пчел и мне. Хотя, конечно, это мог быть оптический обман.

Подкрепившись бульоном, я почувствовала себя совсем хорошо, словно обновилась, и даже испытала огромное облегчение, как давным-давно, когда у меня вырвали последний зуб. Я накинула дубленку и, насвистывая «Энни Лори»[31], которую, думала, забыла много лет назад, стала подниматься по каменной лестнице.

Прошли века с тех пор, как кто-то первым спустился сюда, и вот я резво, словно горная коза, теперь скакала по лестнице в верхний мир. Темнота больше не казалась мне смертельной ловушкой, в которой я в любой момент могла расстаться с жизнью.

И вот что странно: в этой темноте я видела как кошка. Я стала частью ночи, как всякая другая

---

[31] Примечания: 31

Старинная шотландская песня на стихи поэта Уильяма Дугласа (1672–1748).

тень.

На дворе снова обильно повалил снег, и развалины дома престарелых уже успело запорошить. Главное здание землетрясение сровняло с землей, над грудой обломков возвышались лишь зазубренные обломки стен. Строение, должно быть, рухнуло после второго подземного удара, который последовал вскоре за первым. Я спокойно озирала взглядом руины.

Мои подруги разожгли на лужайке большой костер и плясали вокруг него под звуки тамтама Кристабель. Я решила, что это вполне практичный способ согреться.

Гэмбиты были, наверное, погребены под обломками, но там не было заметно ни малейшего движения, и снег мирно покрывал груды камня и цемента.

Восторженная и полная тайн, я присоединилась к танцу у огня. Никто бы не взялся определить, который час: день успел померкнуть и наступила ночь, а солнце так и не поднималось.

— Понравился суп? — окликнула меня Кристабель, ударяя по барабану. И другие рассмеялись и повторили за ней:

— Понравился суп?

Тут я поняла: они знали, что произошло в

пещерном зале под башней. Согревшись, мы остановились перевести дыхание.

— Откуда вы узнали, что я пила бульон? — спросила я, и все снова расхохотались.

— Потому что ты была последней, кто спускался в пещеру, — ответила Кристабель. — Мы все побывали в подземном мире. Ну, и кого ты там встретила?

Мне задавали ритуальные вопросы, и я поняла, что должна говорить правду.

— Себя саму.

— Кого еще? — Кристабель обращалась ко мне, а другие ритмично хлопали в ладоши.

— Настоятельницу монастыря Святой Варвары Тартарской и Царицу пчел. — И вдруг мне стало интересно, и я спросила: — А вы кого?

— Себя, Царицу пчел и аббатису! — закричали все в один голос.

Я заливисто рассмеялась вместе со всеми, и мы снова принялись плясать под звуки тамтама.

Никто не знал, сколько времени прошло до того, пока наконец снова не поднялось солнце. Оно взошло над горизонтом — бледное, белесое, освещая измененный снегом и льдом мир.

После землетрясения кругом, насколько хватало глаз, царили одни руины — не осталось

ни одного целого здания. Многие деревья были вырваны с корнем. Шофер Кармеллы Маджонг уцелел. Он укрылся в лиловом лимузине, у которого пострадал только мотор. С разных сторон к нам сбежались кошки — они вернулись испуганные, но целые и невредимые.

Светлые часы дня мы посвятили поискам пищи: обыскали весь дом и все, что удалось обнаружить, снесли в пещеру, согреваемую пробивавшимся сквозь камни пламенем. Кристабель объяснила, что там постоянно горел природный газ. Журчащий наверху в саду горячий источник зарождался в скале под башней.

Никакого супа не было и в помине, но рядом с огнем стоял негодный котел. На стене висела шестиугольная пластина отполированного вулканического стекла, и мы все знали, что им пользуются как зеркалом.

Дни и ночи были неравными по длине. Солнце высоко не поднималось и к середине дня уже закатывалось. Земля словно хромала на орбите, пытаясь обрести равновесие в новом миропорядке.

Вскоре мы вполне обустроились в пещере и с нами кошки и Маджонг, который теперь говорил только по-китайски. Провизии сколько-то набра-

лось, хотя многие пакеты с едой из-под обломков дома извлечь не удалось. Так что наш рацион составляла чечевица, пшеница, споры грибов и изрядно помятый зефир.

Сиреневый лимузин был испорчен окончательно, да и пользы от него никакой не было бы в снегу глубиной несколько метров. Мы часто выходили из пещеры, но не встретили ни одного человека, зато птиц и зверей в округе было вдосталь. Олени, пумы и даже обезьяны спустились с гор и бродили поблизости в поисках пищи. Нам не приходило в голову охотиться на них. Нельзя начинать новую ледниковую эру с убийства собратьев.

Маджонг перенес в пещеру землю, которую накопал поблизости от горячего источника, где снег был мягче и не так заледенел, как в других местах. Мы разбили большую делянку грибов, и они бурно росли в тепле и влаге. Грибы стали составлять главную часть нашего рациона. Чтобы урожай впредь не упал, мы устроили специальную секцию для спор и внимательно за ними наблюдали. Иногда сажали пшеницу и ели, когда она прорастала, но без солнечного света разводить не могли. Как-то мы заметили пасущихся у горячего источника коз — там под

снегом еще росли кустики и трава. Это счастливое обстоятельство обеспечило кошек и нас свежим молоком. Мы нарвали веток с деревьев, чтобы обеспечить рогатых едой, и они со временем присоединились к нам в пещере и лишь иногда выходили наверх поискать какой-нибудь пищи.

Всякий раз, когда поднималось солнце, мы обходили руины в поисках провизии, и эти экспедиции вознаграждались то находкой раздавленной банки сардин, то горсти риса.

Как-то на рассвете — мы больше не употребляли слово «день», — когда я копалась в обледенелых обломках чего-то, что приняла за старую мебель, случилось нечто совершенно необычное, вспугнувшее даже стаю воронов с развалин восточной стены.

По едва заметной тропинке, некогда бывшей дорогой, шел почтальон. В обычной почтальонской форме и с сумкой для писем. И, что самое удивительное, у него на плече висела гитара.

— Добрый день, — поздоровался он. — Вот доставил по этому адресу корреспонденцию. — Он подал мне открытку с изображением Мраморной арки и нескольких лейб-гвардейцев.

Поразительный текст гласил:

Все в добром здравии, несмотря на оч. холодную

погоду. Вид катающихся на коньках по Ла-Маншу — это нечто. Мы с мадам смотрели хоккейный матч рядом с Белыми скалами Дувра. Будьте здоровы и с наилучшими пожеланиями

Макгрейв.

— Письма идут не так быстро, как раньше, — заметил почтальон. — Много поступлений из Англии. Разношу пешком, но все больше на лыжах.

— Много народу выжило? — спросила я.

— Не очень, — ответил почтальон. — Большинство крупных городов оккупировали омерзительные снежные люди. Они нам не вредят, но, как все остальные, роются в поисках еды.

— Заходите к нам, выпейте стакан теплого молока, — пригласила я. — Все с удовольствием послушают новости. Давненько у нас не было гостей.

— Не возражаю. — Почтальон, потирая руки, последовал за мной.

В пещере Анна Верц готовила грибы в козьем молоке, а Джорджина с Вероникой Адамс конструировали прялку для козьей шерсти. Вскоре к нам спустились Кармелла, маркиза, Кристабель и Маджонг, выходившие поискать под снегом овощи. Они нашли немного моркови и замерзшее

сено для овец.

— Меня зовут Талиесин[32], — объявил почтальон. — Всю свою жизнь — а она у меня долгая — я разношу вести.

Анна Верц подала ему мисочку с грибами и молоко. Талиесин устроился у огня и начал:

— Все народы и все моря сотрясались так неистово, что не уцелели ни дома, ни замки, ни хижины, ни храмы. Это случилось после нескольких дней снегопада и тьмы. В некоторых местах слышали страшный гром, а падавший с небес дождь замерзал на лету. Замерзший дождь ледяными пиками высотой с хороший небоскреб застыл, воткнувшись в снег. Редкостное зрелище. Стада диких и домашних животных проносились через города, исторгая крики и ища убежища, под ногами вздымалася земля. В некоторых местах из-под земли извергалось пламя, и на небе возникали странные картины. Большинство выживших были в шоке и охвачены паникой, хотя нашлись и отважные борцы, пытавшиеся спасти миллионы жертв, еще не погибших в разрушенных мегаполисах. В местах скопления горожан то и дело разыгрывались отвратительные сцены.

---

[32] Примечания: 32

Талиесин — в валлийской мифологии волшебник и бард, первый из смертных, обладавший даром пророчества.

— Что со Святым Граалем? — спросила Кристабель.

— На западном побережье Ирландии землетрясение было такой силы, что камни висели в воздухе на несколько миль ввысь, — ответил Талиесин. — В сотне мест проснулись вулканы; смертоносное месиво из снега и лавы уносило людей и зверей прочь. Потоки из кротов, мышей и мелких мертвых птиц градом стучали по крышам, заваливая трупами улицы городов и деревни на ярд в высоту. Во время этих катастрофических катаклизмов древний форт тамплиеров Рат-Конор взмыл вверх, словно воздушный змей, склеп тайны был расколот надвое, и Грааль подхватило и унесло ввысь со всем остальным. Священный сосуд приземлился невредимым на соломенную крышу полуразрушенного крестьянского жилища. Там его нашла жена крестьянина, положила в деревянный короб и отнесла пережившему катаклизм приходскому священнику. Священник, некто отец О'Грейди, решил, что это чаша вроде тех, которые используются в храмах, но какого-то диковинного фасона, и взял ее с собой в Дублин, где в винном погребе укрылись от напасти несколько епископов и некоторое число иезуитов. Взрыв, развороти вший Рат-Конор, мо-

ментально освободил и разметал силу, которая концентрировалась вокруг Чаши в закрытых помещениях. Этот волшебный закон действителен почти для всех заряженных объектов. Затем Грааль безнаказанно осквернял прикосновениями священник, его таскали в коробе с соломой и обсуждали как обыкновенную старинную поделку. Однако среди иезуитов нашелся ученый муж по имени Руперт Траффикс, узнавший необычный фасон Грааля. Его подозрения перешли в уверенность, когда он выведал у О'Грейди, что Чашу обнаружили в окрестностях крепости Рат-Конор. Некоторые ученые знали этот форт как древнюю вотчину рыцарей-тамплиеров.

Тьму развеяло полуденное солнце, которое двадцать девять часов горело над Британскими островами, и иезуит убежал с Граалем в Англию. Это оказалось несложно, поскольку епископы и остальные иезуиты употребили так много вина без закуски, что лежали в пьяном оцепенении. В момент взрыва я был неподалеку от Рат-Конора, а затем следовал за Граалем в Дублин и в Англию.

В глубоких подвалах Английского банка спасались важные люди: государственные мужи, богатые бизнесмены, генералы и, разумеется, церковные сановники. Во время последней атом-

ной войны выкопали подземный город, чтобы спасти тех, кого правительство считало самыми ценными гражданами. Существование подземного города держали в секрете, чтобы его в панике не захватила чернь. Туда и устремился иезуит Руперт Траффикс.

Так вот, в районе Хампстед-Хит[33] есть пещера, где ведьмы втайне, чтобы их не покарал закон, устраивают свои шабаши. С древних времен, несмотря на войны и гонения, они плясали в здешних пещерах. И я, когда на меня охотились, прятался у них, и каждый раз меня принимали обходительно и благожелательно. Как вы, безусловно, знаете, моя миссия в веках состояла в том, чтобы доносить до людей не подвергшуюся цензуре, правдивую информацию без оглядки на чины и звания. Из-за этого меня не жаловали власти всей планеты. Я же вижу свою задачу в том, чтобы разъяснять человеческим существам, насколько они порабощены и эксплуатируются власть имущими.

Прибыв в Лондон, я немедленно укрылся в пещере в Хампстет-Хит среди ведьм. И там узнал о существовании прохода, ведущего к подземному

---

[33] Примечания: 33
Лесопарк на северной возвышенной окраине Лондона.

городу под Английским банком.

Все пришли в волнение, когда я сказал, что Святой Грааль уже в Англии и мы строили планы, как снова им овладеть. Как вам известно, Великая Мать не может возвратиться на эту планету, пока не получит обратно полную живительной силы Чашу под защитой своего супруга Рогатого бога.

Хотя мы придумали множество хитроумных планов, как вернуть Грааль, подобраться к нему так и не сумели. В итоге наши шпионы сообщили нам, что Грааль покинул Англию на гидросамолете под охраной нескольких полицейских в штатском и иезуита Руперта Траффикса. А пунктом назначения Священной чаши было здешнее плато — стало известно, что в этой части американского континента землетрясение и вулканические выбросы оказались наиболее щадящими. Поклоняющиеся Мстительному богу-отцу, конечно, хотели сохранить святыню, и небольшому ядру адептов было известно, какова магическая сила Чаши. Посвященные понимали, что их гипнотическая власть над человечеством закончится, если Граалем вновь овладеет Великая мать. Среди посвященных был и Руперт Траффикс, изучивший от начала до конца историю Грааля.

Все это объясняет, почему я здесь и по-прежнему в поисках Священной чаши.

Выслушав эти важные новости, все немного помолчали, затем Анна вновь наполнила мисочки грибами и молоком.

— Надо незамедлительно выработать план, как овладеть Граалем и возвратить его Великой матери, — предложила Кристабель. — После ядерной войны богиня улетела, и это было последним гвоздем, забитым в гроб поколения. Если органической жизни на планете суждено сохраниться, нужно побудить богиню вернуться, чтобы в мире снова восторжествовали добро и любовь.

— Чаша в городе в нескольких милях отсюда, — сказал Талиесин. — Оставшиеся в живых поклонники Злого бога-отца уже извещены, что Грааль в этой стране, и со временем прибудут сюда, чтобы постараться сохранить остатки своей дьявольской, святотатственной религии.

— Может ли Царица пчел наполнить Чашу Живительным Духом? — с жаром спросила Кристабель.

— В Европе странами уже овладел Лев, а Единорог в отчаянии улетел на Сириус, — загадочно ответил Талиесин, и от его слов в наших жилах застыла кровь.

— Единорога больше нет! — в ужасе воскликнула Кристабель. В тот миг лишь она одна осознала значение страшной новости.

— Разорение и все мерзости на род людской! — кивнул головой Талиесин.

— Каким способом мы можем овладеть Священной чашей? — спросила, в тревоге прохаживаясь по пещере, Джорджина. — Она, должно быть, зорко охраняется?

— Сварим зелье и будем совершать омовения, чтобы получить совет Святой Гекаты, — предложила Кристабель. — Потребуется дурман, вербена и мускус, чтобы получилось действенное снадобье, и мы приготовим его после должных омовений. В городе найдется аптека, до которой можно добраться. И как только стемнеет, Талиесин и Маджонг пойдут и раздобудут нужные ингредиенты.

Все согласились с этим планом. Взывание к богине было единственным способом получить указания, как раздобыть Грааль.

Талиесин и Маджонг вооружились инструментами из разбитого лимузина и отправились в город. Бледный серп луны плыл среди облаков, стягивающихся и набухавших на небе перед очередной снежной бурей.

Как только Кристабель приступила к приготовительным омовениям для вызывания духов, козы внезапно заволновались. Убежали в самый дальний и темный угол пещеры и жалобно заблеяли. Откуда-то издалека донесся вой, словно бежала большая свора собак.

— Бедняги проголодались, — заметила, прислушавшись, Анна Верц. — Надо поделиться с ними едой. — Она размешала в молоке вареный рис и добавила для вкуса несколько сардин.

Когда еда была готова, Анна и маркиза понесли котел в верхний мир.

Собачий вой приблизился, но было в нем нечто такое, что поразило меня своей необычностью. Когда Анна и маркиза вернулись, котел был пуст.

— Несчастные, — сказала Анна. — Мне не приходилось видеть таких взбудораженных голодных собак. Представьте: они все немецкие овчарки, но не позволили мне их погладить — набросились на еду, словно месяцы напролет голодали. Позор, что люди совсем не заботятся о своих животных. Только и знают, как спасать свои шкуры, а их верные псы пусть сбиваются в стаи и умирают от голода.

В этот миг все повернулись к подножию лест-

ницы. За Анной по пятам шла собака — громадный серый кобель немецкой овчарки с нервно бегающими глазами. Я встала, но как только приблизилась к зверю, он испуганно отпрянул. Сгрудившиеся овцы в страхе заголосили. Но это была не собака, а огромный серо-серебристый волк.

Он явно был вожаком стаи. Настолько храбрее остальных, что решился спуститься в теплую пещеру. Мы бросили ему несколько кусочков сушеной рыбы, которые он жадно проглотил, кося на нас подозрительным взглядом.

— Такой душка, что волосы дыбом встают. — Джорджина попятилась к нашему вечному огню. — Вырвет глотку, глазом не моргнет.

Анна подошла к волку, словно напрашиваясь, чтобы он ее укусил.

— Бедный мальчик! Тебя до смерти заморили. Вот уж действительно вопиющий позор, как люди относятся к собакам. Попробуйте, найдите хоть одного человека такого же славного, как эти звери. Если уж на то пошло, то только на собак и можно положиться. — Анну никто не мог убедить, что перед ней не домашний пес, а дикая тварь из дальних лесов.

Стая продолжала наверху выть, но я слышала,

что в ее хоре что-то изменилось, и по легкому покалыванию черепа засекла новый звук — довольно близкий и, как ни странно, напоминающий о сладких пирожках. Хотя мне по-прежнему требовалась слуховая трубка, в последнее время я научилась предчувствовать звуки, которые потом транслировала через рог.

— Разве сегодня Рождество? — удивилась Кармелла, и я поняла, что за звук сопровождал волчий вой: в пещере явственно слышалось треньканье множества маленьких колокольчиков. Волк навострил уши и ждал.

— Как мило! — заметила Джорджина. — Удивительно подходит к погоде. Так и кажется, что вот-вот появится старина Санта-Клаус, наговорит комплиментов, поздравит, завалит пещеру игрушками.

Что-то в этом роде и случилось. Прошло несколько минут, и мы услышали пронзительные свистки, а затем в шахту лестницы, словно из прошлого, издалека, донесся голос:

— Понтефакт! Понтефакт! Что ты там делаешь, непослушный волчара? Сейчас же иди к папочке!

Голос Мальборо всегда проникал туда, куда не долетал ничей другой голос. Даже в свои са-

мые глухие дни я слышала, как он говорит в нескольких комнатах от меня. И вот он собственной персоной стоит на ступенях лестницы — в чем-то изменившийся, но, как никогда, похожий на самого себя. Он был одет в бордовый бархат, отделанный темным мехом, и не каким-нибудь, а собольим. Высокая магистерская шапочка надвинута на изборожденный морщинами лоб, длинная узкая борода почти достает до промокших теннисных туфель. На каждом плече — по белому соколу.

От волчьей суровости не осталось и следа — он разом превратился в безудержного подлизу-спаниеля: повалился на спину, махал в воздухе лапами, от восторга скулил.

— Мальборо! — воскликнула я. — Я думала, ты еще в Венеции!

— Дорогая! — Он говорил таким тоном, словно мы расстались только вчера. — Ну и натерпелся я, разыскивая тебя. Хорошо, что обнаружил племянницу Кармеллы живой в ее булочной. Город — загляденье! Все ужасные дома рухнули, и повсюду одна и та же картина: словно во рту вместо зубов сосульки. Настолько странно, что словами не описать.

— Как ты добрался из Венеции? — спросила

я. — И что с твоей сестрой?

— Анубис, разумеется, со мной. Там, наверху, в ковчеге. Я решил тебя немного подготовить, прежде чем ты увидишься с ней. Чтобы не было сюрпризов, хотя, не сомневаюсь, ты не ждешь чего-то уж слишком нормального. Пожалуйста, постарайся не задеть ее чувств. Ведь и ты сама выглядишь не совсем обычно.

Я познакомила Мальборо со своими компаньонками; он, одобрительно восклицая, обошел пещеру.

— Изящные пропорции! Можно подумать, я попал в зиккурат![34] Еще бы в этот угол для создания потрясающей оптической иллюзии повесить длинные узкие гобелены с единорогами по углам. Только, боюсь, козы их съедят.

— Гобеленов у нас пока нет, — предупредила я. — Есть подходящий пук соломы; можно воспользоваться им, пока не приобретем гобелены.

Мальборо остановился погладить коз, которые все так же дрожали в углу. За хозяином к ним приблизился волк Понтефакт, и коз вновь охватила паника.

— Испугались, бедняжки, — успокаивающе

---

[34] Примечания: 34
Культовое сооружение в древней Месопотамии.

бормотал Мальборо. — Дрожите, козочки. Понтефакт хороший, Понтефакт вас не обидит. — Козы ему не верили. — Понтефакт никого не обижает. Волки реально умнее собак. Кроме того, его отец — агнец. Ведь так, мой хороший?

— Как мне нравится ваш наряд! Сразу видно: «Шанель»! — провозгласила Джорджина. — С соболями ничто не сравнится. Модно, шикарно. Наверное, стоят кучу денег?

— Право, не знаю, — ответил Мальборо. — Это подарок принцессы Селины Скарлатти за то, что я написал для нее колыбельную сонату в стиле литургии. В то время она шила себе костюм для бала-маскарада, который хотела организовать в Ватикане в защиту бесправных лесбиянок. Папу это вывело из себя.

— Мальборо, — перебила я их. — Сколько можно держать сестру на улице? Заморозишь до смерти.

— Анубис очень терпеливая, — возразил он. — Кроме того, в нашем ковчеге центральное отопление. Мы жили в нем месяцами. А сюда из-за волков добирались через Канаду. Анубис очень любит волков, скоро ты поймешь почему. В Венеции ей стало одиноко, а потом пошел снег и вроде как даже понравилось.

Все это показалось мне очень загадочным. Теперь я ждала встречи с сестрой Мальборо с любопытством и некоторым страхом.

— Давай пригласим ее сюда. Не слишком вежливо держать человека одного в верхнем мире.

Пока мы поднимались по ступеням, Мальборо рассказал, как они ехали из Венеции через Италию, Францию, Англию, а затем через Северное море и Канаду.

Стоявший наверху ковчег Мальборо представлял собой впечатляющее зрелище. Он возвышался на полозьях, как сани, но в остальном напоминал Ноев ковчег, только выполненный в духе эпохи Возрождения, и был похож на картину тронувшегося рассудком венецианского художника: позолоченный, резной, вычурно раскрашенный. По всей конструкции висели колокольчики и звякали от легкого дуновения ветерка.

— Двигается под воздействием атомного импульса, — с гордостью объяснил Мальборо. — Мотор размещен в корпусе из горного хрусталя размером не больше куриного яйца. Самое современное средство передвижения. Не требует горючего, не создает шума. Настолько бесшумен, что я привесил колокольчики, чтобы было не так

скучно. Нравится?

— Бесподобно, — восторженно похвалила я. — Тебе его сделали в Венеции?

— Мой собственный проект. Цыганская простота и ядерный комфорт.

Волки сидели у ковчега полукругом, словно охраняли его. Мне стало не по себе, но Мальборо заверил, что они прекрасно выдрессированы. Еще я забеспокоилась о кошках, которые куда-то исчезли при первом появлении Понтефакта.

— Извини, я буду звать сестру. — Мальборо приставил ладони рупором ко рту и издал несколько душераздирающих криков. На них изнутри ковчега послышались такие же крики, а затем задребезжала дверь с искусной резьбой, изображающей Купидона и Психею, обнимающихся среди оленей и лебедей.

— Не пугайся, — предупредил Мальборо. — Если она почувствует, что тебе не по себе, то сильно разнервничается.

Но то, что появилось из ковчега, намного превосходило самые дикие фантазии моего и без того разгоряченного воображения. Сестра Мальборо Анубис оказалась женщиной высокого роста с волчьей головой. У нее была пропорционально скроенная, за исключением головы, человече-

ская фигура. Она была одета в блестящее платье, на узких ступнях остроносые туфли. Она стояла в дверях, порыкивая и скаля острые зубы. Мальборо зарычал в ответ. А я стояла, не в состоянии поддержать разговор.

— Сестра понимает десять языков и пишет на санскрите, — сказал Мальборо. — Но благодаря особенностям нёба испытывает трудности с произношением. Поэтому мы изъясняемся с ней рыком. Однако ты можешь обращаться к ней по-английски — она превосходно понимает этот язык.

— Здравствуйте, — нервно поздоровалась я. — Милости просим в наше жилище. — Сестра Мальборо что-то прорычала. Впоследствии я выучила несколько вежливых фраз на волчьем, но в тот момент беседа была для меня затруднительной.

— Анубис спрашивает, не хочешь ли ты осмотреть ковчег изнутри, — перевел Мальборо. — Она очень гордится домом и, должен сказать, устроила все с большим вкусом.

— С превеликим удовольствием, — ответила я, скованно поклонившись. Решила, что с Анубис нужно обращаться с некоторой церемонностью — уж очень сильное она производила впечат-

ление.

Внутри ковчег был похож на видения цыгана после хорошей дозы опиума: по стенам развешаны прекрасные вышивки, распылители благовоний сделаны в виде пернатых птиц, лампы — в виде склоняющихся богомолов с подвижными глазами, бархатные подушки изображали гигантские фрукты, диваны на основаниях в форме распростертых женщин с волчьими головами красиво отделаны слоновой костью и редкими породами дерева. С потолка свисали мумифицированные фигурки животных, застывших в настолько естественных позах, что казались живыми.

— Анубис любит бальзамировать все, что находит мертвым, — объяснил Мальборо. — Это ее хобби. Она использует очень древнюю египетскую технологию. Все в нашей семье очень талантливы.

Анубис зарычала и, сняв с потолка чучело странного зверька, дала мне посмотреть его — это оказалась черепаха со сморщенным лицом младенца и замершими в галопе длинными, тонкими ногами.

— Анубис сказала, что этот коллаж она сделала ради шутки после того, как смотритель главных

моргов Венеции подарил ей трупик ребенка. Ноги она взяла у замерзших от холода аистов. Очень остроумно. Иногда мне кажется, что ей следовало бы рисовать. Уверен, у нее есть талант.

Брат и сестра обменялись несколькими рыками, и мы расположились вокруг маленького столика из нефрита на ножке в виде вздыбившейся аметистовой кобры.

— Должна сказать, у вас здесь все очень уютно и оригинально, — заметила я. — Идеальные условия для путешествий.

Анубис подала жасминовый чай и напиток в маленьких рюмочках, который назвала шампанским, хотя это был коньяк из Шампани.

— Да, в нашей семье всегда любили путешествовать, — подтвердил Мальборо, удобно устроившись на бархатных подушках в виде нектарина. — В прошлом ты даже сравнивала меня с ласточкой из-за того, что я то появлялся, то исчезал. Думаю, что свои склонности я унаследовал от Великого дяди Имре, мадьярского дворянина, сына хорошо известной трансильванской вампирши. По разным причинам я не рассказывал тебе всю историю нашей семьи — во время коммунистических гонений в Венгрии я дал клятву хранить тайну. Теперь же, к великой печали,

из всех родных остались только мы с Анубис. С тремя другими сестрами — Одри, Анастасией и Аннабель — у меня, как ты знаешь, были натянутые отношения. Все они были подвержены общей мании: когда я пересекал полмира, чтобы повидаться с ними в их замках, они думали, что единственная цель моего приезда — стащить допотопный пылесос, который они за непомерные деньги давали друг другу напрокат. Все они погибли во время катаклизма. Одри нашли вмороженной вверх ногами в небольшой айсберг, который врезался в ее спальню. Она застыла, держа у рта пустую бутылку из-под шампанского. Очень трагично, но не без поэтичной справедливости. Собственно говоря, лишь одна Анубис унаследовала черты Великого дяди Имре. Он был оборотнем.

— Ясное дело, — кивнула я. — Коммунисты не потерпели бы у себя оборотня. Тем более что он происходил из такой знатной семьи. — Анубис, судя по всему, осталась моим замечанием довольна и облизнула морду длинным красным языком.

— Нашу собственность в Венгрии конфисковали, — продолжал Мальборо. — Дядю Имре поймали и выставляли напоказ в клетке в Санкт-

Петербурге. А когда он от стыда скончался, набили из него чучело и поместили в Музей естественной истории. Все это разрушительным образом подействовало на нашу фамильную гордость. Я опубликовал короткую и довольно горькую элегию в память Великого дяди Имре. Теперь ты понимаешь, почему мы скрывали, что в наших жилах течет волчья кровь, хотя сам я вижу в этом нашу исключительность.

— Будет очень жаль, если оборотни совершенно вымрут, — сказала я. — Ведь боги и богини с головами животных в течение всей истории

оказывали на людей большое влияние.

Мальборо сделал маленький глоток жасминового чая и провел рукой по своей необыкновенно длинной бороде.

— Если хочешь знать, мы затеяли наше путешествие именно для того, чтобы предотвратить такую беду, — сказал он. — Анубис почти восемьдесят, и мы решили, что ей пора выйти замуж, пока не слишком поздно, чтобы продолжить наш род. Поэтому мы поехали через Канаду — найти Царя волков Понтефакта, который с радостью согласился составить ей пару.

— Прошу прощения, — поразилась я. — Ты хочешь сказать, что…

— Именно. Анубис в счастливом браке с Царем Понтефактом, с которым ты уже познакомилась. И вскоре они ждут потомство. Волчья стая — это подданные Понтефакта, и неудивительно, что они нас повсюду сопровождают.

Я немного помолчала, переваривая поразительные новости. Какое слово подходит для такого приплода: ребенок, оборотенок, щенок?

И решила не уточнять, пока Мальборо не даст мне подсказку. В некоторых отношениях он был очень консервативен.

— Примите мои самые сердечные поздравле-

ния, — сказала я Анубис. — Нам всем нравится, когда рядом молодежь.

Мальборо просил не тревожиться за коз: чтобы животные не волновались из-за присутствия волков, они с сестрой останутся жить в ковчеге. Я поняла, что выбор сделан не только поэтому — в ковчеге было намного комфортнее, чем в нашей простой пещере. Но вежливость не позволила Мальборо об этом упомянуть. Я предложила им пользоваться всем, что может предложить наше жилище. И ушла в белом облаке с ароматом имбиря, вырвавшемся из клюва чучела кукушки.

Когда я выходила из круга волков, они провожали меня глазами. Я всеми силами старалась никого не обидеть, ведь эти звери отличаются раздражительным характером.

Внизу в пещере звучал тамтам Кристабель, оповещающий о возвращении Маджонга и почтальона Талиесина. Они успешно проникли в обвалившуюся аптеку и, правда, не без труда добыли необходимые ингредиенты. Фарфоровая кружка, в которой хранился дурман, разбилась, однако содержимое не пострадало. И после того, как мы совершили омовения, Кристабель высыпала снадобья из трех сосудов в кипящий котел.

Начался круговой танец, и вскоре пары ки-

пящих в котле дурмана, вербены и мускуса, а также ритм барабана Кристабель привели нас в неистовство. Козы, блея, тоже прыгали, образуя внешнее кольцо. Маджонг и Талиесин поднялись в верхний мир, поскольку мужчины на это магическое действо не допускались.

Белзид Ра, приди, Геката,
Барабана звук услышь.
Инкала Иктум к экватору
Птицей быстрой полетишь.
А с экватора на полюс
Эпталум в земле ползет,
Прорывает путь, как крот,
Зам Поллум, в огнях сиянья
Радость мощи дарованья
Дай нам вволю всем испить,
Диких пчел полет узрить.

Воздух наполнился жужжанием и стрекотаньем крылышек. Миллионы шмелей собрались над котлом и составили большую женскую фигуру. Рой дрожал и колебался в очертаниях великанши.

— Говори, Зам Поллум! — крикнула Криста-

бель. — Зам Поллум, говори! Отвори свое сердце, наполненное диким медом, и посоветуй, как нам добыть твой священнейший Грааль, чтобы Земля не погибла на своей оси. Говори, Зам Поллум!

Фигура гудела и поблескивала, а затем из ее кишащих миллионами пчел глубин послышался голос — настолько сладостный, что мы почувствовали себя утопающими в меду.

— Пчелы снова устроят гнездо в теле Льва, моя чаша опять наполнится медом, и я буду опять пить с рогатым богом Сефирой, Полярной звездой, моим мужем и моим сыном. Следуйте за роем.

Козы шарахнулись в стороны — это к нашему танцу присоединилась Анубис. Она двигалась царственно, источая свечение и аромат фимиама.

— Я Анубис, Верховная царица волков. Мой народ предлагает себя, чтобы добыть твою Священнейшую чашу, богиня Геката Зам Поллум. — Все это она произнесла по-волчьи. Богиня гудела миллионами голосов, и с потолка пещеры, словно манна, начали падать капли меда. Мы оказались покрыты восхитительной ароматной липкостью и были вынуждены себя вылизать.

Рой распался, и богиня миллионами сверкающих частиц взлетела вверх по лестнице.

— За ней! — крикнула Кристабель, и мы, приплясывая, поспешили за пчелами.

Побуждаемая протяжным воем Анубис, за нами устремилась вся волчья стая. Затем снялся с места ковчег Мальборо, и дикий хор колокольчиков присоединился к жужжанию пчел.

Богиня требовала назад свою Святую Чашу, вооружившись роем пчел, стаей волков, шестью старухами, почтальоном, китайцем, поэтом и женщиной-оборотнем. Такого странного войска, наверное, не видали еще на планете.

Маркиза, знакомая с боевыми порядками, приказала волкам окружить дворец архиепископа, где прятали Грааль. Нам велено было одновременно завопить, будто на нас напали волки. И, как только дверь откроется, рой пчел должен был ворваться внутрь и захватить Грааль.

Все получилось так, как предусматривал план. На наши крики сам архиепископ сбежал по лестнице открыть дверь. Подгоняемые нечело-

веческим разумом, пчелы влетели в дом и через несколько мгновений возвратились со Священным Граалем, который они спрятали в тайной части пещеры, оставив за собой дорожку меда, сверкающую на снегу, как золото.

Спустя несколько секунд архиепископ пришел в себя — поднял домашних, и вскоре во двор высыпал поток разгневанных священников и агентов тайной полиции. Их отбросила назад стая волков, мы спаслись бегством, и волки последовали за нами в арьергарде.

На этом кончается мой рассказ. Я записала все, как было — без преувеличений: поэтических и каких бы то ни было иных.

Вскоре после возвращения Грааля разродилась Анубис — на свет появились шесть детенышей-оборотней, которые стали намного привлекательнее, когда обросли шерстью. Привычка, надо сказать, замечательная вещь в своем роде. Вскоре они уже весело играли с котятами, а Царь Понтефакт по-волчьи улыбался своему веселому выводку.

Идет ледниковый период, но мы надеемся, что настанет время, и снова взойдет трава и распустятся цветы. А пока я делаю записи на трех восковых дощечках.

Когда я умру, мои записи продолжат потомки Анубис. И так будет всегда, пока Земля населена кошками, оборотнями, пчелами и козами. Мы все горячо надеемся, что человечество возродится, отказавшись по своей воле от живительной силы богини.

По данным планисферы Кармеллы, мы находимся примерно в том месте, где когда-то была Лапландия, и при мысли об этом я улыбаюсь.

В тот же день, когда появились на свет дети Анубис, волчица в стае родила шесть белых пушистых щенков. Мы подумываем научить их тянуть нарты.

Если старуха не может добраться до Лапландии, пусть Лапландия идет к старухе.